

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

35

9-й год издания

№ 11

Ноябрь 1939 г

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ВНЕОЧЕРЕДНАЯ ПЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 1-го СОЗЫВА

О внешней политике Советского Союза

Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров
и Народного Комиссара Иностранных Дел
тов. В. М. МОЛОТОВА на заседании Верховного Совета
Союза ССР 31 октября 1939 года.

Товарищи депутаты!

За последние два месяца в международной обстановке произошли важные изменения. Это относится, прежде всего, к положению в Европе, но также и к странам, находящимся далеко за пределами Европы. В связи с этим надо указать на три основных обстоятельства, имеющих решающее значение.

Во-первых, надо указать на изменения, происшедшие в отношениях между Советским Союзом и Германией. Со времени заключения 23 августа советско-германского договора о ненападении был положен конец ненормальным отношениям, существовавшим в течение ряда лет между Советским Союзом и Германией. На смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Дальнейшее улучшение этих новых, хороших отношений нашло свое выражение в германо-советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанном 28 сентября в Москве. Происшедший крутой поворот в отношениях между Советским Союзом и Германией, между двумя самыми крупными государствами Европы, не мог не сказаться на всем международном положении. При этом события целиком подтвердили ту оценку политического значения советско-германского сближения, которая была дана на прошлой Сессии Верховного Совета.

Во-вторых, надо указать на такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши не мало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако, оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем—Красной армии, чтобы ничего не оста-

Товарищ В. М. Молотов.

лось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. «Традиционная политика» беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась.

В-третьих, следует признать, что вспыхнувшая в Европе большая война внесла коренные изменения во всю международную обстановку. Эта война началась между Германией и Польшей и превратилась в войну между Германией—с одной стороны, Англией и Францией—с другой стороны. Война между Германией и Польшей закончилась быстро, ввиду полного банкротства польских руководителей. Польше, как известно, не помогли ни английские, ни французские гарантии. До сих пор, собственно, так и неизвестно, что это были за «гарантии». (Общий смех). Начавшаяся между Германией и англо-французским блоком война находится лишь в своей первой стадии и по-настоящему еще не развернулась. Тем не менее, понятно, что такая война должна была внести коренные изменения в положение Европы, да и не только Европы.

В связи с этими важными изменениями международной обстановки, некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно, — к которым многие так привыкли—явно устарели и теперь неприменимы. Надо отдать себе в этом отчет, чтобы избежать грубых ошибок в оценке сложившегося нового политического положения в Европе.

Известно, например, что за последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессия», «агрессор» получили новое конкретное содержа-

ние, приобрели новый смысл. Не трудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3—4 месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются.

Попытки английского и французского правительств оправдать эту свою новую позицию данными Польше обязательствами, разумеется, явно несостоятельны. О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи. Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего Польского государства. Понимая это, правительства Англии и Франции, однако, не хотят прекращения войны и восстановления мира, а ищут нового оправдания для продолжения войны против Германии.

В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как «уничтожение гитлеризма». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские, сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны. Действительно, в свое время религиозные войны против еретиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тягчайшим для народных масс последствиям, к хозяйственному разорению и к культурному одичанию народов. Ничего другого эти войны и не могли дать. Но эти войны были во времена средневековья. Не к этим ли временам средневековья, к временам религиозных войн, суеверий и культурного одичания тянут нас снова господствующие классы Англии и Франции? Во всяком случае, под «идеологическим» флагом теперь затеяна война еще большего масштаба и еще больших опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию». В самом деле, никак нельзя назвать борьбой за демократию такие действия, как закрытие коммунистической партии во Франции, аресты коммунистических депутатов французского парламента или урезывание политических свобод в Англии, неослабевающий национальный гнет в Индии и т. п.

Не ясно ли, что цель теперешней войны в Европе не в том, о чем говорят в официальных выступлениях для широкого круга слушателей во Франции и Англии, то-есть не в борьбе за демократию, а в чем-то другом, о чем не говорят эти господа открыто.

Действительная причина англо-французской войны против Германии не в том, что Англия и Франция поклялись будто бы восстановить прежнюю Польшу и, конечно, не в том, что они решили будто бы взять на себя задачу борьбы за демократию. У правящих кругов Англии и Франции есть, разумеется, другие более действительные мотивы для войны против Германии. Эти мотивы относятся не к области какой-либо идеологии, а к сфере их сугубо материальных интересов, как могущественных колониальных держав.

Британская империя, население которой достигает 47 миллионов, владеет колониями с населением в 480 миллионов человек. Колониаль-

ная империя Франции, население которой не превышает 42 миллионов, охватывает 70 миллионов жителей во французских колониях. Владение этими колониями, дающее возможность эксплуатировать сотни миллионов людей, является основой мирового господства Англии и Франции. Страх перед германскими притязаниями на эти колониальные владения — вот в чем подоплека теперешней войны Англии и Франции против Германии, которая серьезно усилилась за последнее время в результате развала Версальского договора. Опасения за потерю мирового господства диктуют правящим кругам Англии и Франции политику разжигания войны против Германии.

Таким образом, империалистический характер этой войны очевиден для каждого, кто хочет видеть действительное положение дел, кто не закрывает глаз на факты.

Из всего этого видно, кому нужна эта война, ведущаяся из-за мирового господства. Конечно, не рабочему классу. Такая война не сулит рабочему классу ничего, кроме кровавых жертв и бедствий.

После этого, судите сами: изменилось или не изменилось за последний период содержание таких понятий, как «агрессия», «агрессор»? Не трудно видеть, что употребление этих слов в старом смысле, — то-есть, как это было до последнего решительного поворота в политических отношениях между Советским Союзом и Германией и до начала большой империалистической войны в Европе, — может породить только путаницу в головах и неизбежно будет толкать к ошибочным выводам. Чтобы этого не случилось, мы не должны допускать некритического отношения к тем старым понятиям, которые неприменимы в новой международной обстановке.

Так сложилась международная обстановка в последний период.

Перейдем к изменениям, происшедшим во внешнем положении самого Советского Союза. Изменения здесь произошли не маленькие, но, если говорить о главном, то нельзя не признать следующего: благодаря последовательному проведению своей мирной внешней политики, нам удалось значительно усилить свои позиции и международный вес Советского Союза. (Продолжительные аплодисменты).

Наши отношения с Германией, как я уже сказал, улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру. Заключенный между Советским Союзом и Германией договор о ненападении обязывал нас к нейтралитету в случае участия Германии в войне. Мы последовательно проводили эту линию, чему отнюдь не противоречит вступление наших войск на территорию бывшей Польши, начавшееся 17 сентября. Достаточно напомнить, что тогда же, 17 сентября, Советское Правительство разослало всем государствам, с которыми оно имеет дипломатические отношения, специальную ноту с заявлением о том, что СССР и впредь будет проводить политику нейтралитета в отношении с ними. Как известно, наши войска вступили на территорию Польши только после того, как Польское государство распалось и фактически перестало существовать. Оставаться нейтральными к таким фактам мы, разумеется, не могли, так как в результате этих событий перед нами встали острые вопросы безопасности нашего государства. К тому же Советское Правительство не могло не считаться с исключительным положением, создавшимся для братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии, которое в развалившейся Польше оказалось брошенным на произвол судьбы.

Последующие события полностью подтвердили, что новые советско-германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов. После вступления частей Красной Армии на территорию бывшего Поль-

ского государства возникли серьезные вопросы разграничения государственных интересов СССР и Германии. Эти вопросы были быстро урегулированы по взаимному согласию. Германско-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в конце сентября, закрепил наши отношения с Германским государством.

• . . . Отношения Германии с другими западно-европейскими буржуазными государствами за последние два десятилетия определялись, прежде всего, стремлением Германии разбить пути Версальского договора, творцами которого были Англия и Франция при активном участии Соединенных Штатов Америки. Это, в конечном счете, и привело к теперешней войне в Европе.

Отношения Советского Союза с Германией строились на другой основе, не имеющей ничего общего с интересами увековечения послевоенной Версальской системы. Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе. Было бы смешно думать, что Германию можно «просто вывести из строя» и скинуть со счетов. Державы, лелеющие эту глупую и опасную мечту, не учитывают печального опыта Версаля, не отдают себе отчета в возросшей мощи Германии и не понимают того, что попытка повторить Версаль при нынешней международной обстановке, в корне отличающейся от обстановки 1914 года,—может кончиться для них крахом.

Мы неуклонно стремились к улучшению отношений с Германией и всемерно приветствовали такого рода стремления в самой Германии. Теперь наши отношения с Германским государством построены на базе дружественных отношений, на готовности поддерживать стремления Германии к миру и, вместе с тем, на желании всемерно содействовать развитию советско-германских хозяйственных отношений ко взаимной выгоде обоих государств. Надо специально отметить, что происшедшие в советско-германских отношениях изменения в политической области создали благоприятные предпосылки для развития советско-германских хозяйственных отношений. Последние хозяйственные переговоры Германской делегации в Москве и происходящие в данный момент переговоры Советской хозяйственной делегации в Германии подготавливают широкую базу для развития товарооборота между Советским Союзом и Германией.

Теперь разрешите остановиться на событиях, непосредственно связанных с вступлением наших войск на территорию бывшего Польского государства. Мне нет необходимости описывать ход этих событий. Обо всем этом подробно говорилось в нашей печати и вы, товарищи депутаты, хорошо знакомы с фактической стороной. Скажу лишь о самом существенном.

Нечего доказывать, что в момент полного распада Польского государства наше правительство обязано было протянуть руку помощи проживающим на территории Западной Украины и Западной Белоруссии братьям-украинцам и братьям-белоруссам. Оно так и поступило. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Депутаты встают и устраивают овацию). Красная Армия вступила в эти районы при всеобщем сочувствии украинского и белорусского населения, встречавшего наши войска, как своих освободителей от панского гнета, от гнета польских помещиков и капиталистов.

При боевом продвижении Красной Армии по этим районам у наших воинских частей были местами серьезные стычки с польскими частями, а, стало быть, были и жертвы. Каковы были эти жертвы, видно из следующего. На белорусском фронте в частях Красной Армии, считая начальствующий и рядовой состав, мы имели убитых — 246 и раненых — 503, а всего — 749. На украинском фронте мы имели убитых из начальствующего и рядового состава — 491 и раненых — 1.359, а всего —

1.850. Следовательно, общее количество жертв, понесенных Красной Армией на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, составляет: убитых — 737, раненых — 1.862, то-есть в целом — 2.599 человек. Что касается наших боевых трофеев в Польше, то они составляют 900 с лишним орудий, свыше 10.000 пулеметов, свыше 300 тысяч винтовок, более 150 миллионов винтовочных патронов, около 1 миллиона артиллерийских снарядов, до 300 самолетов и т. д.

Перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства. Так, территория Западной Белоруссии достигает 108 тысяч квадратных километров, с населением в 4 миллиона 800 тысяч человек. Территория Западной Украины составляет 88 тысяч квадратных километров, с населением в 8 миллионов человек. Таким образом, перешедшая к нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население—около 13 миллионов человек, из которых украинцев—более 7 миллионов, белоруссов—более 3 миллионов, поляков—свыше 1 миллиона, евреев—свыше 1 миллиона.

Политическое значение этих событий трудно переоценить. Все сообщения с Западной Украины и Западной Белоруссии свидетельствуют о том, что население с неопишым восторгом встретило свое освобождение от панского гнета и горячо приветствовало новую великую победу Советской власти. **(Взрыв Долгих аплодисментов)**. Прошедшие в последние дни выборы в Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, которые здесь были впервые организованы на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, с тайной подачей голосов, показали, что, по крайней мере, $\frac{9}{10}$ населения этих областей были уже давно подготовлены для воссоединения с Советским Союзом. Известные уже теперь всем нам решения Народных Собраний во Львове и Белостоке свидетельствуют о полном единодушии народных избранников во всех политических вопросах.

Перейдем к нашим отношениям с прибалтийскими странами. Как известно, и здесь произошли существенные изменения.

В основе отношений Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой лежат соответствующие мирные договоры, заключенные в 1920 году. По этим договорам Эстония, Латвия и Литва получили самостоятельное государственное существование, причем за весь истекший период Советский Союз неизменно проводил дружественную политику в отношении этих, вновь созданных, малых государств. В этом нашло свое выражение коренное отличие политики Советской власти от политики царской России, зверски угнетавшей малые народы, не дававшей им какой-либо возможности самостоятельного национально-государственного развития и оставившей у них не мало тягостных воспоминаний. Следует признать, что опыт истекших двух десятилетий развития дружественных советско-эстонских, советско-латвийских и советско-литовских отношений создал благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления политических и всяких других отношений СССР с прибалтийскими соседями. Это показали и последние дипломатические переговоры с представителями Эстонии, Латвии и Литвы, и те договоры, которые были подписаны в Москве, в результате этих переговоров.

Вы знаете, что Советский Союз заключил такие пакты взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, которые имеют крупнейшее политическое значение. Принципиальная основа этих пактов одинаковая. Они основаны на взаимопомощи между Советским Союзом, — с одной стороны, Эстонией, Латвией и Литвой, — с другой стороны, включая и военную помощь друг другу, в случае нападения на кого-либо из них. Ввиду особого географического положения этих стран, являющихся сво-

его рода подступами к СССР, особенно со стороны Балтийского моря, эти пакты предоставляют Советскому Союзу возможность иметь военно-морские базы и аэродромы в определенных пунктах Эстонии и Латвии, а в отношении Литвы устанавливают совместную с Советским Союзом защиту литовской границы. Создание этих советских военно-морских баз и аэродромов на территории Эстонии, Латвии и Литвы и ввод некоторого количества красноармейских частей для охраны этих баз и аэродромов обеспечивают надежную опору обороны не только для Советского Союза, но и для самих прибалтийских государств и, тем самым, служат делу сохранения мира, в котором заинтересованы наши народы.

Имевшие место в последнее время дипломатические переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой показали, что между нами существует достаточное доверие и нужное понимание необходимости осуществления этих военно-оборонительных мер в интересах как Советского Союза, так и самих этих государств. В переговорах полностью выявилось стремление их участников к сохранению мира и к обеспечению безопасности для наших народов, занятых мирным трудом. Все это и обеспечило успешное окончание переговоров и заключение пактов взаимопомощи, имеющих важное историческое значение.

Особый характер указанных пактов взаимопомощи отнюдь не означает какого-либо вмешательства Советского Союза в дела Эстонии, Латвии и Литвы, как это пытаются изобразить некоторые органы заграничной печати. Напротив, все эти пакты взаимопомощи твердо оговаривают неприкосновенность суверенитета подписавших их государств и принцип невмешательства в дела другого государства. Эти пакты исходят из взаимного уважения государственной, социальной и экономической структуры другой стороны и должны укрепить основу мирного добрососедского сотрудничества между нашими народами. Мы стоим за честное и пунктуальное проведение в жизнь заключенных пактов на условиях полной взаимности и заявляем, что болтовня о советизации прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам.

На основе достигнутого улучшения политических отношений с Эстонией, Латвией и Литвой, Советский Союз пошел широко навстречу хозяйственным нуждам этих государств, заключив соответствующие торговые соглашения. В связи с этими хозяйственными соглашениями, товарооборот с прибалтийскими странами увеличивается в несколько раз и имеет благоприятную перспективу для дальнейшего роста. В условиях, когда торговля всех европейских стран, в том числе и нейтральных государств, переживает громадные затруднения, эти экономические соглашения СССР с Эстонией, Латвией и Литвой имеют для них весьма крупное положительное значение.

Таким образом, сближение, происшедшее между СССР, Эстонией, Латвией и Литвой, будет содействовать более быстрому под'ему сельского хозяйства, промышленности, транспорта и вообще народному благосостоянию наших прибалтийских соседей.

Принципы советской политики в отношении малых стран с особой силой продемонстрированы на примере договора о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области. При этом Литовское государство с его населением в два с половиной миллиона человек, значительно расширяет свою территорию, увеличивает на 550 тысяч человек свое население и получает город Вильно, число жителей которого почти в два раза превышает население теперешней Литовской столицы. Советский Союз пошел на передачу города Вильно Литовской Республике не потому, что в нем преобладает литовское население. Нет, в Вильно большинство составляет нелитовское население. Но Советское Прави-

тельство считалось с тем, что город Вильно, который Польшей был насильственно отторгнут от Литвы, должен принадлежать Литве, как такой город, с которым связано, с одной стороны, историческое прошлое Литовского государства, а, с другой — национальные чаяния литовского народа. В заграничной печати указывалось, что в мировой истории не было еще такого случая, чтобы большое государство по собственной воле отдавало малому государству такой большой город. Тем ярче этот акт Советского государства демонстрирует его добрую волю.

В особом положении находятся наши отношения с Финляндией. Это объясняется, главным образом, тем, что в Финляндии больше сказываются разного рода внешние влияния со стороны третьих держав. Беспристрастные люди должны, однако, признать, что те же вопросы обеспечения безопасности Советского Союза и, особенно, Ленинграда, которые стояли в переговорах с Эстонией, стоят и в переговорах с Финляндией. Можно сказать, что в некотором отношении вопросы безопасности для Советского Союза здесь стоят даже острее, поскольку главный, после Москвы, город советского государства — Ленинград, находится всего в 32 километрах от границы Финляндии. Это значит, что Ленинград находится от границы другого государства на расстоянии меньшем, чем это нужно для артиллерийского обстрела из современных дальнобойных орудий. С другой стороны, морские подступы к Ленинграду также в значительной мере зависят от того — враждебную или дружественную позицию в отношении Советского Союза занимает Финляндия, которой принадлежит вся северная часть побережья Финского залива и все острова вдоль центральной части Финского залива.

Считаясь с таким положением, а также с создавшейся в Европе обстановкой, можно рассчитывать, что со стороны Финляндии будет проявлено должное понимание.

На чем основывались отношения Советского Союза с Финляндией за все эти годы? Известно, что основой этих отношений является мирный договор 1920 года по типу наших договоров с другими нашими балтийскими соседями. Советский Союз своим свободным волеизъявлением обеспечил самостоятельное и независимое существование Финляндии. Не может быть сомнения, что только советское правительство, признающее принцип свободного развития национальностей, могло пойти на этот шаг. Нужно сказать, что никакое правительство в России, кроме советского, не может допустить существование независимой Финляндии у самых ворот Ленинграда. Об этом красноречиво говорит опыт с «демократическим» правительством Керенского—Церетели, не говоря уже о правительстве князя Львова—Милюкова и, тем более, о царском правительстве. Нет сомнения, это важное обстоятельство могло бы служить хорошей предпосылкой для улучшения советско-финских отношений, в которых, как видно, Финляндия не меньше заинтересована, чем Советский Союз.

Советско-финские переговоры начались недавно, по нашей инициативе. Что является предметом этих переговоров? Не трудно понять, что в современной международной обстановке, когда в центре Европы развертывается война между крупнейшими государствами, чреватая большими неожиданностями и опасностями для всех европейских государств, — Советский Союз не только имеет право, но и обязан принимать серьезные меры для укрепления своей безопасности. При этом естественно, что Советское Правительство проявляет особую заботу относительно Финского залива, являющегося морским подступом к Ленинграду, а также относительно той сухопутной границы, которая в каких-нибудь 30 километрах нависла над Ленинградом. Я напомню, что население Ленинграда достигло трех с половиной миллионов, что почти равно населению

всей Финляндии, насчитывающей 3 миллиона 650 тысяч жителей. (Веселое оживление в зале).

Едва ли есть основания останавливаться на тех небылицах, которые распространяются заграничной прессой о предложениях Советского Союза в переговорах с Финляндией. Одни утверждают, что СССР «требует» себе г. Випури (Выборг) и северную часть Ладожского озера. Скажем от себя, что это—чистый вымысел и ложь. Другие утверждают, что СССР «требует» передачи ему Аландских островов. Это — такой же вымысел и ложь. Болтают еще о каких-то претензиях, якобы существующих у Советского Союза в отношении Швеции и Норвегии. Но это беспардонное вранье просто не заслуживает опровержения. (Общий смех). На самом деле наши предложения в переговорах с Финляндией являются максимумом скромными и ограничиваются тем минимумом, без которого невозможно обеспечить безопасность СССР и наладить дружеские отношения с Финляндией.

Мы начали переговоры с представителями Финляндии, для чего Финляндское правительство командировало в Москву г.г. Паасикиви и Таннера, с предложением заключить советско-финский пакт взаимопомощи, примерно, по типу наших пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами. Поскольку, однако, Финляндское правительство заявило нам, что заключение такого пакта противоречило бы занятой им позиции абсолютного нейтралитета, мы не стали настаивать на нашем предложении. Мы предложили тогда перейти к конкретным вопросам, в которых мы заинтересованы с точки зрения обеспечения безопасности СССР и, в особенности, безопасности Ленинграда, как со стороны моря— в Финском заливе, так и со стороны суши, ввиду чрезмерной близости пограничной линии к Ленинграду. Мы предложили договориться о том, чтобы отодвинуть на север от Ленинграда на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке. Взамен этого мы предложили передать Финляндии часть территории Советской Карелии, превышающую в два раза территорию, передаваемую Финляндией Советскому Союзу. Мы предложили также договориться о том, чтобы Финляндия сдала нам в аренду на определенный срок небольшой участок своей территории в районе входа в Финский залив, дабы мы могли там организовать военно-морскую базу. При наличии советской военно-морской базы у южного входа в Финский залив, а именно в Балтийском порту, как это обусловлено советско-эстонским пактом взаимопомощи, создание военно-морской базы у северного входа в Финский залив могло бы полностью обеспечить безопасность Финского залива против враждебных покушений со стороны других государств. Мы не сомневаемся в том, что создание такой базы соответствует интересам не только Советского Союза, но и безопасности самой Финляндии. Другие наши предложения и, в частности, наше предложение об обмене территории некоторых островов в Финском заливе, а также части полуостровов Рыбачий и Средний на двойную по размерам территорию в Советской Карелии, повидимому, не встречают возражений со стороны Финляндского правительства. Разногласия в отношении некоторых наших предложений еще не преодолены, а сделанные в этом отношении Финляндией уступки, например частичная уступка территории на Карельском перешейке, явно не достигают цели.

Мы сделали, далее, ряд новых шагов навстречу Финляндии. Мы сказали, что, если будут приняты наши основные предложения, мы готовы снять наши возражения против вооружения Аландских островов, на чем уже давно настаивает Финляндское правительство. Мы оговорили только, что мы снимаем свои возражения против вооружения Аландских островов при условии, что указанные вооружения будут проводиться

национальными силами самой Финляндии и что в этих вооружениях третьи страны не будут принимать никакого участия, поскольку и СССР не участвует в них. Мы предложили также Финляндии провести на всей советско-финской границе на Карельском перешейке разоружение укрепленных районов, что должно целиком соответствовать интересам Финляндии. Мы выразили, далее, желание усилить советско-финский пакт ненападения дополнительными взаимными гарантиями. Наконец, упрочение политических советско-финских отношений несомненно явилось бы прекрасной базой и для быстрого под'ема хозяйственных отношений между нашими странами.

Таким образом, мы готовы идти навстречу Финляндии в тех вопросах, в которых она особенно заинтересована.

После всего этого мы не думаем, чтобы со стороны Финляндии стали искать повода к срыву предполагаемого соглашения. Это не соответствовало бы политике дружественных советско-финских отношений и, конечно, нанесло бы серьезный ущерб Финляндии.

Мы уверены, что руководящими финляндскими кругами будет правильно понято значение укрепления советско-финских дружественных отношений и финляндские деятели не поддадутся какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству со стороны кого бы то ни было.

Я должен, однако, сообщить, что даже президент Соединенных Штатов Америки нашел уместным вмешаться в эти вопросы, что трудно согласовать с политикой американского нейтралитета. В своем послании 12 октября на имя т. Калинина, Председателя Президиума Верховного Совета, г. Рузвельт выразил надежду на сохранение и развитие дружелюбных и мирных отношений между СССР и Финляндией. Можно подумать, что у Соединенных Штатов Америки лучше обстоят дела, скажем, с Филиппинами или с Кубой, которые давно требуют от США свободы и независимости и не могут их получить, чем у Советского Союза с Финляндией, которая давно уже получила от Советского Союза и свободу и государственную независимость.

На послание г. Рузвельта т. Калинин ответил следующим образом:

«Считаю уместным напомнить Вам, господин президент, что государственная независимость Финляндской республики была признана свободным волеизъявлением Советского Правительства 31 декабря 1917 года, и что суверенитет Финляндии обеспечен за нею мирным договором между РСФСР и Финляндией от 14 октября 1920 года. Указанными актами Советского Правительства определены были основные принципы взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией. В соответствии с этими принципами ведутся и нынешние переговоры между Советским Правительством и Правительством Финляндии. Вопреки тенденциозным версиям, распространяемым кругами, очевидно, не заинтересованными в европейском мире, единственной целью указанных переговоров является упрочение взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией и укрепление дружественного сотрудничества обеих стран в деле обеспечения безопасности Советского Союза и Финляндии».

После такого ясного ответа Председателя Президиума Верховного Совета СССР должно быть совершенно понятно, что, при наличии доброй воли, Финляндское правительство пойдет навстречу нашим минимальным предложениям, которые не только не противоречат национальным и государственным интересам Финляндии, но укрепляют ее внешнюю безопасность и создают широкую базу для дальнейшего широкого развития политических и хозяйственных отношений между нашими странами.

Несколько слов о переговорах с Турцией.

О существовании этих переговоров пишут за границей всякую небылицу. Одни утверждают, что СССР будто бы требовал передачи районов Ардагана и Карса. Скажем от себя, что это—сплошной вымысел и ложь. Другие утверждают, что СССР требовал будто бы изменения международной конвенции, заключенной в Монте, и преимущественных прав для СССР в вопросе о проливах. Это—тоже вымысел и ложь. На самом деле речь шла о заключении двустороннего пакта взаимопомощи, ограниченного районами Черного моря и проливов. СССР считал, что заключение такого пакта не может побудить его к действиям, которые могли бы втянуть его в вооруженный конфликт с Германией, это—во-первых, и что СССР должен иметь гарантию, что ввиду угрозы войны Турция не пропустит военных кораблей нечерноморских держав через Босфор в Черное море, это—во-вторых. Турция отклонила обе эти оговорки СССР и тем сделала невозможным заключение пакта.

Советско-турецкие переговоры не привели к заключению пакта, но они помогли выяснить или, по крайней мере, прощупать ряд интересующих нас политических вопросов. В современной международной обстановке особенно важно знать истинное лицо и политику государств, отношения с которыми имеют серьезное значение. В политике Турции нам многое стало теперь гораздо яснее, как в результате московских переговоров, так и в результате последних внешне-политических актов Турецкого правительства.

Как известно, правительство Турции предпочло связать свою судьбу с определенной группировкой европейских держав, участвующих в войне. Оно заключило пакт взаимопомощи с Англией и Францией, уже два месяца ведущими войну против Германии. Тем самым Турция окончательно отбросила осторожную политику нейтралитета и вступила в орбиту развертывающейся европейской войны. Этим весьма довольны как в Англии, так и во Франции, которые хотят побольше нейтральных стран вовлечь в свою сферу войны. Не пожалее ли об этом Турция—гадать не будем. **(Оживление в зале)**. Нам приходится лишь отметить эти новые моменты во внешней политике нашего соседа и внимательно следить за развитием событий.

Если Турция до известной степени теперь связала себе руки и склонилась к рискованной для нее поддержке одной из воюющих сторон, то, очевидно, Турецкое правительство сознает ответственность, которую оно этим взяло на себя. Но это не та внешняя политика, которой следует Советский Союз и благодаря которой Советский Союз уже обеспечил не мало внешне-политических успехов. Советский Союз предпочитает и впредь оставить себе руки свободными, последовательно проводить свою политику нейтралитета и не только не содействовать разжиганию войны, а содействовать укреплению имеющихся стремлений к восстановлению мира. Мы уверены в том, что политика мира, которую неуклонно проводит СССР, имеет и в дальнейшем лучшие перспективы. Эту политику мы будем проводить и в районе Черного моря с уверенностью, что полностью обеспечим должное ее проведение, как этого требуют интересы Советского Союза и дружественных ему государств. **(Аплодисменты)**.

Теперь об отношениях с Японией.

За последнее время в советско-японских отношениях имеется известное улучшение. Это улучшение наметилось со времени недавнего московского соглашения, в результате которого был ликвидирован известный конфликт на монголо-манчжурской границе.

В течение ряда месяцев, точнее говоря в течение мая, июня, июля, августа и до середины сентября, в Номанханском районе, примыкающем

к монголо-манчжурской границе, происходили военные действия с участием японо-манчжурских и советско-монгольских войск. В боевых действиях за этот период участвовали все роды оружия, включая авиацию и тяжелую артиллерию, а бои иногда принимали весьма кровопролитный характер. Никому ненужный конфликт вызвал немалые жертвы на нашей стороне, но эти жертвы были в несколько раз больше на японо-манчжурской стороне. Наконец, Япония обратилась к нам с предложением ликвидировать конфликт, и мы охотно поехали навстречу японскому предложению.

Как известно, конфликт был вызван стремлением Японии присвоить часть территории Монгольской Народной Республики и этим путем насильственно изменить в свою пользу монголо-манчжурскую границу. Такой односторонний метод должен был встретить решительный отпор и показал еще раз свою полную несостоятельность, когда дело касается Советского Союза или его союзников. Если на злополучном примере Польши было недавно продемонстрировано, как дешево иной раз стоят пакты взаимопомощи, подписанные некоторыми великими державами Европы (**смех**), то на монголо-манчжурской границе было продемонстрировано совсем другое. Здесь было продемонстрировано значение пактов взаимопомощи, под которыми стоит подпись Советского Союза. (**Бурные, долго несмолкающие аплодисменты**).

Что касается указанного конфликта, то в результате советско-японского соглашения, заключенного 15 сентября в Москве, он был ликвидирован и мир был полностью восстановлен на монголо-манчжурской границе. Тем самым был сделан первый шаг к улучшению советско-японских отношений.

На очереди стоит образование смешанной пограничной комиссии из представителей советско-монгольской и японо-манчжурской сторон. Этой комиссии предстоит рассмотреть некоторые спорные пограничные вопросы. Можно не сомневаться, что если добрая воля будет проявлена не только с нашей стороны, то метод делового рассмотрения пограничных вопросов даст положительные результаты.

Кроме того, выяснилась возможность приступить к переговорам по вопросам советско-японской торговли. Нельзя не признать, что и развитие советско-японского товарооборота соответствует интересам обоих государств.

Таким образом, мы имеем основания говорить о наметившемся улучшении наших отношений с Японией. Сейчас трудно судить, в какой мере можно рассчитывать на быстрое развитие этой тенденции. Нам еще не удалось выяснить, насколько серьезно подготовлена почва для этого в японских кругах. Со своей стороны должен сказать, что мы положительно относимся к этого рода японским предложениям, подходя к ним с точки зрения основной нашей политической позиции и заботы об интересах мира.

Наконец, несколько слов о военной контрабанде и о вывозе оружия из нейтральных стран в воюющие страны.

На днях была опубликована нота Советского Правительства в ответ на ноты Англии от 6 и 11 сентября. В нашей ноте изложена точка зрения СССР на вопросы военной контрабанды и указано, что Советское Правительство не может причислить к военной контрабанде продукты питания, топливо для мирного населения и предметы одежды, что запретить ввоз предметов массового потребления—значит обречь детей, женщин, стариков, больных на бедствия и голодную смерть. Советское Правительство указывает в ноте, что такие вопросы не могут быть предме-

том одностороннего решения, как сделала это Англия, а должны быть решены с общего согласия держав. Мы рассчитываем, что нейтральные страны, а также общественное мнение Англии и Франции признают правильность нашей позиции и примут меры к тому, чтобы война между армиями воюющих стран не была превращена в войну против детей, женщин, стариков, больных. Во всяком случае наша страна, как страна нейтральная, не заинтересованная в разжигании войны, примет все меры к тому, чтобы сделать войну менее разрушительной, ослабить ее и ускорить ее окончание в интересах мира.

С точки зрения такой перспективы решение американского правительства об отмене запрета (эмбарго) на вывоз оружия в воюющие страны вызывает законные сомнения. Едва ли может быть сомнение, что это решение будет иметь своим результатом не ослабление войны и не приближение конца войны, а наоборот — усиление, обострение и затяжку войны. Конечно, такое решение может обеспечить высокие барыши для американской военной промышленности. Но вот вопрос: может ли это обстоятельство служить оправданием отмены эмбарго на вывоз оружия из Америки? Ясно, что не может.

Такова международная обстановка в настоящее время.

Таковы основы внешней политики Советского Союза.

(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все депутаты встают).

ЗАКОН

о включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, заслушав заявление Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Украины, **п о с т а н о в л я е т**:

1. Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной Украины и включить Западную Украину в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой.

2. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Украины.

3. Предложить Верховному Совету Украинской Советской Социалистической Республики принять Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

4. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения районов и областей между Украинской Советской Социалистической Республикой и Белорусской Советской Социалистической Республикой.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 1 ноября 1939 г.

ЗАКОН

о включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, заслушав заявление Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Белоруссии, **п о с т а н о в л я е т**:

1. Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной Белоруссии и включить Западную Белоруссию в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой.

2. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Белоруссии.

3. Предложить Верховному Совету Белорусской Советской Социалистической Республики принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

4. Просить Верховный Совет Белорусской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения районов и областей между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 2 ноября 1939 г.

XXII годовщина Октябрьской Революции

Доклад тов. В. М. МОЛОТОВА на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1939 г.

Товарищи! Годовщина Октябрьской Революции всегда давала и сегодня снова дает нам возможность отметить крупные успехи Советского Союза за пройденный период. Будто под счастливой звездой родилась Советская власть, если мы, советские люди, можем делать это в каждую годовщину Октябрьской Революции. Но вы, товарищи, согласитесь, что дело, конечно, не в какой-то «счастливой звезде» и совсем не в помощи небес большевикам, а в том, что со времени Октябрьской Революции народы нашей страны сбросили с себя власть буржуазии, освободились от гнетущих пут капитализма и потому стали способны на великие дела и на чудеса творчества новой жизни.

I

Пути капитализма и Советский Союз

Октябрьская Революция вырвала нашу страну из капиталистического общества, и с тех пор образовалось два мира: старый — мир капитализма, который охватывает все капиталистические страны и подвластные им колонии и полукolonии, и новый — мир социализма, рожденный Советской властью в нашей стране. Подгнивший и дряхлеющий капитализм смотрит уже назад и явно доживает свой век. Рожденный Октябрьской Революцией новый мир, набирая с каждым днем новые силы, все выше поднимает свою голову.

Капитализм живуч, хотя он находится уже не в полосе под'ема, а в периоде своего упадка. Капитализм цепляется за все, чтобы продлить свое существование. Но что он несет народам капиталистических стран и на что он способен в наше время?

Капитализм, собравший и сконцентрировавший в руках узкой верхушки буржуазного общества огромные богатства, не дает и не может дать правильного пути использования этих богатств в интересах народных масс, в интересах трудящихся. Накопление этих богатств в руках немногих крупнейших капиталистов, банкиров и денежных королей порождает лишь бешеную конкуренцию и борьбу за власть в господствующих классах современного капиталистического общества как внутри этих стран, так и между капиталистическими государствами. В верхушке такого общества, живущего погоней за новыми и новыми богатствами и не терпящего на этом пути никаких препятствий, могут существовать лишь волчьи правила жизни и общественной морали и полное пренебрежение ко всем и всяким интересам широких масс трудящегося населения.

Рабочим, крестьянам и широким слоям интеллигенции остается влачить свою долю полуголодного существования, существования забитых и подневольных людей без проблеска лучшей жизни при капитализме. Напротив, капитализм порождает все новые экономические кризисы, убийственную безработицу в городах, беспросветные голодовки в деревнях, увеличение тягот национального и колониального рабства для многих сотен миллионов людей и нескончаемые кровавые войны, без которых капитализм не может существовать. Недавно еще, в годы от 1929 до 1933, капиталистические страны пережили тягчайший мировой экономический кризис со всеми его бедствиями, безработицей и упадком материальной жизни народных масс города и деревни. Едва более или

менее схлынул этот тягчайший кризис, как с 1937 года начался новый экономический кризис, захвативший ряд крупнейших капиталистических государств, вплоть до самых богатых из них, как Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция.

Нужны ли еще доказательства, что накопление несметных богатств верхушкой капиталистического общества не дает никакого прозвеса к улучшению жизни народных масс. Нужны ли еще доказательства того, что внутренние дела в странах капитализма из рук вон плохи, что здесь естественно накапливается недовольство в эксплуатируемых и угнетенных массах и подготовляются непредотвратимые новые взрывы народного гнева против власти капитала. В разной форме, но во всех капиталистических странах это имеет место.

Чем больше мы узнаем о внутреннем положении и о внутренних противоречиях в странах капитализма, тем нам становится яснее, почему в последнее время буржуазные страны все больше ищут выход из создавшегося положения во внешних авантюрах, в захватах и ограблении чужих земель и колоний, в новых переделах мира путем войны. Даже самые богатые и, так сказать, ожиревшие от нахапанных богатств страны не находят в своих внутренних силах выхода из создавшегося положения, да они и не способны искать выхода, сколько-нибудь удовлетворяющего народные массы. Как видно, источник дальнейшего подъема внутренних сил современного капиталистического общества более или менее исчерпан и вообще подходит к концу. В этом следует видеть коренную причину новых внешних авантур империалистических держав. В этом заключается действительный корень современных войн, число и размах которых растут на наших глазах.

В вышедшем в прошлом году известном курсе «Истории ВКП(б)» и в докладе тов. Сталина на XVIII партийном съезде была дана яркая картина второй империалистической войны, захватившей в последние годы ряд стран Европы и Азии. Как известно, с тех пор эта война не пошла на убыль, а, наоборот, значительно увеличила свой размах.

Что мы имеем к сегодняшнему дню?

На Востоке вот уже третий год идет война между Японией и Китаем. Это означает, что в войну втянута Япония с населением в 72 миллиона, а также колонии Японии с населением в несколько десятков миллионов человек. Это означает также участие в этой войне Китая с населением в 450 миллионов человек. Таким образом, около 570 миллионов человек в той или иной мере втянуты в империалистическую войну в Азии. Эта война уже вызвала миллионы человеческих жертв, разорение многих городов и нескольких тысяч деревень Китая, причем так и не видно конца кровавым жертвам и громадным бедствиям.

В последние месяцы вспыхнула большая война и на Западе. В этой войне участвуют — с одной стороны, Англия и Франция, которые все больше втягивают в войну не только свое собственное население, но и население своих доминионов и колоний, — а, с другой стороны, — Германия, второе по величине государство Европы. Это означает, что в войну на Западе, — если считать, что и колонии Англии и Франции в той или иной мере привлечены к участию в войне, — втянуто до 750 миллионов человек.

Получается, что на Западе и на Востоке, даже не считая колоний, втянуто в войну уже около 700 миллионов человек, а вместе с колониями это составит свыше 1.300 миллионов человек. Таким образом, больше половины населения земного шара, насчитывающего 2.120 миллионов человек, в той или иной степени уже втянуто в войну в Европе и Азии.

Таково главное, если можно так выразиться, «достижение», с которым капиталистический мир пришел к сегодняшнему дню.

Несмотря на это, нельзя сказать, что дальнейший размах войны уже приостановлен. Дело обстоит совсем напротив. Правда, вышла малень-

кая осечка. Сорвались кое-какие планы по расширению войны, например, путем втягивания в войну и Советского Союза. Мы, советские люди, еще раз во-время показали, что мы живем не чужим, а своим умом. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно»).

Но, если говорить о капиталистическом мире, то сейчас идет напряженнейшая борьба воюющих держав за увеличение числа своих союзников, за привлечение на свою сторону нейтральных стран. Нельзя закрывать глаз на то, что втягивание в орбиту войны нейтралов проводится весьма активно и уже имеет известные результаты. Этим подготавливается дальнейшее расширение поля, охваченного войной. Известно, например, какие серьезные вопросы породило заключение пакта взаимопомощи Англии и Франции с Турцией. Развертывается борьба за втягивание в орбиту войны некоторых Балканских стран, отдельных стран Скандинавии, а также других государств. Если европейской войне суждено затянуться,— а правящие круги Англии и Франции делают все именно для этой затяжки и разжигания войны, чтобы использовать ее в интересах укрепления своего мирового господства и закрепления за собой своих многочисленных колоний,— то число нейтральных стран в Европе будет все уменьшаться, а число втянутых в империалистическую войну государств неизбежно будет все увеличиваться. Известно также, что для некоторых стран нейтралитет служит только маской для прикрытия поджигательства и расширения войны, от которой они надеются иметь высокие барыши за счет воюющих народов, за счет их горя, жертв и разорения.

Таким образом, пока не только не видно конца войны в Европе и Азии, но скорее, напротив, страсти вокруг этой войны все разгораются, так как империалистические круги, как видно, окончательно разуверились в возможности улучшения своих внутренних дел и строят свои расчеты, главным образом, на новых империалистических захватах, на новом переделе мира в пользу наиболее сильных империалистических держав и на том, чтобы разгромить и снять со счетов своих конкурентов и всякие претензии на их колонии и колониальные богатства.

Следовательно, в теперешней войне заложены основания для новой, и уже всемирной, империалистической войны, если, конечно, рабочий класс согласится терпеть продолжение такой политики империалистических держав.

Сегодня мы стоим перед опасностью, что война в Европе, вместе с войной в Азии, превратится,— если этому не будет дан решительный отпор,— в новую, всемирную, кровавую бойню народов. Вот с чем пришел капиталистический мир к сегодняшнему дню.

С другими итогами встречает XXII годовщину Октябрьской Революции Советский Союз. Благодаря последовательному проведению своей мирной политики, СССР, как и раньше, пользуется благами мира, чтобы двигать еще успешнее вперед по пути под'ема все отрасли хозяйственного и культурного строительства страны. В свете новых успехов социализма, с которыми Советский Союз пришел к сегодняшнему дню, беспросветный кризис капиталистического общества становится еще более очевидным.

Сравните положение дел в многонациональном Советском Союзе с тем, что произошло в Польше, вчера еще представлявшей собою многонациональное буржуазное государство, построенное на угнетении всех непольских национальностей. Созданное польскими помещиками и капиталистами государство обанкротилось вместе со всеми его руководителями. Буржуазная Польша развалилась, несмотря на обещанные ей «гарантии» некоторых великих держав, показав этим не только свою собственную слабость, но и кое-какое явное неблагополучие в политике определенных держав Европы. Но, если многонациональное Польское государство, построенное вопреки воле самого польского народа, на

угнетении польских национальностей, показало, при первом же испытании, свою слабость, непрочность и несостоятельность, то Советский Союз — многонациональное государство иного типа, — построенный на совершенно другой основе, а именно — на основе равноправия и дружбы всех его национальностей, — показал, наоборот, свою силу и несокрушимую прочность. В СССР обеспечена дружная жизнь всей семьи многочисленных советских народов и неуклонно крепнет морально-политическое единство советского, социалистического общества, что является залогом несокрушимой мощи нашего государства, построенного на основе великих принципов ленинско-сталинской национальной политики, на основе равноправия и братского союза наций, входящих в его состав. (А п л о д и с м е н т ы).

Внутренняя крепость, военная мощь и международный авторитет Советского Союза теперь дают себя знать все больше и больше. В результате этого, в связи с распадом Польского государства и успешными действиями нашей Красной Армии, Западная Украина с населением в 8 миллионов и Западная Белоруссия с населением почти в 5 миллионов теперь воссоединены с Советской Украиной и Советской Белоруссией. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы). Это — один из самых замечательных успехов нашей внешней политики за последнее время. Это к сегодняшнему дню — один из самых славных наших итогов, которым может гордиться Советский Союз, верный принципам своей миролюбивой внешней политики и пролетарского интернационализма. (А п л о д и с м е н т ы).

Советская Белоруссия увеличилась по своей территории и населению почти в два раза и сделалась государством с 10-миллионным населением, чего не имеют многие европейские государства. Отныне положен конец расщеплению белорусского народа. На всей территории белорусский народ объединен в одно целое, и можно теперь сказать, что Белоруссия полностью воссоединена. То же самое следует сказать и об украинском народе, который в течение многих веков был расколот на части и пережил долгое время тягчайшего национального гнета. Теперь и украинский народ на всей территории объединен в одно целое. Воплотились в жизнь заветные мечты лучших людей украинского народа, принесших делу своего национального освобождения неисчислимые жертвы. Наконец-то, пришло время сказать: отныне Украина воссоединена. (А п л о д и с м е н т ы). Надо думать, что Украина, со своими теперешними 39 миллионами жителей и быстрым ростом населения, в скором времени сможет догнать некоторые великие страны, хотя бы ту же Францию, с ее 42-миллионным населением. Выросли наши братские республики — Украина и Белоруссия, а наши братья из Западной Украины и Западной Белоруссии с громадной радостью и верой в свое будущее вступили в ряды советских граждан. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы). Вырос, тем самым, и весь Советский Союз, продвинув свои границы значительно на Запад. Есть с чем поздравить Советский Союз к XXII годовщине Октября! (Б у р н ы е, д о л г о н е с м о л к а ю щ и е а п л о д и с м е н т ы).

Мы, разумеется, не должны забывать, что $\frac{9}{10}$ человечества все еще живет в рамках капиталистического общества, под господством капитализма. Советский Союз составляет меньше, чем $\frac{1}{10}$ населения земного шара. Но, как видите, капиталистическому миру пришлось в последнее время немного потесниться и отступить (веселое оживление в зале), а Советский Союз, с включением в него Западной Украины и Западной Белоруссии, вырос по своей территории, а также по количеству населения — примерно, на 13 миллионов человек. На этом основании мы имеем право поздравить народы Советского Союза с тем, что наша советская семья из 170 миллионов превратилась в 183 миллиона советских людей. (Б у р н ы е, п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы).

Итак, сравнение путей развития стран капитализма и Советского Союза говорит не в пользу капиталистического мира, а как раз наоборот.

Еще в начале первой империалистической войны, анализируя теперешнюю, высшую стадию капитализма, Ленин дал гениально-глубокую оценку современного капиталистического мира. Еще тогда Ленин сказал, что при всех своих достижениях в области материальной культуры и техники современный капитализм это — капитализм одряхлевший, паразитический, гниющий на корню. С тех пор прошло, примерно, четверть века и данный Лениным марксистский анализ капитализма получил бесчисленное количество подтверждений практического и научно-теоретического характера. С тех пор обнажились многие зияющие трещины и зловонные гнойники во всем организме капиталистического общества, не говоря уже о том, что Октябрьская Социалистическая Революция практически поставила вопрос об окончательном сломе всей капиталистической системы.

Теперь все говорит за то, что внутренние силы капиталистического общества настолько подточены процессами гниения капитализма, что без войны, без новых и новых внешних империалистических авантур капитализм не может больше существовать. Подавляющей массе населения капиталистических стран, рабочим, крестьянам, широким слоям интеллигенции капитализм уже не может обеспечить сколько-нибудь сносного и устойчивого положения, несмотря на все огромные богатства, скопившиеся в руках верхушки господствующих классов. Чем больше размеры этих богатств, тем яростнее стремления империалистов к мировому господству и тем непримиримее они в отношении своих конкурентов, с которыми готовы покончить любой ценой за счет своего народа и других народов, но только не уступкой по части своего мирового господства.

Поэтому давно уже забыты прежние речи лидеров буржуазии о том, что первая всемирная империалистическая война будет, вместе с тем, последней войной. Напротив, лидеры современных капиталистических государств, особенно наиболее могущественных из них, и их подпевалы из группы Блюма и Эттли ищут улучшения своих дел и выхода из своих внутренних затруднений в новой империалистической войне. Преступность современной войны лежит на их ответственности, на ответственности тех, кто затягивает и разжигает теперешнюю войну, на ответственности тех, кто не перестает заниматься преступным одурачиванием широких масс, что будто-бы все это делается во имя защиты демократии. Отсюда следует сделать вывод, что от современных заправил капиталистического общества и их «социалистических» приказчиков нельзя ждать добровольного отказа от войны, от ее разжигания и расширения, а, наоборот, можно ждать скорее всего — превращения теперешней войны в Европе и Азии в новую всемирную кровавую бойню народов ради сохранения и укрепления мирового господства заинтересованных империалистических держав.

Всему этому противостоит Советский Союз с его политикой мира, с его горячим стремлением обеспечить скорейшее окончание войны. Из этого видно, что миролюбивая внешняя политика Советского Союза не только отвечает коренным интересам народов нашей страны и интересам союзных нам государств, но и интересам всего человечества, если на самом деле иметь в виду действительно народные массы других государств, а не господствующие кучки заправил империалистических держав. Это означает, что всемерный рост внутренних сил Советского Союза и укрепление его международного авторитета является не только нашим священным долгом, священным долгом всех советских людей, но и отвечает глубоким интересам всех народов, жаждущих мира и скорейшего окончания войны.

Вот почему великие имена — имя Ленина, отца Советского Союза, и имя Сталина, вождя народов СССР (бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают), произносятся с такой любовью и верой в будущее не только в нашей стране, но и далеко-далеко за пределами Советского Союза. Имена Ленина и Сталина рождают светлые надежды во всех уголках мира и гремят, как призыв к борьбе за мир и счастье народов, к борьбе за полное освобождение от капитализма. (Продолжительные аплодисменты).

II

Рост внутренних сил Советского Союза

Во всем теперь сказывается рост внутренних сил Советского Союза, — в нашем хозяйственном строительстве, в развитии культуры советских народов, в возросшей мощи обороны страны, во всей нашей политике и ее успехах.

В экономической области нами выдвинута программа, осуществление которой означает, что за короткие 10—15 лет мы сможем догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны также и в экономическом отношении. Этим сказано, что наша страна, несмотря на все успехи и достигнутый громадный подъем технического уровня промышленного производства и транспорта, в экономическом отношении еще стоит позади некоторых капиталистических государств. Но этим сказано также всем нам, советским людям, всем рабочим, крестьянам и интеллигенции Советского Союза, что еще сильнее должны зажечься чувства советского патриотизма в наших сердцах, чтобы не только решить, но и всемерно ускорить решение этой основной экономической задачи СССР.

Сегодня мы можем подвести некоторые итоги развития народного хозяйства за последний год или, точнее говоря, за 10 месяцев 1939 года.

Соответствующие данные, при сравнении с прошлым годом, показывают, что наша промышленность, взятая в целом, дает рост на 14,4 процента, а непосредственно крупная промышленность дает рост на 15 процентов. Это значит, что темп подъема нашей промышленности в этом году выше темпа подъема прошлого года, когда промышленность дала также не малый рост, а именно — на 12 процентов. Это значит также, что темп подъема нашей промышленности не только идет на уровне заданий третьей пятилетки, по которой средне-годовой прирост определен в 14 процентов, но и превышает это задание. Выделяется своим ростом продукция машиностроительных и оборонных предприятий. Здесь увеличение достигает 29 процентов. Что же касается непосредственно оборонной промышленности, которая росла усиленными темпами и в прошлые годы, то здесь мы имеем в соответствии с возросшими нуждами нашей обороны еще большее увеличение, а именно, — скажу уж вам по секрету, — на все 45 процентов. (Оживление в зале. Аплодисменты).

Можно сказать, что наша промышленность выполняет свои задачи в основном успешно. Это не снимает, однако, с нас ответственности за совершенно недопустимое отставание таких важнейших отраслей, как металлургия и топливо. Мы бы хотели, конечно, большего роста и нашей легкой промышленности, хотя мы хорошо знаем, что и теперь мы все еще должны отдать безусловное предпочтение нуждам укрепления обороны страны и ее индустриальной мощи. Однако, наша легкая, включая текстильную, промышленность, должно быть, успешно справится с выполнением установленного для нее годового плана.

Дальше, следует отметить наши достижения в области подъема производительности труда в крупной промышленности. Проведение извест-

ных мер по укреплению трудовой дисциплины и по приближению руководства промышленностью к самим предприятиям дали уже свои положительные результаты. Если в прошлом году мы имели увеличение производительности труда в промышленности на 11 процентов, то в этом году у нас имеется увеличение производительности труда с превышением установленного плана, а именно — на 17 процентов. Это означает, что значительно увеличенный, против прошлого года, объем промышленного производства мы сумели выполнить с тем же, и даже с несколько меньшим, составом рабочих, что при недостатке рабочих кадров в нашей стране имеет весьма положительное значение.

В области сельского хозяйства за последний год был принят ряд существенных мероприятий по колхозному строительству. Достаточно указать на такие решения партии и правительства, как постановление о мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания, мероприятия по укреплению трудовой дисциплины в колхозах и весьма важные мероприятия по под'ему общественного животноводства в колхозах. Все эти мероприятия проникнуты одной основной мыслью: устранить мелко-буржуазные извращения в практике колхозного строительства, в результате которых частные интересы колхозников зачастую выступают впереди общественных интересов колхозного хозяйства.

Результаты этих мероприятий на лицо. Несмотря на некоторые неблагоприятные климатические условия, мы добились в этом году новых существенных успехов в сельском хозяйстве. Так, сбор по зерновым достиг 6,5 миллиарда пудов, что на 11 процентов превышает сбор прошлого года. По хлопку-сырцу мы имеем дальнейшее увеличение продукции на 5 процентов, по льну — на 16 процентов, по сахарной свекле — на 26 процентов, по картофелю же это увеличение достигает 60 процентов против прошлого года. Идет также неуклонный рост, можно сказать, по всем видам животноводства. Хлебозаготовки в этом году также дали увеличение против прошлого года.

Скажу еще несколько слов о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, тем более, что в будущем году она будет иметь свое продолжение. Выставку посетили почти три с половиной миллиона человек. Ознакомление колхозников и вообще населения с выдающимися достижениями нашего сельского хозяйства будет иметь большое значение для дальнейшего под'ема творческой инициативы передовых колхозников и вообще для под'ема колхозного хозяйства. Выставка дала возможность многим тысячам колхозников ознакомиться с многочисленными выдающимися достижениями колхозов и колхозников, имеющими нередко мировое значение. Так, звенья т.т. Ефремова и Чуманова в Алтайском крае послужили толчком к целому движению в колхозах за урожай в 400—500 пудов пшеницы с одного гектара. Причем, выставка широко разнесла по всей стране не только то, что колхозник Чуманов получил урожай пшеницы в 512 пудов с гектара, а колхозница Ковбаса — 510 пудов пшеницы с одного гектара, но и такой факт, как достижение в этом году колхозницей Сергеевой 607 пудов пшеницы с одного гектара. Широко популяризированы выставкой и такие достижения, как урожайность, достигнутая звеном колхозницы-азербайджанки Алиевой, в 151 центнер хлопка с гектара или урожайность, достигнутая в Узбекистане звеном колхозника Худоева, в 125 центнеров хлопка с гектара. Как видите, мировой американский рекорд урожая хлопка в 60 центнеров с гектара перекрыт в Советском Союзе в несколько раз. Широко по колхозам разнеслись теперь вести и о многих замечательных достижениях колхозов в области животноводства.

На выставке был проведен ряд мер для того, чтобы широко популяризировать лучшие образцы работы в нашем сельском хозяйстве и действовать этим перенесению опыта лучших колхозов, колхозников и колхозниц в новые районы и в новые отрасли сельского хозяйства. Но

надо признать, что сельскохозяйственная выставка может сделать гораздо больше, чем она уже сделала для развития соревнования между колхозами, между районами, между областями и республиками и что она должна многое сделать в дальнейшем, чтобы обеспечить еще более быстрый подъем колхозного и совхозного хозяйства.

В области подъема культуры народов Советского Союза мы сделали за последний год новый крупный шаг вперед. Об этом говорит рост наших школ и библиотек, неуклонный рост нашей печати, театров, кино и других видов искусства. На наших глазах идет не только подъем национальных культур, но и сближение этих культур между собою. Все новые декады показа национального искусства в Москве, свидетельствующие о больших достижениях наших республик и вызывающие большой интерес в нашей столице, наглядно свидетельствуют об этом. Об этом же свидетельствуют и такие факты, что к всенародному празднованию юбилеев таких великих людей, как русский поэт Пушкин и украинский поэт Шевченко, присоединяются новые прославленные имена национальных поэтов и легендарных героев других народов нашей страны. Поэтому гениальные творения грузинского поэта Шота Руставели и армянского эпоса о народном герое Давиде Сасунском становятся достоянием всех народов Советского Союза и пользуются огромными симпатиями в среде всех культурных советских людей.

Надо признать, что социалистическая культура сделала уже в нашей стране немалые успехи. Глубоко революционный характер этой новой культуры не означает отрицаний культурных достижений прошлого, не означает отказа от культурного наследия народов. Напротив, все действительные достижения культуры народов, как бы они далеко не уходили в прошлое, высоко ценятся в социалистическом государстве и встают теперь перед своим народом и перед народами всего Советского Союза возрожденными, в своем действительном идейном блеске. Большевики не из числа людей, не помнящих родства с своим народом. Мы, большевики, вышли из самой гущи народа, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов. Мы хорошо знаем, что настоящий прогресс, который возможен только на базе социализма, должен опираться на всю историю народов и на все их достижения в прошлых веках, должен раскрыть подлинный смысл истории жизни народов, чтобы полностью обеспечить славное будущее своего народа и, вместе с тем, светлое будущее всех народов. (Бурные аплодисменты).

Самое важное в достижениях Советского Союза к сегодняшнему дню заключается в том, что у нас, по всей стране, у всех советских народов выросли кадры новых, сознательных советских людей, которые ведут за собой миллионы и десятки миллионов. Эти люди по-новому, не так, как это встречается на каждом шагу в капиталистическом обществе, и не так, как это было еще недавно в нашей стране, а действительно по-новому, по-социалистически относятся к своему труду и к своим обязанностям перед государством. Это не значит, что в нашей советской среде нет отсталых людей. Нет, их еще немало. Больше того, нельзя не признать, что общественно-культурный уровень широких слоев еще поднялся совершенно недостаточно, если судить с точки зрения перспектив коммунизма. Но наши люди, люди советской страны, прошли уже 22 года Октябрьской Социалистической Революции, у них уже, в известной мере, выросли новые представления об отношениях между людьми и новые взгляды на обязанности перед народом и социалистическим государством, которые в корне отличаются от представления людей, пропитанных буржуазными предрассудками капиталистического общества. Именно эти-то новые люди и задают тон в нашей стране, вплоть до заводов, фабрик и колхозов.

Вы знаете, что лучшими представителями этих новых людей в рабочем классе являются стахановцы и стахановки, действительно ломающие старые, низкие нормы производительности труда и дающие замечательные образцы высоко-производительного социалистического труда. Число таких стахановцев растет, что, в свою очередь, является хорошим показателем повышения культурно-технического уровня рабочего класса. Их ряды сейчас пополняют инициаторы многостаночной работы, которые перешли с работы на одном станке к работе на нескольких станках, не только не понизив, а даже повысив производительность каждого станка в отдельности. К их числу следует отнести и инициаторов проведения совместительства профессий, а также выдвинувшихся из среды советских женщин инициаторов в деле освоения некоторых новых для женщины профессий и производств. Широко распространенная в нашей промышленности новая техника и наличие возросшего производственного опыта и знаний в широкой среде рабочих и работниц позволяют надеяться, что эти новые формы стахановского движения будут успешно развиваться и дальше. Это движет вперед производительность труда, ослабит недостаток в квалифицированных производственных кадрах и, вместе с тем, будет способствовать дальнейшему под'ему культурно-технического уровня рабочего класса и сближению его с уровнем работников инженерно-технического труда. Стахановское движение, во всех формах его роста, является показателем того, что новые, воспитанные Советской властью люди, приобрели большой вес в Советском Союзе и имеется широкое и все растущее стремление в массах равняться по этим передовым людям нашей страны.

У нас растет стахановское движение, и новое социалистически-сознательное отношение к труду захватывает все более широкие массы рабочего класса и колхозной деревни, делая особенные успехи там, где имеются достойные руководители дела.

У нас все прочнее становится среди молодежи, и даже просто среди детей, новое отношение к учебе, проникнутое искренним стремлением к знаниям и, вместе с тем, глубоким стремлением стать действительно полезными гражданами своего государства, своего народа. Каждый настоящий руководитель, учитель, воспитатель знает об этом и находит в этом величайшее удовлетворение.

У нас велика тяга к культуре, к искусству и к различным формам общественной жизни в самых широких массах трудящихся города и деревни. Нам бы только научиться шире и лучше удовлетворять эти растущие запросы и тягу народных масс к культуре и к новой, светлой жизни.

У нас заложены надежные основы советского патриотизма, которым славится наша Красная Армия и чувствами которого так широко охвачены народы Советского Союза. Этот советский патриотизм взял свое у берегов Хасана и на монголо-манчжурской границе. Духом высокого советского патриотизма проникнут был поход нашей Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, когда наша Красная пехота делала переходы по 60—70 километров в сутки. Мы знаем высокие качества советского патриотизма, мы знаем, что, когда наши бойцы самоотверженно, как герои, бросались в бой на врага с возгласами: «за родину!», «за Сталина!», то все мы, воспитанные партией Ленина — Сталина, и народы всего Советского Союза видели в этом, что для советских патриотов родина и коммунизм соединены в одно неразделимое целое. (Шумные аплодисменты).

Все это и означает, что Советский Союз — это не только мощная передовая индустрия, с ее быстрым и неуклонным большевистским под'емом, и не только созданные советской властью колхозы, представляющие высшую форму организации крестьянского хозяйства, — но это, прежде и раньше всего миллионы и десятки миллионов советских людей, новых людей на земном шаре, проникнутых социалистически-сознатель-

лым отношением к труду и учебе, вдохновляемых советским патриотизмом на славные дела для своего народа и для общего дела народов всего мира. (А плоды с менты). Для коммунистического воспитания советских людей сделано уже немало. Но это только начало работы. Мы и теперь одной из главных задач нашей внутренней политики должны признать задачу коммунистического воспитания рабочих, крестьян, служащих и всей нашей интеллигенции. Помогая во всем передовым людям нашей страны и высоко вознося имена самоотверженных героев социализма, мы должны особенно заботиться об отсталых и отстающих — о тех, кто особенно нуждается в большевистском руководстве. Вместе с тем, мы должны во многом усилить нашу заботу по выращиванию кадров своей, советской интеллигенции, никому не уступающей по своему культурному уровню и до конца преданной народу и социалистическому государству. (А плоды с менты). Нечего уже и говорить о том, что забывать в области внутренней политики о врагах народа или давать им какое-либо послабление — значит, совершать преступление против своего народа, против своей родины.

На очереди новые выборы в советы трудящихся. О размахе этой избирательной кампании свидетельствует тот факт, что по всему Советскому Союзу в сельские, районные, городские и областные советы должно быть выбрано 1 миллион 300 тысяч депутатов. Число этих депутатов превышает, как видите, число жителей некоторых малых европейских государств. (С м е х). На этих выборах мы должны еще больше закрепить блок коммунистов и беспартийных. Мы не только не будем жалеть, но будем приветствовать, если выборы проведут чистку советского аппарата от негодных и бюрократически-испортившихся элементов. На то и новые выборы, чтобы провести хорошую работу по очистке наших органов от всякой бюрократической плесени. Для этого, между прочим, и нужно всячески укрепить блок коммунистов и беспартийных.

Вместе с тем, у нас есть полная уверенность в том, что новые выборы в советы трудящихся будут новой мощной демонстрацией несокрушимого морально-политического единства советского общества, сплоченного вокруг нашей партии и правительства. (А плоды с менты). На этих выборах должны занять главное место вопросы повседневной жизни трудящихся и улучшения работы местных советов. Это, конечно, правильно. Но правильно также и то, что эти выборы во многом помогут поднять всю нашу политическую работу и сделать еще понятнее широким массам не только внутреннюю, но и внешнюю политику Советского Союза.

* * *

Мне нет нужды особо останавливаться сегодня на внешней политике Советского правительства. Все основное сказано недавно в Верховном Совете и вам хорошо известно. Но все же полезно напомнить о некоторых событиях и о полученных нами уроках, в связи с имевшейся в нашей среде недооценкой опасностей, связанных с существованием Советского Союза в условиях внешнего капиталистического окружения.

Разбитые ныне враги народа, из числа всех этих троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок, как известно, делали из факта капиталистического окружения свои предательские выводы. Они шли на распродажу Советского Союза, на отделение в пользу капиталистических держав и Приморья, и Украины, и Закавказья, равно как Средней Азии и Белоруссии. Этим преступлениям против народов Советского Союза не суждено было совершиться, потому что народы Советского Союза крепко верят в свое дело, потому что жива наша большевистская партия, потому что наш корабль ведет тов. Сталин. (Бурные а плоды с менты, переходящие в овацию. Все встают). Несмотря на все происки врагов, внутренних и внешних, их преступные планы прова-

лились и покрыли позором их головы. Советский Союз остался непоколебим, еще больше окреп и, как вы видите, шагнул вперед, расширил советскую территорию, а наша страна стала еще грознее для врагов и еще роднее для советских народов и всех их искренних друзей во всем мире. (Продолжительные аплодисменты).

Мы по праву гордимся успехами нашей внутренней политики, но мы с удовлетворением говорим и о крупных успехах нашей внешней политики.

Капиталистический мир начинает все больше узнавать, что СССР — не то, чем им хотелось бы его видеть. Им хотелось бы видеть нашу страну слабой, податливой на нажимы извне, а на деле получается наоборот (аплодисменты), ибо Советский Союз был и остается крепко сплоченным, могучим и несокрушимым. (Аплодисменты). И это потому, что мы все эти годы неустанно заботились о безопасности нашего государства, о крепости нашей обороны. Это стоило немалых материальных жертв, но зато мы обеспечили мир народам Советского Союза. (Бурные аплодисменты).

Мы не можем знать, с какими внешними испытаниями нам еще придется встретиться. Но одно мы хорошо знаем: нужно не ослаблять, а еще больше и еще настойчивее крепить мощь обороны нашего государства. (Аплодисменты).

Большевицкая политика обеспечила Советскому Союзу громадный рост внутренних сил, и теперь нашей стране не страшны больше никакие внешние испытания. (Аплодисменты). Могучий источник внутренних сил Советского Союза неиссякаем, и с каждым годом нашим врагам все серьезнее приходится считаться с этим бесспорным историческим фактом. (Аплодисменты). И все же мы знаем, что лучшей внешней политикой Советского Союза является наша испытанная политика мира, обеспечившая уже нам не малые успехи.

Эту внутреннюю и внешнюю политику мы должны проводить неуклонным образом и дальше. В этом мы видим волю народов Советского Союза, вдохновляемых великой партией Ленина — Сталина.

Мы вступаем в двадцать третий год Октябрьской социалистической революции. Мы пойдем вперед той же верной, испытанной ленинской дорогой, как шли все эти годы. Это тот путь, который ведет нас к окончательной победе Советской власти.

Да здравствует наша Октябрьская Социалистическая Революция! (Бурные аплодисменты).

Да здравствует рабочий класс, колхозное крестьянство, социалистическая интеллигенция Советского Союза! (Аплодисменты).

Да здравствует наша мощная оборона и ее несокрушимая сила — наша Красная Армия, наш Военно-Морской Флот! (Аплодисменты).

Да здравствует великое непобедимое знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина! (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают).

Да здравствует ленинизм! (Аплодисменты).

Да здравствует партия большевиков и да живет многие годы наш Сталин! (Бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Оркестр исполняет «Интернационал». В зале раздаются возгласы в честь товарища Сталина).

О РАБОТЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА „ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТАКТИКА РУССКИХ КОММУНИСТОВ“

Эта работа написана товарищем Сталиным в декабре 1924 года, пятнадцать лет тому назад. Это работа об Октябрьской революции, о внешних и внутренних обстоятельствах, при которых разворачивалась Великая Октябрьская социалистическая революция, об особенностях этой революции, о тактике большевиков в период подготовки Октября, о мировом значении Октябрьской революции. Эта работа товарища Сталина идет в его великой книге «Вопросы ленинизма» вслед за его работой «Об основах ленинизма», которой эта книга открывается, работой, созданной вскоре после смерти Ленина и представляющей собою лекции товарища Сталина, читанные в Свердловском университете в апреле 1924 года.

О работе товарища Сталина «Об основах ленинизма» в «Кратком курсе истории ВКП(б)» сказано: «Серьезное значение имела в деле идейного разгрома троцкизма и защиты ленинизма теоретическая работа тов. Сталина «Об основах ленинизма», вышедшая в 1924 году. Эта брошюра является мастерским изложением и серьезным теоретическим обоснованием ленинизма. Она вооружила тогда и вооружает теперь большевиков во всем мире острым оружием марксистско-ленинской теории»¹.

В полной мере этой же оценки заслуживает замечательная работа товарища Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов».

О подрывной, клеветнической работе Троцкого и троцкистов в этот период в «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится: «Осенью 1924 года Троцкий напечатал статью «Уроки Октября», в которой делал попытку поменить ленинизм троцкизмом. Эта статья являлась сплошной клеветой на нашу партию, на ее вождя — Ленина. За эту клеветническую книжонку ухватились все враги коммунизма и Советской власти. Партия с негодованием встретила эту клевету Троцкого на героическую историю большевизма. Тов. Сталин разоблачил попытку Троцкого поменить ленинизм троцкизмом. В своих выступлениях тов. Сталин указал, что «задача партии состоит в том, чтобы похоронить троцкизм, как идейное трупное тело»².

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 255.

² Там же.

Товарищ Сталин, систематически разоблачая троцкистов, веля неустанные бои против троцкизма, сплотил нашу большевистскую партию вокруг ее ЦК и мобилизовал ее на дальнейшую борьбу за победу социализма в нашей стране, за дальнейшее победоносное движение вперед, к коммунизму.

В борьбе за коммунизм острейшим оружием в руках нашей партии явилась работа товарища Сталина «Об Октябрьской революции и тактике русских коммунистов».

* * *

Октябрьская социалистическая революция открыла в истории человечества новую эру. Это эра пролетарских революций. На одной шестой части земного шара, в огромном государстве, она впервые в истории человеческого общества сделала рабочий класс господствующим классом. Октябрьская революция явилась революцией мирового значения, революцией международного порядка — она означает «коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического, мира, к новому, социалистическому, миру»³.

Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», говоря о необходимости для коммунистов любой страны строить свою тактику на строго объективном учете соотношения классовых сил как данного государства, так и государств, окружающих его, а также учета исторического опыта международных революционных движений, останавливается на конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной обстановке, которая сложилась в России в 1917 году. Каковы были те специфические условия, которые обеспечили сравнительно легкое начало социалистической революции? Ленин прежде всего указывает на то, что Октябрьский советский переворот был соединен с окончанием благодаря этому перевороту империалистической войны. Нами была использована военная схватка двух враждебных друг другу империалистических кликов, когда они не в состоянии оказались соединить свои хищнические устремления против молодой Советской республики. Когда по всей стране разразилась гражданская война, нашими союз-

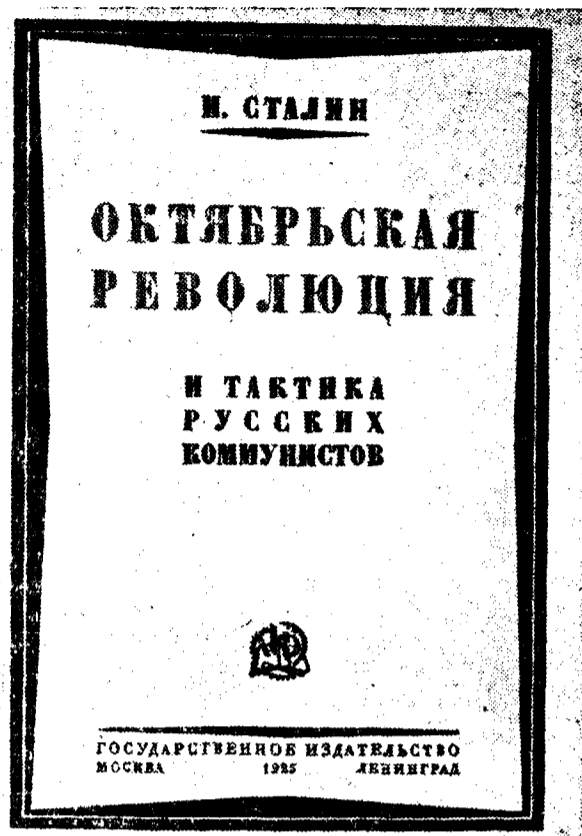
³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 175. 11-е изд.

никами оказались гигантские размеры нашей территории и отсталые средства сообщения. При наличии глубокого демократического революционного движения в крестьянстве партия большевиков благодаря завоеванию власти пролетариатом сразу передала крестьянам в пользование помещичьи земли, объявив землю государственной всенародной собственностью. Таковы были особые, специфические условия в 1917 году в России, облегчившие Октябрьский переворот.

Товарищ Сталин в первой главе своей работы «О внешней и внутренней обстановке Октябрьской революции» указывает на три обстоятельства внешнего порядка и шесть обстоятельств внутреннего порядка, которые определили сравнительную легкость победы Октябрьской революции.

Каковы же были обстоятельства внешнего порядка? Прежде всего, отмечает товарищ Сталин, Октябрьская революция получила «возможность использовать жестокое столкновение внутри империализма для укрепления и организации своих сил». Затем, в руках Октябрьской революции было мощное оружие мира. Трудящиеся массы «самой легкой вещей были поведены к пролетарской революции, как к единственному выходу из войны». Поэтому-то окончание ненавистной войны в результате Октябрьской революции создало революции «массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов». Наконец, неограниченное значение для Октябрьской революции имело начавшееся мощное революционное рабочее движение в Европе, что обеспечило ей — революции — за пределами России верных союзников, оказавших ей необходимую помощь в ее борьбе с мировым империализмом.

Что касается до благоприятных внутренних условий, облегчивших победу Октябрьской революции, то прежде всего это была активная поддержка громадного большинства пролетариата России, а также и крестьянской бедноты и солдат, жаждавших мира и земли; это было наличие во главе революции большевистской партии, опытной, дисциплинированной, тесно связанной с массами трудящихся; это также тот исторический факт, что Октябрьской революции противостояли более или менее слабая русская буржуазия, помещики, окончательно деморализованные крестьянскими «бунтами», и совершенно обанкротившиеся меньшевики и эсеры; это огромные пространства страны, обеспечившие свободу маневрирования, отступлений, обеспечившие возможность передышки, перегруппировки сил и пр., а также наличие в распоряжении диктатуры рабочего клас-

Обложка брошюры И. В. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов».

Музей революции СССР.

са достаточных запасов продовольствия, топлива и сырья.

Наряду с этими благоприятными обстоятельствами, вызванными своеобразной конкретной обстановкой в России предоктябрьского периода, товарищ Сталин отмечает и некоторые отрицательные черты внутренней и внешней обстановки: отсутствие пролетарского большинства в стране, а также и тот факт, что Советская Россия была одинока: по соседству с ней не было другой советской страны, на которую она могла бы в своей архитрудной борьбе с империалистами опереться.

Исходя именно из этих исчерпывающих указаний Ленина и Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)» из ряда причин, определивших сравнительно легкую победу Октябрьской социалистической революции в России, отмечает следующие главные причины.

Слабость, неорганизованность, недостаточная политическая опытность русской буржуазии по сравнению с буржуазией французской и английской.

Революционность и закаленность в боях рабочего класса России, прошедшего в короткий срок две революции и завоевавшего к кануну третьей революции «авторитет воля народа в борьбе за мир, за землю, за свободу, за социализм»¹.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 203.

И. В. Сталин. Музей революции СССР.
Рисунок Шварца.

Наличие у рабочего класса России «такого серьезного союзника в революции, как крестьянская беднота, составлявшая громадное большинство крестьянского населения... Наличие союза рабочего класса и крестьянской бедноты определило и повеление середняков, которые долго колебались и только перед Октябрьским восстанием повернулись, как следует, в сторону революции, присоединившись к крестьянской бедноте»¹.

Наличие во главе рабочего класса испытанной в политических боях партии большевиков, достаточно смелой, «чтобы повести народ на решительный штурм», и достаточно осмотрительной, «чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели»².

«Октябрьская революция началась в такой момент, когда империалистическая война была еще в разгаре, когда главные буржуазные государства были расколоты на два враждебных лагеря, когда они, будучи заняты войной друг с другом и ослабляя друг друга, не имели возможности серьезно вмешаться в «русские дела» и активно выступить против Октябрьской революции»³.

* * *

Определив своеобразную внешнюю и внутреннюю обстановку Октябрьской револю-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 203.

² Там же, стр. 204.

³ Там же.

ции, товарищ Сталин переходит к двум основным ее особенностям.

Известно троцкистское, предательское, антиреволюционное отношение к крестьянскому вопросу, провокационное утверждение Троцкого и троцкистов с тем, что пришедший к власти пролетариат обязательно придет во враждебные отношения с широкими массами крестьянства, что поэтому о крестьянстве как резерве пролетариата в революции, как о его союзнике в деле построения социализма не может быть и речи. Известно, что «перманентная революция», придуманная Троцким и троцкистами для обоснования меньшевистского отрицания диктатуры пролетариата, являлась «перманентной безнадельностью», «перманентной беспросветностью», разновидностью подлого меньшевизма, отрицанием революционных возможностей крестьянства. Товарищ Сталин подчеркивает, что «ошибка русских «перманентников» состояла не только в недооценке роли крестьянства, но и в недооценке сил и способностей пролетариата повести за собой крестьянство, в неверии в идею гегемонии пролетариата»⁴. А все это ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата.

Опрокидывая и разоблачая троцкистские измышления, товарищ Сталин обосновал то положение, что «весь ход Октябрьской ре-

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 110.

волюции, все ее развитие показали и доказали полную несостоятельность теории «перманентной революции», полную ее несовместимость с основами ленинизма».

Из двух особенностей Октябрьской революции, отчетливо выражающих ее внутренний смысл и историческое значение, товарищ Сталин выделяет в своей работе прежде всего вопрос о диктатуре пролетариата.

«Диктатура пролетариата, — пишет товарищ Сталин, — родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства, при руководстве последними со стороны пролетариата».

Товарищ Сталин гениально развивает идею о крестьянских резервах, в трудовых массах города и деревни, завоевание которых на сторону пролетариата является решающим для судеб пролетарской социалистической революции. Октябрьская революция победила именно потому, что «она сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы», в отличие от революций 1848 и 1871 годов во Франции, которые потерпели поражение главным образом именно потому, что крестьянские резервы оказались на стороне господствующих классов. Товарищ Сталин дает при этом свое замечательное, точное, научное, ленинское определение диктатуры рабочего класса: «Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат».

Новое по своей природе, пролетарское государство, вышедшее из Октябрьской революции, осуществляло на практике ленинскую теорию пролетарской диктатуры. Согласно этой теории, только городские, промышленные рабочие в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых, руководство это выражается в особой форме классового союза между пролетариатом и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся, а союз этот имеет целью полное свержение капитала, удержание и укрепление победы, подавление всяких попыток реставрации со стороны буржуазии, создание нового, социалистического общественного строя, полное уничтожение эксплуататорских классов, окончательное упрочение социализма.

«Одна из особенностей Октябрьской революции, — говорит товарищ Сталин, — состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата».

Товарищ Сталин при этом показывает глубокий интернационализм ленинской теории пролетарской диктатуры. Союз с ши-

рокими трудящимися массами — и прежде всего с крестьянством — и руководство ими означает не только союз с русским крестьянством, а с крестьянством, с трудящимися непролетарскими классами всех окраин России, бывших колоний России, с интернациональными массами трудящихся. Ленинская теория пролетарской диктатуры, указывает товарищ Сталин, обязательна для всех окраин. Большевизм не есть только русское явление, а «образец тактики для всех» (Л е н и н). Поэтому из ленинской теории пролетарской диктатуры вытекает положение, что «победа мировой революции невозможна без революционного союза, без революционного блока пролетариата передовых стран с угнетенными народами поработанных колоний».

Так обстоит дело с первой особенностью Октябрьской революции, выражающейся в том факте, что диктатура пролетариата родилась в процессе революции как власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Говоря о второй особенности Октябрьской революции, товарищ Сталин обращает внимание на тот факт, что «диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых». Товарищ Сталин при этом формулирует «в двух словах» основы ленинской теории пролетарской революции. Основы эти сводятся к тому, что «капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли» (Л е н и н), что «доля этой «добычи» приходится между двумя-тремя всемирно-могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за доли своей добычи всю землю» (Л е н и н). Противоречия внутри империалистического мира неизменно растут, и «военные столкновения при этом становятся все более неизбежными. Вследствие этого мировой фронт становится все более уязвимым со стороны революции, и вполне возможным становится поэтому прорыв этого фронта со стороны отдельных стран и вероятнее всего в тех странах, где «цепь империалистического фронта слабее, т. е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться». В такой стране, несмотря на то что она является капиталистически менее развитой страной, а страны, сохраняющие капитализм, являются странами более раз-

витыми, в такой стране «победа вполне возможна и вероятна».

Товарищ Сталин подчеркивает интернациональную природу, колоссальную международную мощь Октябрьской революции и своеобразие ее внешней политики. Ленинская теория пролетарской революции целиком осуществилась на исторической практике Октябрьской революции 1917 года. В этом, говорит товарищ Сталин, вторая особенность Великой Октябрьской социалистической революции.

Целиком базируясь на ленинской теории пролетарской революции, сформулированной во время империалистической войны в 1915 году, и исходя из указаний товарища Сталина. «Краткий курс истории ВКП(б)» дает следующее изложение ленинской теории социалистической революции и оценку гениальным выводам, сделанным Лениным:

«Ленин пришел к выводу, что вполне возможен прорыв империалистического фронта пролетариатом где-либо в одном месте или нескольких местах, что в о з м о ж н а победа социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой, стране, что одновременная победа социализма во всех странах ввиду неравномерности развития капитализма в этих странах — н е в о з м о ж н а, что социализм победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные страны в течение некоторого времени останутся буржуазными странами»¹.

«Это была, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — н о в а я, законченная теория социалистической революции, теория о возможности победы социализма в отдельных странах, об условиях его победы, о перспективах его победы, теория, основы которой были намечены Лениным еще в 1905 году в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции»².

«...Неоценимое значение ленинской теории социалистической революции состоит не только в том, что она обогатила марксизм новой теорией и двинула его вперед. Ее значение состоит еще в том, что она дает революционную перспективу пролетариатам отдельных стран, развязывает их инициативу в деле натиска на свою, национальную, буржуазию, учит их использовать обстановку войны для организации такого натиска и укрепляет их веру в победу пролетарской революции»³.

Товарищ Сталин в борьбе против капитулянтских, провокаторских «теорий» Троцкого и троцкистов о невозможности победы социализма в одной стране исчер-

пывающе развил и творчески двинул вперед эту новую, ленинскую теорию социалистической революции в условиях диктатуры пролетариата и начавшегося строительства социалистического общества. Все более растущее сочувствие и поддержка со стороны европейских рабочих, со стороны колониальных и зависимых стран, соединенные с мощью нашей Красной Армии и с готовностью рабочих и крестьян Советской России грудью отстаивать свое социалистическое отечество, являлись благоприятными условиями не только для того, чтобы двинуть вперед дело социалистического строительства, но также и для того, чтобы в свою очередь оказать помощь и поддержку западноевропейскому пролетариату и угнетенным народам колониальных стран Востока.

Товарищ Сталин, исходя из указаний Ленина о том, что «из России неизбежной будет Россия социалистическая», что у нас имеется «все необходимое и достаточное» для построения социалистического общества, а также из практики нашего социалистического строительства, разгромил контрреволюционные измышления троцкистов о невозможности построения социализма в нашей стране и неизбежности гибели страны диктатуры рабочего класса и раскрыл партии и стране ленинскую перспективу о том, что новая экономическая политика дает полную возможность «построить фундамент социалистической экономики».

* * *

В третьей главе своей работы товарищ Сталин устанавливает «некоторые особенности тактики большевиков в период подготовки Октября», без уяснения которых нельзя понять эту тактику. Первая особенность: «Безраздельное руководство одной партией, партией коммунистов, как основной момент подготовки Октября, — такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября». В этом отношении наша революция коренным образом отличалась от французской революции 1871 года, давшей Парижскую коммуну, где руководство революцией осуществляли две партии, из которых ни одна не являлась коммунистической. Без этой основной особенности тактики большевиков в период подготовки Октябрьской революции «победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна».

Вот на какие исторические факты предоктябрьского периода обращает внимание товарищ Сталин: от апреля к октябрю 1917 года формировалась, росла и зрела массовая политическая армия, подготовлен-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 162.

² Там же, стр. 163.

³ Там же.

ная большевиками к октябрьским боям. Эта армия проходила трудный, диалектический путь своего роста и развития. Ее создавал ход борьбы и столкновений классов. Школой ее политического воспитания были все исторические события этого периода (апрельская манифестация, июльская и июльская демонстрации, выборы в Думы, борьба с корниловщиной, завоевание советов). В отличие от военных армий, которые бывают заранее, перед войной уже подготовлены и оснащены, политические армии создаются в ходе самой борьбы, в ходе столкновения классов, по мере того как сами массы на собственном опыте убеждаются в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики.

Ленин в 1905 году в предисловии к «Двум тактикам», разъясняя, что массы учатся и воспитываются, политически растут и организационно крепнут в процессе, в ходе революции, писал, что «революция научит рабочие массы в России социал-демократизму»¹, что революция дает настоящее политическое крещение массам, что классы выходят из революции со своей определенной политической физиономией, что революция не может не научить народные массы искусству борьбы. Но задача борющейся политической пролетарской партии заключается именно в том, чтобы суметь чему-либо научить самое революцию, чтобы на революцию наложить свой, пролетарский, большевистский отпечаток.

И тактика большевиков полностью соответствовала именно этим указаниям Владимира Ильича. Товарищ Сталин иллюстрирует эти положения подробно, разъясняя отдельные звенья нашей тогдашней ленинско-сталинской большевистской тактики:

«1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный подъем массового революционного движения;

2) опираясь на стихийный подъем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания;

4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством одной партии, партии большевиков;

5) такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках одной партии, партии большевиков».

Таким образом, основным моментом, характерной чертой подготовки Октябрьской

революции явилось безраздельное руководство одной партии, партии Ленина—Сталина.

В своей работе «Об основах ленинизма» товарищ Сталин, говоря об этапах революции и стратегии, разъясняет, в чем состояла основная стратегическая линия в первый этап революции периода 1903—1917 годов.

Опираясь на известное ленинское положение 1905 года, сформулированное в «Двух тактиках», о том, что «пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздвинуть силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии»², направление главного удара со стороны партии в этот период имело задачей изоляцию либерально-монархической буржуазии, которая старалась подобно европейской буржуазии овладеть крестьянством, ликвидировать революцию путем соглашения с царизмом.

Эту мысль особенно подробно товарищ Сталин развивает в работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Почему в тот период, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905—1916 годы), главный удар направлялся большевиками против либерально-монархической буржуазии? Потому что она являлась наиболее опасной социальной опорой царизма. Потому что партия этой буржуазии — кадетская партия — партия соглашения между царизмом и крестьянством в целом. Поэтому, говорит товарищ Сталин, «партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на разрыв в крестьянстве с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, — нельзя было рассчитывать на победу революции». Большевистская стратегия требует «изоляции соглашательской партии для того, чтобы облегчить, приблизить победу над главным врагом». В работе «Об основах ленинизма» товарищ Сталин делает одно очень важное указание на то, что весь думский период (вопросы земли и воли) послужил предметным уроком для крестьянства, постепенно высвобождавшегося вследствие этого из-под влияния буржуазии, а империалистическая война 1914—1918 годов (вопросы мира) завершила отход крестьянства от буржуазии, изоляцию либеральной буржуазии. «Без наглядных уроков думского периода, — замечает товарищ Сталин, — гегемония пролетариата была бы невозможна». Без такой страте-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 31.

² Там же, стр. 96.

гии партии Ленина—Сталина не была бы возможна гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Отсюда понятна та линия, которую вела партия большевиков уже в иной период, в период подготовки Октября, когда первый этап революции оказался уже завершенным, когда в новую плоскость переместился центр борющихся сил.

Говоря о направлении основного удара на новом, втором этапе революции (март 1917 — октябрь 1917), товарищ Сталин указывает в своей работе «Об основах ленинизма», что направление это было: «изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики и эсеры), старающейся овладеть трудовыми массами крестьянства и кончить революцию путем соглашения с империализмом»¹. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма, пытавшейся повести за собою широкие крестьянские резервы, являлись партии мелкобуржуазной демократии — меньшевики и эсеры; они встали на путь соглашения между трудящимися массами и империализмом. А период этот был решающим в судьбах пролетарской революции, ибо это был период, когда, как пророчески предвидел Ленин в «Двух тактиках», «пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»².

Партия большевиков блестяще осуществила эту задачу парализования неустойчивости мелкой буржуазии и крестьянства. Партия добилась этого изоляцией меньшевиков и эсеров, которые вначале вели за собою трудящиеся массы, охваченные добросовестным оборончеством и доверявшие Временному правительству. Только благодаря напряжению всех сил большевистской партии удалось добиться разрыва трудящихся масс с империализмом, а без обеспечения этого разрыва, без полного разоблачения меньшевиков и эсеров нельзя было обеспечить победу социалистической революции. Как судьбу разрыва на первом этапе решил думский период, так судьбу разрыва на этом, втором этапе решил период керенщины.

Таким образом, партийное руководство массами в этот период заключалось в изоляции от этих масс соглашательских пар-

тий. В этой основной линии партии большевиков и заключается вторая особенность тактики партии Ленина—Сталина.

Как общий вывод, как закон товарищ Сталин так формулирует основное стратегическое правило марксизма-ленинизма: «1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии; 2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий; 3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду этого, направлены на изоляцию этих партий, на стрыв от них широких масс трудящихся».

Это указание приобретает особую силу для братских компартий в их сегодняшней борьбе против своих империалистических правительств, ибо без борьбы с соглашательскими, соглашательскими партиями, без их разгрома нельзя подвести массы к социализму.

Но тактика изоляции мелкобуржуазных партий повисла бы в воздухе, если бы она не находила своего организационного рычага, если бы она не была конкретнейшим образом связана с одним из наиболее популярных и близких широчайшим массам рабочих, солдат и крестьян творческой революции — с Советами. И революционный тактический лозунг был «Вся власть Советам!».

«Политика превращения Советов в органы государственной власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата, — такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября», — пишет в своей работе товарищ Сталин.

Еще в 1915 году — до революции — Ленин в своей работе «Несколько тезисов» предсказал, что в результате победы революционного восстания пролетариата появятся Советы как государственная власть пролетариата. «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения, — писал тогда Ленин, — должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти»³. В Апрельских тезисах Ленин, требуя систематического, терпеливого, настойчивого разъяснения ошибок тактики Советов, указывал, что своей работой критики и выяснения ошибок мы должны проповедывать переход всей государственной власти к Советам. А в своей знаменитой работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в сентябре 1917 года и опубликованной в октябрьском номере теоретического журнала большевиков «Просвещение», Ленин дал глу-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 54.

² В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 96.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 312.

бокое, всестороннее обоснование, почему большевики выдвигали так решительно именно идею Советов как основного организационного звена, способного облегчить изоляцию мелкобуржуазных партий, способного подвести широчайшие массы трудящихся к советской революции, к победе диктатуры пролетариата.

Вот что писал тогда в этой своей работе Ленин.

«Советы, — говорил Ленин еще в сентябре 1917 г., — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежде; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат, в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может понимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение... Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»¹.

Большевики с величайшим диалектическим мастерством применяли свой такти-

ческий лозунг «Вся власть Советам!», они пускали в ход этот свой организационный рычаг соответственно крайне быстро и круто менявшейся политической обстановке в стране.

От апреля и до сентября лозунг «Вся власть Советам!» прошел две стадии своего внутреннего развития.

Первая стадия — время двоевластия (до июльского поражения). Большевики в этот период, в период двоевластия, выдвигая этот лозунг, тем самым добивались разрыва соглашательских партий с кадетами, образования советского правительства из меньшевиков и эсеров и путем свободной агитации и борьбы внутри Советов в порядке мирного развития революции — большевизации Советов и изменения самого состава советского правительства.

Означал ли этот план диктатуру пролетариата? Нет, не означал. Но, как указывает товарищ Сталин, план этот означал создание таких условий, которые в дальнейшем необходимы были бы для обеспечения диктатуры рабочего класса. Что это были за условия?

Приход к власти соглашательских партий меньшевиков и эсеров означал бы необходимость для них на деле осуществлять свою контрреволюционную платформу, а это означало бы ускорение разоблачения перед массами их подлинной буржуазной природы, их изоляцию, отрыв от них масс.

Но это развитие было, однако, прервано июльским поражением большевиков. Июльские события ликвидировали двоевластие в пользу буржуазии, в пользу полноты власти Временного правительства. Пбо в итоге июльской контрреволюционной расправы с рабочими и солдатами силой оружия Советы с их соглашательским руководством превратились в простой придаток генерально-кадетской контрреволюционной политики.

Мирный период революции с возможностью мирного перехода власти в руки Советов кончился: в порядок дня был поставлен штык гражданской войны. Это вынудило большевистскую партию по указанию Ленина, блестяще обоснованному на VI съезде товарищем Сталиным, временно снять лозунг «Вся власть Советам!» с тем, чтобы к нему вернуться, когда начнется новый революционный подъем. Следует заметить, что некоторые большевики снятие этого лозунга пытались толковать таким образом, будто речь идет о новом лозунге «Долой Советы!» Товарищ Сталин тогда, на VI съезде партии, разъяснял: «Вопрос о свержении Советов выдуманный. Его никто здесь не ставил. Если мы предлагаем снять лозунг «Вся власть Советам!», отсу-

¹ В. И. Ленин. Т. XXI, стр. 258—259.

да еще не вытекает: «Долой Советы!». И мы, снимающие этот лозунг, в то же время не выходим даже из Центрального Исполнительного Комитета, несмотря на всю жалкую роль его за последнее время.

Местные Советы могут еще сыграть роль, так как им необходимо будет обороняться от притязаний Временного Правительства, и в этой борьбе мы их поддержим. Итак, повторяю: отмена лозунга передачи власти в руки Совета не означает «Долой Советы!»¹.

Если первая стадия в лозунге «Вся власть Советам!» закончилась июльским поражением большевиков, то вторая стадия в развитии этого лозунга открывается сентябрьским поражением корниловского восстания. Снова на очереди стал этот лозунг, опять большевистская партия его выдвинула. Но теперь уже было иное время, резко отличное от времени двоевластия, ибо Советы быстро большевизировались, Советы в большинстве своем стали большевистскими. И лозунг «Вся власть Советам!» означал уже не мирный переход власти, а «полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам... Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата».

Особенность большевистской тактики заключалась в систематической изоляции соглашательских партий благодаря политике превращения Советов в органы государственной власти, благодаря правильно сформулированному и своевременно данному большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!»

Это был правильный, большевистский лозунг, а правильные тактические лозунги, учил Ленин в «Двух тактиках», имеют особенно важное значение для руководства массами. «Выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий». И если достижение поставленных партией целей зависит прежде всего от верности тактических лозунгов, то это достижение зависит в той же мере, говорит Ленин, «от поддержки этих лозунгов реальной боевой силой рабочих масс»².

На этой-то решающей стороне дела и останавливает наше внимание товарищ Сталин, говоря о четвертой особенности тактики большевиков в период подготовки Октября. В чем эта особенность заключа-

лась? «Уменьше убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся,—такова четвертая особенность,—говорит товарищ Сталин,—тактика большевиков в период подготовки Октября».

И товарищ Сталин исчерпывающе разъясняет смысл и значение основ этой замечательной большевистской тактики. Каким образом следует в интересах победы подводить массы к лозунгам партии, чтобы массы на собственном опыте убеждались в правильности этих лозунгов, чтобы лозунги эти становились лозунгами самих масс? Что именно способно сделать революцию подлинно народной революцией? Неизменная задача большевистской тактики заключается в том, чтобы, правильно определяя пути и повороты революции, помочь массам на их собственном опыте ощутить, проверить и распознать правильность лозунгов, данных партией. Товарищ Сталин указывает на одну из решающих признаков особенностей большевистской тактики. Тактика эта, говорит товарищ Сталин, состоит в том, что «она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся».

И на примере нашего большевистского отношения к Учредительному собранию (его созыву, его разгону) товарищ Сталин демонстрирует силу и обоснованность этой ленинской тактики, допускающей при известных условиях временное существование «комбинированной государственности».

Товарищ Сталин указывает на то, что только благодаря своеобразной политике большевиков в отношении Учредительного собрания им удалось привлечь симпатии масс на свою сторону. А без такого завоевания миллионных масс рабочих, крестьян, солдат на свою сторону никогда Октябрьскую революцию нельзя было превратить в подлинно глубокую, народную революцию, ибо решающей активной творческой силой является союз рабочего класса и беднейшего крестьянства, «а без такого союза,—указывает Ленин в «Государстве и революции»,—непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование»³.

Марксистско-ленинскую науку о руководстве не только партией, но и массами большевики во главе с великими страте-

¹ Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 118. Издание 1934 года.

² В. И. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 33.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 396.

гами и тактиками революции Лениным и Сталиным блестяще применили к конкретным особенностям предоктябрьских и октябрьских дней 1917 года, что и определило весь успех Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», говоря о разработанной Лениным новой законченной теории социалистической революции, о возможности, условиях и перспективах победы социализма в отдельных странах, указывает, что «неоценимое значение ленинской теории социалистической революции состоит не только в том, что она обогатила марксизм новой теорией и двинула его вперед. Ее значение состоит еще в том, что она дает революционную перспективу пролетариям отдельных стран, развязывает их инициативу в деле натиска на свою, национальную буржуазию, учит их использовать обстановку войны для организации такого натиска и укрепляет их веру в победу пролетарской революции»¹.

В своей работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» товарищ Сталин в последней ее части — «Октябрьская революция, как начало и предпосылка мировой революции» — глубоко разрабатывает этот вопрос. Он вскрывает и разоблачает предательский характер и вредность троцкистской теории насчет невозможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Товарищ Сталин обращает внимание на то, что эта троцкистская «теория» связывает инициативу отдельных стран, получающих в силу сложившихся исторических обстоятельств возможность прорвать фронт империализма. Эта троцкистская «теория» зовет к пассивному созерцанию вместо активного натиска на капитал, вызывая гамлетовские сомнения вместо духа революционной решимости.

Товарищ Сталин при этом ведет борьбу на два фронта, разоблачая и тех, кто считал, что Октябрьская революция есть чисто внутреннее национальное дело, забывая об ее интернациональном значении, и тех, кто полагал, что Октябрьская революция сама по себе развиваться не может и что она должна пассивно ждать только помощи извне. «На самом деле, — указывает товарищ Сталин, — не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революций других стран, но и революции этих стран

нуждаются в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма».

В этой заключительной части своей работы товарищ Сталин пятнадцать лет тому назад формулирует те великие идеи пролетарского, советского интернационализма, которые он затем в борьбе против врагов советского народа, против схоластов и начетчиков, против извратителей и ополчителей марксизма-ленинизма неустанно развивал и развивает дальше в своих выступлениях. К этому вопросу, как известно, товарищ Сталин вновь возвращается в его письме комсомольскому пропагандисту Иванову.

Заключая свою историческую работу «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», товарищ Сталин писал:

«Если верно положение, что окончательная победа социализма в первой освобождающейся стране невозможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран...

...Характерная особенность этой помощи, — писал товарищ Сталин, — со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает окончательную победу социализма в первой победившей стране».

В этом незыблемая основа советского интернационализма.

Великий советский народ под водительством своего учителя и вождя народов товарища Сталина, строя свое коммунистическое общество на необозримых просторах шестой части земного шара, полон самых глубоких чувств, самых глубоких идей советского интернационализма.

«Советский интернационализм, — говорит тов. Молотов, — растет в массах, как сознание великой революционной силы союза рабочих и крестьян всех наций СССР, объединенных Советами, как сознание великого интернационального значения успехов строительства социализма для трудящихся всех стран». Это и есть подлинно ленинско-сталинское большевистское понимание советского патриотизма, которому чуждо, враждебно проявление всякого шовинизма, всякой национальной исключительности и который, наоборот, неразрывно связан с боевым, революцион-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 163—164.

ным, высоким чувством советского интернационализма.

Товарищ Сталин на XVIII съезде партии особо подчеркнул необходимость «развивать и культивировать советский патриотизм». Весь строй мыслей и чувств советского человека, все миросозерцание патриотов социалистической родины проникнуто сознанием величия интернациональных задач, поставленных историей перед советским народом.

Партия большевиков — передовой отряд трудящихся нашей родины, передовой организованный отряд рабочего класса Советской страны — прежде всего воспитывает благороднейшие чувства советского интернационализма в каждом отдельном члене партии, партии Ленина—Сталина. В Уставе Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, принятом на XVIII съезде, партия требует от своих членов активной и самоотверженной работы по «укреплению братских, интернациональных отношений как между трудящимися национальностей СССР, так и с пролетариями всех стран мира». Это одна из нерушимых заповедей нашего сталинского партийного устава. Партия поощряет, выдвигает вперед, ставит на первый план большевистский, ленинско-сталинский советский интернационализм. Партия сурово

карает забвение членом партии его интернациональных задач и обязанностей.

В этом духе советского интернационализма воспитывается каждый гражданин нашей священной советской земли, многомиллионного братского коллектива Союза Советских Социалистических Республик.

* * *

Работа товарища Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» является предисловием к книге «На путях к Октябрю», где собраны статьи и речи товарища Сталина за март—октябрь 1917 года. В этих статьях отражено великое содружество гениев человечества — Ленина и Сталина. «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» имела серьезнейшее значение в деле идейного разгрома троцкизма и защиты марксизма-ленинизма. Эта сталинская работа вооружила тогда, в первоначальный период напа, и вооружает сегодня людей нашей страны, уже осуществляющей исторический переход от социализма к коммунизму, и большевиков во всем мире острейшим оружием марксистско-ленинской теории в их борьбе за свержение господства капитализма, за победу коммунизма.

Б. Волин.

РАЗВИТИЕ ПРОГРАММЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ*

1

Программа марксистской партии определяет конечные и ближайшие цели борьбы партии, дает идейное направление всей многообразной деятельности партии рабочего класса. Программа, находясь в органической связи со стратегией, тактикой и организацией партии, подчиняет последние задачам борьбы партии за окончательную победу коммунизма.

Программа партии дает идейную основу, содержание и цельность всей нашей революционной деятельности. Ленин указывал, что без программы партия невозможна как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда поддерживать линию при всех и всяких новоротах событий.

Как показал опыт революционного движения пролетариата всех стран, как показал и подтверждает опыт строительства социалистического общества в нашей стране, борьба за чистоту марксистско-ленинской теории является одной из важнейших форм и решающим условием успешности борьбы рабочего класса.

В программу включаются в виде открыто-стабилизированных, четких формулировок все то, что теоретически обосновано, подытожено, проверено опытом классовой борьбы. Ленин говорил, что программа нашей партии должна быть непререкаема, что в программе должны быть четкие перспективы дальнейшей борьбы, дальнейших завоеваний коммунизма. Товарищ Сталин указывал, что в то время как конституция записывает то, что уже добыто и завоевано, программа партии записывает то, что должно быть завоевано.

Программа партии, которая научно формулирует коренные проблемы коммунистического движения, не может быть навсегда данным, застывшим документом. Неизменным в программе остается то, что составляет главное в марксистско-ленинизме, — его несокрушимые принципы. Но отдельные и конкретные задачи, выдвига-

емые на том или ином отрезке классовой борьбы и утрачивающие на последующих этапах свое значение, исключаются из программы. Революционное движение, классовая борьба пролетариата, обогащаясь опытом, неизбежно наталкивается на целый ряд новых вопросов, которые, подвергаясь научной обработке на основе марксизма-ленинизма, включаются в программу. Партия всегда работает над программой. Так, в пределах программы-минимум, т. е. тех задач, которые стояли перед пролетариатом России в буржуазно-демократической революции, практика революционной борьбы выдвигала новые задачи и обогащала новым содержанием также важные вопросы программы, как аграрный и национальный. После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года наша партия вносит в программу ряд изменений, связанных с оценкой новой обстановки и тех новых задач, которые стали перед пролетариатом на пути к победе социалистической революции. Теоретические работы Ленина и Сталина, обобщающие опыт международного рабочего движения, практику социалистического строительства в нашей стране и намечающие дальнейшие перспективы, включаются и будут включаться в программу нашей партии.

Существующая ныне программа партии была принята на VIII партийном съезде в 1919 году. Совершенно ясно, что эта программа в значительной своей части отстала от великих завоеваний социализма, достигнутых за прошедшие 20 лет, и поэтому уже не соответствует тем изменениям, которые произошли за эти годы. Еще XVI съезд партии в 1930 году принял решение о необходимости переработать программу ВКП(б). XVIII съезд партии избрал комиссию по переработке программы партии и обязал ее представить на ближайший съезд проект новой программы партии. Председателем программной комиссии избран великий теоретик и вождь трудящихся всего мира — товарищ И. В. Сталин.

2

* Настоящая статья является продолжением статьи тов. М. Москалева «Борьба Ленина за программу марксистской партии в период старой «Искры», помещенной в № 1 «Исторического журнала» за 1939 год.

Выработанная редакцией «Искры» и принятая II съездом РСДРП в 1903 году программа партии была лучшей из про-

грамм международного социал-демократического движения.

В программе было четко сформулировано, что конечная цель пролетарской борьбы — социалистическое общество, которое будет завоевано через социальную революцию, — и дальше в программе говорится: «Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»¹. Только в программе нашей партии пункт о диктатуре пролетариата был поставлен со всей ясностью. Программы всех других партий II интернационала вопрос о диктатуре пролетариата обходили.

В рядах западноевропейской социал-демократии Бернштейн и другие ревизионисты открыто выступали против главного в учении Маркса — доведения классовой борьбы до признания диктатуры пролетариата. Каутский и другие замаскированные союзники Бернштейна считали нужным обходить вопрос о диктатуре пролетариата. О программе РСДРП Ленин говорил, что «вопрос о диктатуре пролетариата поставлен в этой программе ясно и определенно, притом поставлен именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма»².

В программе нашей партии было сказано, что на пути к завоеванию диктатуры пролетариата перед социал-демократами разных стран стоят нестинаковые ближайшие задачи. Пролетариат России в качестве первоначальной задачи должен был ставить уничтожение многочисленных пережитков крепостничества, препятствующих экономическому росту страны и развитию классовой борьбы пролетариата. «Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата»³. Вот почему единая программа партии включала в себя две части: программу-минимум и программу-максимум.

Программа-минимум охватывала всю сумму задач пролетариата в борьбе с царизмом за победу буржуазно-демократической революции: завоевание политических свобод, 8-часового рабочего дня, разрешение аграрного вопроса, уничтожение сословий, самоопределение национальностей, отделение церкви от государства и т. п.

¹ «Протоколы II съезда РСДРП(б)», стр. 419. Партиздат, 1938.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 431.

³ «Протоколы II съезда», стр. 419.

Программа-максимум включала в себя задачи пролетариата в его борьбе с капитализмом за свое политическое господство, за завоевание диктатуры пролетариата и за победу коммунистического общества. Осуществление задач, поставленных в программу-минимум, облегчало дальнейшую борьбу за программу-максимум. Ленин всегда учил, что следует сочетать демократические задачи борьбы (против царя и помещиков) с социалистическими задачами (диктатура пролетариата) и не только сочетать, но подчинять демократические задачи социалистическим. Под знаком этого подчинения разрабатывалась теория перерастания буржуазно-демократической революции при гегемонии пролетариата в революцию социалистическую. В программе РСДРП программа-минимум — осуществление задач борьбы с царизмом — тесно связана и соподчинена программе-максимум — задаче завоевания диктатуры пролетариата.

Известно, что на II съезде РСДРП не было однородного состава делегатов. Наряду с твердыми шкворцами-ленинцами были «мягкие» искровцы, «болото» и антишкворцы. Этим объясняется, что последовательно революционная программа, предложенная ленинской «Шкворей» II съезду, была встречена в штыки накануне и на самом съезде антишкворческими, оппортунистическими элементами. Выступивший с большой речью — тогда махровый оппортунист — Мартынов, ссылаясь на все социал-демократические партии Запада и извращая труды Маркса — Энгельса, подверг нападкам сформулированный Лениным в книге «Что делать?» тезис о том, что в стихийное рабочее движение внесется социалистическая идеология. «Стихийное развитие рабочего движения, — писал Ленин, — идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, и идет именно по программе «Credo»... Наша задача, задача социал-демократии, состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления трат-юнкционизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии»⁴. Рабочее движение только в том случае пойдет по пути социализма, если оно будет пропитано революционной теорией, а носителем этой теории является партия рабочего класса.

Мартынов, возражая Ленину, утверждал, что «при выработке современного социализма различные по степени сознательности слои рабочего класса доходили практически, ошупью до отдельных задач и решений, которые их идеологи открыли,

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 392.

синтезировали и обосновали теоретически»¹.

Смысл нападок Мартынова на искровскую программу сводился к тому, что он, как и все оппортунисты, не был согласен с той ролью, которую отводил Ленин партии как сознательному авангарду рабочего класса.

В брошюре «Вскользь о партийных разногласиях», изданной в 1905 году, обосновывая ленинскую тезис о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении, товарищ Сталин писал: «Мы, социал-демократы, должны помешать стихийному рабочему движению идти по тред-юнионистскому пути, должны вводить его в социал-демократическое русло, вносить социалистическое сознание в это движение и сплачивать передовые силы рабочего класса в централизованную партию. Наш долг — всегда и везде руководить движением, энергично бороться со всеми — будет ли то враг, или «друг» — кто становится на пути к осуществлению нашей святой цели»².

Такова в общем позиция «большинства». Так писал товарищ Сталин, развивая ленинское положение о стихийности и сознательности в рабочем движении.

Экономист Акимов критиковал на II съезде ту часть программы, где обосновывалась «теория обнищания» и неизбежность диктатуры пролетариата.

Выступая против этого пункта программы, Акимов заявлял, что марксистское положение об относительном и абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме мешает якобы вести экономическую борьбу. Отрицание «теории обнищания» связано было у Акимова с отрицанием необходимости в программе пункта о диктатуре пролетариата. Пункт о диктатуре пролетариата напоминает ему (Акимову) о заговоре, совершенно таком же, как это мыслилось «Народной волей», что в других программах социал-демократических партий Запада нет пункта о диктатуре пролетариата и поэтому не следовало его иметь в нашей программе. Стремление экономистов протолкнуть в программу партии бернштейнские положения было искровским большинством II съезда отвергнуто.

Уже на II съезде РСДРП Троцкий высказал антиреволюционное, реформистское толкование диктатуры пролетариата. Он утверждал, что только тогда возможна диктатура пролетариата, когда партия сольется с рабочим классом и последний

будет составлять большинство нации. Троцкий на II съезде выступил против организационных принципов большевиков, которые в борьбе за диктатуру пролетариата придавали решающее значение централизованной партии.

Выступление Троцкого против программного требования марксистской партии о диктатуре пролетариата, о партии как ведущей силе рабочего класса в борьбе за свержение господства буржуазии и установление диктатуры рабочего класса встретило одобрение Акимова. «Троцкий высказал свой взгляд на «диктатуру пролетариата», с которым я совершенно согласен», — сказал бернштейншланец Акимов. Между Акимовым и Троцким не было существенных разногласий по основному требованию программы партии — о ведении классовой борьбы до завоевания диктатуры пролетариата. Отличие только в форме, а не в существе. Если Акимов откровенно выступал против главного в марксизме — учения о диктатуре пролетариата, — то Троцкий это делал замаскированно.

Особенно резко выступили оппортунистические элементы съезда против аграрной программы «Искры», так как отрицали руководство со стороны пролетариата демократическим движением крестьянства. Известно, что редакция «Искры» предложила принять II съезду в аграрной части программы возвращение крестьянам отрезанных земель при проведении реформы 1861 года. Лозунг возвращения «отрезков» и организация крестьянских комитетов должны были развязать классовую борьбу в деревне и усилить движение всего крестьянства против остатков крепостничества. Программу «отрезков» Ленин рассматривал как частичное требование, как первый шаг в условиях отсутствия развернутого крестьянского движения. Товарищ Сталин позже, в 1906 году, писал: «В 1903 г., когда партия говорила «об отрезках», российское крестьянство еще не было втянуто в движение. Обязанностью партии было бросить в деревню такой лозунг, который бы зажег сердца крестьян и поднял бы крестьянство против остатков крепостничества. Как раз такой лозунг был «отрезки», которые ярко напоминали российскому крестьянству о несправедливости остатков крепостничества»³. Не так смотрели антиискровцы, отказывавшиеся руководить крестьянским движением.

Узким делячеством веяло от жалобы Мартынова, будто «Искра» своей программой «отрезков» хочет заняться «исправлением исторической несправедливости». Представители «болота» — Махов и Его-

¹ «Протоколы II съезда», стр. 116.

² Цит. по Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», стр. 61. Госполитиздат. 1938.

³ Там же, стр. 107.

ров — считали, что в аграрной программе имеется «оттенок демагогии и авантюризма» (Протоколы II съезда, стр. 221). Тот же Махов заявил, что «единственный революционный класс — пролетариат, остальные — так себе: с боку припека... И против того, чтобы их поддерживать» (там же, стр. 249—250).

Программа «отрезков», которая была, по словам Ленина, уже в то время «непомерно узка», казалась оппортунистам слишком широкой. Возражая против аграрной программы «Искры», оппортунисты исходили из своей позиции отказа от руководящей роли рабочего класса в общедемократической борьбе и из отрицания роли крестьянства как союзника пролетариата в борьбе с самодержавием. Отвечая оппортунистам, Ленин заявил: «Наша задача никоим образом не может состоять из опускания рук по поводу узкости (глупости) мужика или господства над ним «предрассудка», а, наоборот, в неустанным расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над предрассудком»¹. Большинство съезда в вопросе об аграрной программе дало решительный отпор антиискровцам.

Программа II съезда была принята, все оппортунистические атаки на нее были отбиты. Принятая II съездом программа партии мобилизовала и в течение 15 лет воспитывала кадры большевиков-партийцев и рабочий класс нашей страны для революционных битв.

Меньшевики после II съезда повели борьбу против организационных принципов партии, а затем и против программы партии. В 1905 году меньшевики, ведя борьбу против основного стратегического лозунга большевиков — победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — тем самым боролись против программы II съезда. Не было иного пути свалить и добить самодержавие, как революционной борьбой рабочего класса и крестьянства и установлением революционно-демократической диктатуры этих классов. Не было иного пути к диктатуре пролетариата, поставленной во главу угла программы II съезда, как только через вооруженное свержение самодержавия и победу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В 1906 году в статьях «Апархизм или социализм» товарищ Сталин писал, что «все сторонники пролетарского социализма обязательно добиваются демократической республики как лучшего «пути и моста» к социализму. Вот почему программа марксистов в нынешних условиях делится на две части: программу - максимум,

имеющую целью построение социализма, и программу - минимум, имеющую целью расчислить путь социализму посредством демократической республики».

В годы после поражения первой русской революции, в условиях столыпинской реакции, меньшевики, превратившись в ликвидаторов, открыто выступили против программы партии. Ликвидаторы отказывались от программного требования демократической республики, считая, что режим Столыпина-венателя и III государственная дума есть уже завоеванная конституция. Ликвидаторы отказывались от программного требования восьмичасового рабочего дня, заменяя его жалким ходатайством о мелких экономических уступках. Ликвидаторы были против программного требования — возвращения крестьянам земель, отображенных у них помещиками. Программное ликвидаторство у меньшевиков в свою очередь определяло тактическое ликвидаторство и организационное ликвидаторство — борьбу против подпольной партии и строительство «столыпинской рабочей партии».

В годы первой мировой империалистической войны меньшевики, заняв позиции оборончества, открыто первали с интернационализмом, являющимся сущностью революционного марксизма и основой программы пролетарской партии. Меньшевики отказались от всех основных положений программы партии, принятых II съездом РСДРП в 1903 году.

Большевики не только руководствовались программой партии, принятой II съездом РСДРП, но неустанно работали над программными вопросами, развивали программу, теоретически обобщая выводы, подказанные практикой революционного движения. Ленин и Сталин развили раздел программы партии о национальном вопросе. Поронинское партийное совещание в 1913 году внесло дополнение в 9-й пункт программы о праве наций на самоопределение. Этот пункт был сформулирован так: «самоопределение вплоть до государственного отделения», и старое положение об обязательности государственного языка было выброшено. Товарищ Сталин писал: «Ленинизм расширил понятие самоопределения, истолковав его как право угнетенных народов зависимых стран и колоний на полное отделение, как право наций на самостоятельное государственное существование»².

Таким образом, в принятую II съездом программу партии большевики еще до революции 1917 года вносили новые вопросы, подказанные практикой движения и теоретически обобщенные.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 46. Изд. 11-е.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 189.

Со времени принятия партийной программы на II съезде РСДРП до февральской буржуазно-демократической революции в России в 1917 г. на мировой арене и во внутренней обстановке России произошли громадные изменения.

Такие всемирно-исторические события, как революция 1905 года, ряд империалистических войн (русско-японская, балканские) и, наконец, первая мировая империалистическая война и крах II интернационала, создали совершенно новую мировую обстановку и поворот в международном рабочем движении.

Ленин в годы первой мировой империалистической войны в своих работах (из которых на первом плане стоит «Империализм, как высшая стадия капитализма», являющаяся прямым продолжением «Капитала» Маркса) дал исчерпывающую оценку империализму, обосновал новую, законченную теорию социалистической революции и, обобщив богатые уроки пролетариата в эпоху империализма, обосновал стратегию и тактику пролетариата в борьбе за его диктатуру.

Теоретические работы Ленина подготовили партию к переработке программы II съезда, к созданию новой программы, которая должна была не только учесть происшедшие изменения, но, исходя из оценки этих изменений, определить задачи пролетариата в новой обстановке.

Вопрос о пересмотре программы встал перед партией как непосредственная задача после февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Своеобразие первого периода февральской буржуазно-демократической революции — сложившееся двоевластие (одновременное существование революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства — советов — и Временного буржуазного правительства, поддерживаемого советами). Партия должна была терпеливой, разъяснительной работой в массах, изолируя соглашательские партии, бороться за единство советов. Передача всей власти советам в первый этап февральской революции (10 июля) облегчила бы переход к диктатуре пролетариата.

В апрельских тезисах Ленина — в этом важнейшем программном документе большевизма — был дан лозунг Советской республики по всей стране сверху донизу. «Это был серьезный шаг вперед в области теории и практики марксизма. До сих пор марксистские теоретики считали парламентскую республику лучшей политической формой перехода к социализму. Теперь

Ленин предлагал заменить парламентскую республику республикой Советов, как наиболее целесообразной формой политической организации общества в переходный период от капитализма к социализму»¹.

Опыт 1905 года и февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, теоретически обобщенный Лениным, выдвинул Советы как политическую форму диктатуры пролетариата.

В тезисах от 4 апреля Ленин, исходя из новых задач, выдвигаемых перед пролетарской партией в борьбе за социалистический переворот, ставил в качестве конкретной задачи переработку программы, принятой II съездом в 1903 году, и перемену названия партии. «Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутекцианцы»), надо называться Коммунистической Партией»².

На VII Всероссийской партийной конференции в апреле 1917 года стоял также программный вопрос. Выступавший с докладом по этому вопросу В. И. Ленин показал, в каком направлении должна пересматриваться программа. Уже в годы империалистической войны Ленин, разрабатывая вопрос об империализме, как высшей стадии капитализма, указал на те противоречия, которые приведут к краху капитализма. VII Всероссийская апрельская конференция 1917 года по предложению Ленина указала, что в новую программу должна быть включена оценка эпохи империализма и империалистических войн в связи с надвигающейся социалистической революцией и борьба с извращениями марксизма, с так называемыми оборонцами, забывшими лозунг Маркса, что в капиталистическом обществе «рабочие не имеют отечества».

Программа должна указать на новый тип государства, подсказанный опытом международного пролетарского движения (Парижская коммуна, советы 1905 и 1917 годов), «исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарско-крестьянской республики (т. е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества)»³.

В программу нужно внести добавление в характеристике «основных течений современного социализма», так как социал-демократия в годы войны выявила полностью свою предательскую сущность,

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 177.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 89.

³ «Протоколы VII (апрельской) конференции РСДРП(б)», стр. 237.

II интернационал потерпел позорный крах и III Интернационал создается.

Мобилизуя массы на борьбу за второй этап революции, за немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за советскую власть как новый тип государства, необходимо было пересмотреть программу-минимум.

В программу партии должен быть включен ряд новых требований, отмеченный В. И. Лениным как «шаги к социализму»: рабочий контроль над производством, создание единого банка, национализация синдикатов, хлебная монополия и т. д.

Аграрный вопрос не был разрешен февральской буржуазно-демократической революцией.

Если до февральской революции 1917 года разрешение аграрного вопроса связывалось с победой буржуазно-демократической революции под гегемонией пролетариата, то сейчас аграрный вопрос мог быть разрешен только в связи и на основе победившей пролетарской революции, на основе советской власти.

После VII всероссийской апрельской конференции, по поручению ЦК, В. И. Ленин опубликовал брошюру «Материалы по пересмотру аграрной программы». В этой работе Ленин дал подробный проект новой программы, в котором было указано, что исключается, что остается из старой программы и что включается новое. В принципиальной части программы сохраняется из старой программы II съезда оценка капитализма, анализ раздирающих его противоречий и историческая роль рабочего класса, который ведет борьбу за диктатуру пролетариата и социализм. Но вместе с тем в оценке капитализма добавлено новое: «...Империализм или эпоха финансового капитала есть столь высоко развитое капиталистическое хозяйство, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным, вывоз капитала в чужие страны развивался в очень больших размерах, весь мир поделен уже территориально между богатейшими странами и начался раздел мира экономический между интернациональными трестами»¹.

Империалистическая война за передел мира является неизбежным продуктом империалистической эпохи. Вывести чело-

вечество из тупика империализма и империалистических войн может только социалистическая революция. Ленин резко выступил против антимарксистских положений Бухарина, Пятакова, будто империализм уничтожает все монополистические уклады хозяйства. Совсем не так обстоит дело в конкретной действительности. «Империализм, — писал Ленин, — является продолжением развития капитализма, его высшей стадией, переходной — в известном отношении — к социализму...

Империализм на самом деле не переживает и не может пережить капитализма снизу доверху... Империализм есть отживающийся, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами, — вот существеннейшая особенность империализма вообще»². Поэтому Ленин считал необходимым не выбрасывать оценку капитализма, данную в программе II съезда, но дополнить ее новыми моментами, связанными с империалистической стадией его развития.

В. И. Ленин уделяет исключительное внимание работе над программой и на ряде конкретных примеров старой программы показывает, что требуется исключить из устаревших положений, что нужно внести и как сформулировать новые вопросы в связи с решениями Всероссийской апрельской конференции, нацелившей партию на социалистическую революцию.

4

На VI съезде товарищ Сталин обосновал ленинскую теорию построения социализма в нашей стране. Это важнейшее программное положение марксизма-ленинизма защищал и развивал товарищ Сталин в борьбе с троцкистами. На съезде стоял также вопрос о программе, но так как обстановка со времени апрельской конференции не позволила широко развернуть обсуждение программных вопросов в партийных организациях, решено было перенести этот вопрос на специальный съезд партии, назначенный на 17—30 октября 1917 года³.

В. И. Ленин, находясь в подполье и намечая конкретный план военно-технической подготовки вооруженного восстания, уделял исключительное внимание программе партии, которая должна была служить теоретическим оружием в нашей борьбе за завоевание диктатуры пролетариата.

² В. И. Ленин: Соч. Т. XX, стр. 297.

³ Этот съезд не мог состояться, так как шла подготовка к вооруженному восстанию.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 301.

К программным документам нужно отнести ряд работ Ленина этого периода: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (10—14 октября 1917 года); «Задачи революции» (28 сентября 1917 года); «Удержат ли большевики государственную власть?» (7—14 октября 1917 года).

В. И. Ленин в эти месяцы закончил свой крупнейший труд «Государство и революция». В этой важнейшей теоретической работе Ленин восстановил и обогатил учение Маркса и Энгельса о государстве, диктатуре пролетариата, переходном периоде к социализму, о первой и второй фазах коммунизма. Ленин, разоблачая оппортунистов II интернационала, показал всемирноисторическое значение борьбы большевистской партии за победу диктатуры пролетариата в форме советской власти.

Все эти теоретические работы Ленина носили программный характер и служили руководством в нашей революционной борьбе за власть Советов.

По поводу начавшейся дискуссии по программным вопросам Ленин пишет статью «К пересмотру партийной программы» (В. И. Ленин. Т. XXI, стр. 295—318).

В ней он возражает Сокольникову («Материалы по пересмотру партийной программы». Сборник статей. Изд. Московского промышленного района. 1917), который, так же как и Бухарин, антимарксистски извращал сущность империализма, ведя борьбу против ленинской теории социалистической революции и победы социализма в отдельных странах, отрицал гегемонию пролетариата и союз с крестьянством в революции.

В. И. Ленин писал: «Немецкая группа «Спартак» в своих «тезисах», изданных по-немецки в 1915 году, выставила утверждение, что в эру империализма национальных войн быть не может. Это явно неправильное утверждение, ибо угнетение наций империализм обостряет, а вследствие этого не только возможны и вероятны, но прямо неизбежны национальные восстания и национальные войны (попытки провести различие между восстаниями и войнами были бы осуждены на крушение)»¹. Такую антимарксистскую позицию защищали противники социалистической революции Бухарин и Сокольников. Правильная оценка империалистической эпохи и империалистической войны в программе нашей партии необходима была для того, чтобы определить линию пролетарской борьбы против империализма, за победу пролетарской революции. Борьба рабочего класса против империализ-

ма должна вестись в тесном союзе с национально-революционным движением в колониях и полуколониях при гегемонии рабочего класса.

В части программы-минимум Бухарин и другие противники социалистической революции выдвинули «очень радикальное» по внешности и антимарксистское по существу предложение — «вовсе удалить программу-минимум». Бухарин считал, что деление на программу-минимум и программу-максимум уже устарело. Ленин резко против этого возражал. «Мы не должны хвалиться, едучи на рать, мы не должны выкидывать программу-минимум...

Это было бы пустой похвалой, ибо сначала надо завоевать власть, а мы еще ее не завоевали. Сначала надо осуществить на деле переходные меры к социализму, довести нашу революцию до победы всемирной социалистической революции, а потом уже, «едучи с ратп», можно и должно выкинуть вон программу-минимум, как ненужную больше»².

Наша программа, говорил Ленин, должна быть непрекращаема. Мы должны каждое положение программы так сформулировать, чтобы оно служило нашей революционной борьбе, звало вперед. Мы не должны забывать, что в борьбе за победу пролетарской революции рабочему классу нужно руководить демократическими слоями и прежде всего трудящимся крестьянством. Бухарин и Пятаков еще в годы первой мировой империалистической войны считали ошибкой со стороны партии «звать демократическую буржуазию» на борьбу против империализма, поскольку, по их мнению, мелкая буржуазия является враждебной пролетариату, тогда как Ленин учил, что угнетаемая империализмом мелкая буржуазия должна явиться союзником пролетариата. Те же троцкистские положения пытался Бухарин протащить на VI съезде партии. Товарищ Сталин, выступая против троцкистского тезиса Преображенского, отрицавшего возможность победы пролетарской революции и социализма в нашей стране, разоблачил тем самым троцкистскую позицию Бухарина.

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции подтвердил теоретическое предсказание гениев творческого марксизма — Ленина и Сталина.

5

VII съезд партии происходил после победы Великой Октябрьской социалистической революции (6—8 марта 1918 г.). На этом съезде в борьбе против предательской группы изменников, врагов социализма — «левых коммунистов» и троцкистов, —

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 305.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 312.

партия решила вопрос о выходе из войны и заключении мира. И на этом же съезде стоял программный вопрос, так как партия должна была в программе подытожить опыт победоносной борьбы за пролетарскую диктатуру и первые социалистические мероприятия Октябрьской революции.

VII съезд постановил именовать впредь нашу партию Российской коммунистической партией (большевиков). В своем докладе по программному вопросу на VII съезде В. И. Ленин указал на международную значимость всех завоеваний революции, которые должны быть выражены в нашей программе.

Съезд избрал комиссию во главе с Лениным и Сталиным, которой предложил безотлагательно составить программу партии. Съезд дал указания комиссии о том, чтобы: теоретическую часть программы дополнить характеристикой империализма и начавшейся эры международной социалистической революции; дать точную и обстоятельную характеристику советской формы государства как нового типа государства и «как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской коммуной». Программа должна указать, что, отказываясь от использования парламентаризма, мы должны подчеркнуть, что во всяком случае, при всех обстоятельствах «партия будет бороться за Советскую республику, как высший по демократизму тип государства и как форму диктатуры пролетариата, свержения ига эксплуататоров и подавления их сопротивления»¹.

В резолюции VII съезда партии по программному вопросу далее сказано: «Центр тяжести должен состоять в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных задач, поставленных себе Советской властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации эксплуататоров»². Эти ленинские установки выработывались с учетом особенностей тогдашнего периода и в борьбе с предательской группкой, для маскировки назвавшейся «левыми коммунистами» (Бухарин, Осипенский и др.), которая по-троцкистски отрицала возможность победы социализма в нашей стране.

Весной 1918 года был заключен мир и нужно было максимально использовать полученную временную передышку для того, чтобы построить фундамент социалистической экономики.

Ленинские установки, данные в статьях «Очередные задачи советской власти» и «О «левом» ребячестве и мелко-буржуазности», имели программный характер.

6

Программа, принятая VIII съездом партии в 1919 году, теоретически подытожила опыт социалистической революции в России и уроки первых послеоктябрьских классовых боев международного пролетариата. Программа нашей партии говорит: «Октябрьская революция 7 ноября (25 октября) 1917 г. в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего, при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата, создать основы коммунистического общества. Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т. е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, — все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции». Программа партии указывает, что задача победившей пролетарской диктатуры — победоносно строить социализм и создать основы коммунистического общества.

«В программе дается характеристика капитализма и его высшей стадии — империализма. В программе сравниваются две системы государств — буржуазно-демократическая и советская система. В программе подробно указаны конкретные задачи партии в борьбе за социализм: доведение до конца экспроприации буржуазии, ведение хозяйства страны по единому социалистическому плану, участие профсоюзов в организации народного хозяйства, социалистическая дисциплина труда, использование специалистов в народном хозяйстве под контролем советских органов, постепенное и планомерное вовлечение среднего крестьянства в работу социалистического строительства»³.

По вопросам о типе программы, о ее построении, против предложения Ленина включить в программу характеристику простого товарного хозяйства и промышленного капитализма выступил на VIII съезде партии Бухарин, который пытался навязать партии антимарксистские, троцкистские положения.

Ленин вскрыл антимарксистский характер взглядов Бухарина о том, что в нашей программе должна быть дана только характеристика империализма, а доимпери-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 358.

² Там же.

³ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 222.

листические уклады хозяйства (простое товарное хозяйство, промышленный капитализм) не должны быть упомянуты в программе партии. Еще на VII съезде партии, в 1918 году, Ленин категорически отверг предложение Бухарина. «Теоретически неправильно,— заявлял Ленин,— вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма... Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму»¹. И на VIII съезде партии Ленин разоблачил попытку Бухарина протащить свои антимарксистские положения в программе. «Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет»².

Все послевоенное развитие империализма целиком и полностью подтвердило эти положения Ленина. Ряд новых обобщений, сделанных товарищем Сталиным о причинах и природе временной капиталистической стабилизации 1925—1929 годов, об особенностях мирового экономического кризиса 1929—1932 годов, о перспективах общего кризиса капитализма, являясь дальнейшим развитием учения Ленина об империализме, послужит основой обновления программы партии в части оценки современного нам этапа капиталистического развития.

На этом же, VIII съезде партии стоял вопрос об укреплении союза рабочего класса с середняком. Бухарин, предлагая выбросить из программы все доимпериалистические уклады хозяйства, по-троцкистски недооценивал удельный вес крестьянина-середняка, который как раз и являлся носителем простого товарного хозяйства. Ленин научно обосновал программу и в этой связи тактику партии по отношению к мелкому собственнику: «Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству,— тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель»³.

Оставить в программе характеристику простого товарного хозяйства имело большое значение и для последующих задач выкорчевывания корней капитализма в Советской стране. Для победы социализма необходимо уничтожить самые корни капитализма, переделать мелкое товарное хозяйство, которое, как указывал Ленин, «рождает капитализм ежедневно, ежечасно в массовом масштабе», в крупное, социали-

стическое. Для Бухарина мелкое товарное хозяйство не рождает капитализм, а отсюда его оппортунистические выводы о мирном вращении кулака в социализм. Буржуазная теория «чистого империализма» послужила для Бухарина основой для контрреволюционной теории «организованного капитализма», который якобы преодолел все внутренние противоречия капитализма. Бухарин пытался в ряде программных вопросов отстаивать свои антимарксистские, буржуазные взгляды, но был разоблачен Лениным.

В области политической программа партии вскрывает классовую природу буржуазной демократии. Положения о буржуазной демократии и демократии пролетарской, о диктатуре пролетариата, о советской власти вошли в программу партии. Ленин разрабатывал их в ряде своих произведений: «Государство и революция» (1917 г.), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г.), «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» (1919 г.), «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (1919 г.) и в других работах. За годы, прошедшие со времени VIII съезда партии, в Стране советов неуклонно развивалась социалистическая демократия, демократия для трудящихся. Сталинская эпоха ознаменована ярким расцветом советского демократизма. Победа социализма закреплена в Сталинской Конституции. В докладах товарища Сталина «О новой Конституции» и на XVIII съезде партии дана дальнейшая разработка марксистско-ленинского учения о государстве. Товарищ Сталин завершил то, что не успел завершить Ленин. Вопросы о фазах и функциях советского государства при социализме, на путях коммунизма и в коммунистическом обществе, разработанные товарищем Сталиным, найдут свое яркое отражение в новой программе.

На VIII съезде остро развернулась борьба в связи с обсуждением национального вопроса при выработке программы. Пятаков и Бухарин в комиссии VIII съезда и на съезде партии выступили против ленинско-сталинского программного положения в национальном вопросе: право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения.

Бухарин и Пятаков, ссылаясь на процесс дифференциации, происходящий внутри каждой нации, предложили заменить данное программное положение другим: право на самоопределение трудящихся внутри нации. Не наше, мол, дело, заявляли они, заниматься всей нацией, так как сюда входит и буржуазия и пролетариат. Ленин на конкретных примерах доказал, что, выдвигая требование самоопределения трудя-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 350.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 131.

³ Там же, стр. 134.

щегося класса внутри нации, Бухарин и Цытаков отрипали сложность и длительность дифференциации пролетариата от буржуазии внутри каждой нации. И именно для того, чтобы ускорить и облегчить процесс дифференциации классов в каждой нации, партия и советская власть должны были последовательно проводить лозунг самоопределения наций. Ленинско-сталинская постановка и разрешение национального вопроса способствовали дифференциации трудящихся классов от национальной буржуазии внутри каждой нации и созданию могучего Союза Советских Социалистических Республик — единой дружной семьи народов.

Победа ленинско-сталинской национальной политики оказывает могучее революционизирующее влияние на угнетенные народы мира и мобилизует их на борьбу с империализмом. Новые завоевания в осуществлении национальной политики советской власти и дальнейшие задачи в этой области найдут также свое теоретическое обобщение в новой программе.

В области военной программа 1919 года наметила ряд важнейших вопросов, связанных со строительством Красной Армии. В то время, в условиях обостренной гражданской войны в стране, в программе партии было записано: «Красная Армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто-классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства». Все пролетарии и полупролетарии, сказано в программе, должны обучаться военному делу. Программа считает, что одной из важнейших задач строительства Красной Армии являлась подготовка командного состава из рабочих и крестьян. Эту задачу наша партия с честью выполнила в годы гражданской войны и социалистического строительства.

Нало было использовать часть старых военных специалистов, научиться у них военной технике, но поставить этих спецов под контроль партии в лице армейских коммунистов. В программе партии сказано: «Требование выборности командного состава, имевшее огромное принципиальное значение по отношению к армии буржуазной... теряет совершенно свое принципиальное значение по отношению к классовой рабочей и крестьянской Красной армии». Претворение в жизнь программных положений в военной области обеспечило укрепление дисциплины, организованности и роста социалистической сознательности Красной Армии.

На основе решений VIII съезда удалось создать могучую, непобедимую Красную Армию. Оснащенная всеми новейшими ви-

дами оружия, Красная Армия, могучая армия сознательных бойцов социалистической родины, покрыла себя неувядаемой славой в борьбе за советскую власть в годы гражданской войны и интервенции, дала японской военщине предметный урок в боях на озере Хасан, в других боях у монгольско-манчжурской границы.

Международная обстановка и рост военной техники, необходимость длительной выучки бойцов и командиров потребовали замены милиционной системы постоянной кадровой организацией армии. Свою возросшую мощь как революционной силы Красная Армия показала, выполняя свою освободительную миссию в Западной Украине и Западной Белоруссии. Укрепление Красной Армии социалистического государства, находящегося в капиталистическом окружении, найдет свое выражение в новой программе.

В области сельского хозяйства программа партии исходит из того, что «советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия». Сюда относятся совхозы, общества по обработке земли, поддержка сельскохозяйственных коммун и ряд мероприятий помощи инвентарем в обработке земли бедноте и среднему крестьянству.

Эти программные установки партия все эти двадцать лет неуклонно проводила в жизнь. На основе победы индустриализации и социалистического строительства партия могла перейти к осуществлению сплошной коллективизации и решению всемирноисторической задачи — созданию крупного социалистического земледелия.

В программе сказано: «По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика ВКП состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике».

По отношению к среднему крестьянству политика ВКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства».

В борьбе с контрреволюционным троцкизмом, отрицавшим необходимость союза с середняком, в борьбе с правыми реставраторами капитализма, отрицавшими руководящую роль пролетариата в социалистическом перевоспитании середняка, отрицавшими необходимость борьбы с кулачеством, партия во главе с товарищем Сталиным осуществляла и обогащала это программное положение. Переход в развернутое социалистическое наступление потребовал замены старой политики — ограничения и вытеснения кулачества новой по-

ликой—ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

В итоге победы сталинской коллективизации в Великом Советском Союзе окончательно ликвидированы эксплуататорские классы и построена первая фаза коммунистического общества.

В новой программе найдет свое выражение дальнейшая перспектива укрепления и создания новых форм социалистического коллективного хозяйства в советской деревне, дальнейших путей преодоления противоположности между городом и деревней.

В области экономической программа партии наметила к осуществлению целую сумму задач, вытекавших из экономической политики пролетариата эпохи военного коммунизма. Устарелость этих частей программы сказалась уже при переходе к новой экономической политике. И накануне этого перехода Ленин намечал известный план электрификации страны — ГОЭЛРО.

Ленин указывал, что советская власть плюс электрификация в с е й страны — это коммунизм. План электрификации страны — это вторая программа партии. Ленин тогда, в декабре 1920 года, говорил: «Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем»¹.

Ленин и Сталин считали нужным начать строить тяжелую индустрию на базе электрификации страны. Товарищ Сталин в письме к Ленину в начале 1921 года, касаясь плана ГОЭЛРО, против которого выступали Троцкий и Рыков, оценивал его как «мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без к а в ы ч е к. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы»².

Великие успехи социалистической индустриализации, небывалый рост производительности труда, создание новой технической базы для промышленности коммунистической эпохи, конкретный переход к

осуществлению принципа «от каждого по способности, каждому по его потребности» — все это найдет свое выражение в новой программе партии.

7

Программа нашей партии является продолжением и развитием «Манифеста коммунистической партии», «Критики Готской программы» и других программных документов основоположников научного социализма. К. Маркс и Ф. Энгельс разработали «Манифест Коммунистической партии» — эту программу пролетарской партии эпохи промышленного капитализма. Ленин разрабатывал программу пролетарской партии эпохи империализма и пролетарских революций. Вот почему эти две программы находятся в тесной преемственной связи. Наша программа, построенная на гранитной основе теории и тактики марксизма-ленинизма, подытожила и использовала опыт всего международного рабочего движения. В нашей программе тесно увязаны и согласованы между собой вопросы теории, конкретные задачи и перспективы борьбы. В нашей программе со всей четкостью показано единство теории и практики.

Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) является ведущим отрядом международного коммунистического движения и его боевого штаба — Коммунистического Интернационала.

На VI конгрессе Коминтерна в сентябре 1928 года принята программа Коммунистического Интернационала. Программа разрабатывалась при непосредственном, руководящем участии товарища Сталина. Товарищ Сталин указал на 7 основных особенностей программы Коминтерна (тогда еще проекта):

«1) Проект дает программу не для тех или иных отдельных национальных компартий, а для всех компартий, вместе взятых, схватывая общее и основное для них. Отсюда ее принципиально-теоретический характер.

2) Раньше обычно давали программу для «цивилизованных наций». В отличие от этого проект программы имеет в виду все нации мира, и белых, и черных, и метрополии, и колонии. Отсюда ее всеобъемлющий, глубоко интернациональный характер.

3) Проект берет за отправной пункт не тот или иной капитализм той или иной страны или части света, а всю мировую систему капитализма, противопоставляя ей мировую систему коммунистического хозяйства. Отсюда ее отличие от всех имеющихся до сих пор программ.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 45.

² Ленин и Сталин «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. II, стр. 365. 1929.

4) Проект исходит из неравномерности развития мирового капитализма и делает вывод о возможности победы социализма в отдельных странах, приходя к перспективе образования двух параллельных центров притяжения — мирового центра капитализма и мирового центра социализма, ведущих борьбу за обладание миром.

5) Проект выставляет вместо лозунга Соединенных Штатов Европы лозунг федерации отпавших и отпадающих от империалистической системы хозяйства советских республик развитых стран и колоний, противопоставляющей себя в своей борьбе за мировой социализм мировой капиталистической системе.

6) Проект делает упор против социал-демократии, как основной опоры капитализма в рабочем классе и как главного противника коммунизма, находя, что все остальные течения в рабочем классе (анархизм, анархоиндикализм, гильдейский социализм и т. д.) являются, по сути дела, разновидностью того же социал-демократизма.

7) Проект выдвигает на первый план упрочение коммунистических партий как на Западе, так и на Востоке, как предварительное условие обеспечения гегемонии пролетариата, а потом и диктатуры пролетариата»¹.

Из опыта социалистического строительства в СССР в программе Коминтерна получил полное отражение вопрос о возможности победоносного построения социализма в СССР. Эти положения ленинской теории социалистической революции, данные в ряде работ Ленина, исчерпывающе обоснованы и обогащены товарищем Сталиным в борьбе с контрреволюционными троцкистами и бухаринцами и блестяще претворены в жизнь.

Претворяя в жизнь программные положения, партия большевиков, руководимая Лениным и Сталиным, разгромила злейших

врагов коммунизма: троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов. Результатом всего этого явилась победа социализма в СССР, осуществление первой фазы коммунизма.

Исторические завоевания социалистического государства законодательно закреплены в великой Сталинской Конституции. В Советском Союзе полностью ликвидированы эксплуататорские классы, навсегда уничтожены причины эксплуатации человека человеком, грани между двумя классами трудящихся СССР — рабочими и крестьянами — все более стираются, так же как и грани между умственным и физическим трудом. Положения старой программы VIII съезда партии уже осуществились и не соответствуют новой исторической обстановке, не соответствуют всем изменениям, которые произошли за прошедшие годы.

В новой программе будут теоретически обобщены великие завоевания социализма и намечены дальнейшие перспективы борьбы за коммунизм. В новой программе будет теоретически обобщен опыт двадцатилетнего соревнования двух систем — социализма и капитализма. В новой программе найдет свое полное выражение дальнейшее развитие ленинской теории социалистической революции, ленинско-сталинское учение о социалистическом государстве в капиталистическом окружении, об укреплении социалистического государства как условия победы коммунистического общества, о кадрах, о нашей народной, социалистической интеллигенции. Новая программа будет разработана комиссией под председательством великого соратника Ленина, величайшего марксиста и гениального мужа науки, вождя мирового революционного движения — товарища Сталина.

Новая программа ленинско-сталинской партии и впредь будет являться марксистско-ленинским документом боевого, практического действия, который будет мобилизовать, организовывать и сплачивать рабочий класс, колхозное крестьянство и советскую интеллигенцию на дальнейшую борьбу за полное торжество коммунизма.

¹ Ленин и Сталин «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)», Т. III, стр. 297—298.

А. Залеская

С. М. КИРОВ — ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКИЙ ТРИБУН РЕВОЛЮЦИИ

Прошло 5 лет с тех пор, как презрительно троцкистско-бухаринско-зиновьевские изверги подняли свою преступную руку на Сергея Мироновича Кирова — славного ленинца, народного трибуна, ближайшего друга и соратника великого Сталина.

От руки подлых наймитов иностранных разведок погиб верный и непоколебимый сын трудового народа, один из самых выдающихся деятелей нашей эпохи, бесстрашный боец партии Ленина—Сталина.

Сознательная жизнь Сергея Мироновича Кирова — от первых шагов молодого революционера-неполюльника в Томске до огромной работы в качестве члена Политбюро ЦК ВКП(б), руководителя ленинградских большевиков — была пронизана одной пламенной страстью борьбы за коммунизм.

«Нашу партию, — писал ЦК ВКП(б) 2 декабря 1934 года, — постигло большое несчастье. 1 декабря от руки злодея-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ Киров. Не только для нас — его близких друзей и товарищей, но для всех знавших его по революционной работе, знавших его как бойца, товарища и друга, смерть Кирова является ничем невознаградимой утратой. От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения человечества.

Товарищ Киров представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные каче-

ства вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу».

Пройдя суровую школу царского подполья, нужды и лишений, Сергей Миронович Киров стал талантливейшим организатором партии, пламенным трибуном революции, выдающимся государственным деятелем.

Во всю ширь эти замечательные качества Сергея Мироновича развернулись после Великой Октябрьской социалистической революции, когда большевистская партия стала направляющей, руководящей силой в стране.

Сергею Мироновичу партия поручала ответственные участки работы, и он всегда с честью выполнял порученное ему дело, завоевывая огромный авторитет и горячую любовь у масс трудового народа.

В 1917—1918 годах по поручению партии он проводит огромную работу на Северном Кавказе, объединяя многонациональные массы трудящихся на борьбу против меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов, за установление советской власти.

В годы гражданской войны Киров выступает как один из виднейших организаторов обороны социалистического отечества, пролетарский полководец, герой обороны Астрахани.

Киров был непримиримым борцом за чистоту ленинско-сталинской партии, всегда стремился очищать ее от чуждых, примазавшихся, шкурных элементов. Именно в Астрахани, по инициативе и под руководством Кирова, прошла первая партийная чистка, укрепившая и сплотившая астраханскую организацию большевиков.

Необычайно велики заслуги С. М. Кирова в деле советизации Закавказья, с чего именем связан подъем и расцвет Бакинского нефтяного района. Киров сплотил вокруг знамени коммунистической партии многонациональный пролетариат Баку. Под его руководством были разбиты национал-уклонисты Азербайджана, выступавшие против образования Закавказской федерации.

Пролетарский революционер кристальной чистоты и честности, он был безгранично предан делу социалистической революции и отдал ей всю свою замечательную жизнь, весь свой талант, всю свою страсть.

Сергей Миронович Киров был прекрасно вооружен марксистско-ленинской теорией, был пламенным пропагандистом марксизма-ленинизма. Каждый шаг своей практической работы он связывал с революцион-

ной теорией, он глубоко изучал историю большевистской партии, понимая, что «каждая страница, каждая строка истории нашей партии — это не просто хроника событий, это огромная глубокая наука, не зная которой, нельзя делать пролетарскую революцию» (С. М. Киров).

Пользуясь могучим теоретическим оружием большевизма, он беспощадно громил презренных врагов рабочего класса — зиновьевцев, троцкистов, бухаринцев. Побольшевистски чувствуя и сознавая, что в партии — боевом штабе рабочего класса — нельзя терпеть малOVERов, капитулянтов, оппортунистов, предателей, он беспощадно против них боролся.

Несокрушимая вера в правильность и непобедимость учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и постоянная борьба за еще более полное овладение им помогали Сергею Мироновичу в совершенстве применять его в борьбе, неустрашимо идти вперед в любом деле, доверенном ему партией, и побеждать.

Когда к концу XIV съезда партии ЦК ВКП(б) послал С. М. Кирова на работу в Ленинград, бакинские большевики, прощаясь с ним, писали ленинградским коммунистам:

«Как нам ни трудно расстаться с товарищем Кировым, как нам ни дорог товарищ Киров, нас утешает одна мысль, что он будет в Ленинграде. Вы, товарищи ленинградские коммунисты, в лице товарища Кирова приобрели стойкого, выдержанного старого большевика-ленинца, лучшего ученого руководителя вашей организации».

С этого времени Сергей Миронович начал под руководством товарища Сталина новый этап своей деятельности, особенно важный и плодотворный. Возглавив ленинградскую организацию большевиков, он выкорчевывал троцкистско-зиновьевские и другие вражеские гнезда и вел массы вперед для новых побед социализма.

* * *

XIV партийный съезд мобилизовал своими решениями партию и рабочий класс на выполнение лозунга социалистической индустриализации страны.

«Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование. — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии», — говорил товарищ Сталин.

К этому времени восстановительный период подходил к концу и вопрос о построении социализма приобрел огромное актуальное политическое и практическое

значение для дальнейшей борьбы рабочего класса СССР и рабочего класса всех стран.

Товарищ Сталин по этому поводу говорил:

«Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения. Мы не можем строить без перспектив, без уверенности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить. Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством... Без ясных перспектив нашего строительства, без уверенности построить социализм рабочию массы не могут создать только участвовать в этом строительстве, они не могут создать только руководить крестьянством. Без уверенности построить социализм не может быть связи строительству социализма»¹.

В этот важный исторический момент полные капитулянты и штрейкбрехеры: Зиновьев, Каменев и их подручные — Ефремов, Бакаев и др. — разоблаченные впоследствии как агентура капиталистических разведок, — выступили против курса партии на построение социализма. Стремясь сорвать победоносное строительство социализма и восстановить в нашей стране власть капиталистов и помещиков, они пытались посеять в рабочем классе панику, отравить его ядом неверия в успешность социалистического строительства в нашей стране.

В своей полой борьбе против ЦК большевистской партии так называемая новая оппозиция сосредоточила главный огонь против ленинско-сталинского учения о победе социализма в нашей стране, вовлечения в социалистическое строительство основной, середняцкой массы крестьянства.

Презренные двурушники ставили ставку на раскол большевистской партии. В борьбе против партии они действовали осторожно и обдуманно. Прежде чем открыто напасть на генеральную линию партии, они вели длительную подготовку, накапливали силы.

Центром фракционной, антипартийной раскольнической деятельности зинovieвцами был избран Ленинград, где к руководству губкома партии пробрались сообщники Зиновьева. Основными методами действий зинovieвцев были обман, двурушничество, безудержная демагогия, зажим самокритики, уничтожение демократических основ в работе парторганизации Ленинграда. Свое антипартийные взгляды в среде партийного актива, некая ленинизм и историю партии, они распространяли клевету на Центральный Комитет, травлили и сни-

¹ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 361.

мали с партийной работы тех, кто не поддавался «обработке», а на важнейшие посты протаскивали фракционеров.

Боясь разоблачения, зинovieвцы избегали выступать со своими взглядами открыто, на широких партийных собраниях. На узких собраниях для «избранных» зинovieвцы обычно распесяивались, выступая с гнусными выпадами против линии ЦК нашей партии, скрывая в то же время решения высших партийных инстанций от широких партийных масс.

Залавшие целью проташить на XIV съезде делегацию исключительно из своих сторонников, зинovieвцы, подлю двурушничая, скрывали свои истинные взгляды, готовясь заговорить полным голосом только на XIV съезде.

В результате всей этой подрывной деятельности делегация от Ленинграда на XIV партсъезде оказалась составленной из оппозиционеров.

Для широких масс членов ленинградской партийной организации предательское выступление Зиновьева на съезде с содокладом по отчету ЦК и противопоставление ленинградской организации всей партии явилось полной неожиданностью. Рядовые члены партии стали требовать созыва собраний и объяснения поведения зинovieвцев.

XIV съезд ВКП(б) заклеил выходки «новой оппозиции» как антиленинские. Съезд «ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства»².

В конце XIV съезда в Ленинград выехали товарищи Молотов, Киров, Ворошилов, Калинин и другие, чтобы разъяснить ленинградским коммунистам решения исторического XIV съезда — съезда индустриализации — и разоблачить преступный характер деятельности зинovieвцев.

С. М. Киров, выполняя указания товарища Сталина, со всей присущей ему энергией, страстностью и беспощадностью обрушился на оппозиционеров. Где только ни пришлось в те дни выступать Сергею Мироновичу: его пламенные речи ступал партактив Выборгского района, рабочие «Красного путловца», «Электросилы», «Красного гвоздильника», пропагандисты города, городской комсомольский актив и т. д. И где бы ни выступал Сергей Миронович, он умеет повести за собой массы. Его горячая вера в великое, непобедимое учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, вера в победу социализма передавалась массам. Шаг за шагом Киров вскрывал перед рабочими капитулантское, троцкистско-

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 156. 11-е изд.

меньшевистское существо платформы знавоверской группы.

Следствием интрижек большевиков вокруг великой записки сталинской интуитивизации, в кругу ленинско-сталинского руководства партии, зажатая масса горючей верой в безграничное строительство социализма в нашей стране, Киров указывал, что обязательным условием победы социализма является выполнение заветов Ленина. Сергей Миронович говорил, что мы толпимся к берегам социализма «при одном неременнейшем условии: если мы выдержим тот ленинский курс (говоря меркантильско-терминологией), который мы взяли; его нужно выдержать так, чтобы не выронить из рук комаса, который оставит великий учитель Владимир Ильич Ленин»¹.

В своих выступлениях Киров неизменно подчеркивал решающее значение большевистского единства, единства сплоченности партии для укрепления диктатуры рабочего класса и победы социализма в нашей стране.

Он подчеркивал, что путь к социализму — не гладкая, зеркальная поверхность, а очень суровая дорога, что много придется преодолеть трудностей на этом пути, и призывает преодолевать эти трудности.

Разоблачая новых камикулянтов, С. М. Киров стремится к тому, чтобы все члены партии вышли из внутрипартийной борьбы и дискуссии убежденными и сознательными сторонниками генеральной линии ленинско-сталинского Центрального Комитета, стремится довести решения XIV партсъезда до сознания каждого коммуниста, каждого рабочего.

Большая работа, проведенная партией по разъяснению решений XIV съезда и разоблачению новых лгушников, дала свои результаты. Партийные организации в борьбе против оппозиционных элементов выносили резолюции, приветствовавшие решения XIV съезда, осуждавшие преступное поведение ленинградской делегации на съезде. На предприятиях развернулась кампания по переизбранию оппозиционно настроенных бюро коллективов.

Результаты отчетной кампании о решениях XIV съезда партии к 21 января выглядели так: на 652 партийных собраниях присутствовало 72 967 членов партии, или 83% всей ленинградской организации. Из них голосовало против оппозиции 96,3%, за оппозицию — 3,2%.

Оппозиция потерпела полное поражение. «Генералы» остались без армии, партийные массы признали оппозиционеров из руководства партийных организаций.

С. М. Киров говорил: «Достаточно было

каких-нибудь четырех — пяти недель для того, чтобы здесь, в Ленинграде, произошел полный перелом. Это, впрочем, говорит о том, что партия как жила, так и живет в борьбе за жизнь»².

XVIII ленинградская чрезвычайная партийная конференция (февраль 1926 года) избрала новый ленинско-сталинский состав губкома во главе с Кировым. Ленинградская партийная организация, разгромив под руководством Кирова двурушников, несокрушимой, стальной стеной сомкнула свои ряды вокруг сталинского ЦК.

«Мы можем сказать, — говорил Киров на XIV ленинградской губернской партийной конференции в 1927 г., — оставшимся в глубоком сиротливом одиночестве представителям нашей так называемой объединенной оппозиции, что план баум по дороге в Ленинград для оппозиции закрыт, закрыт окончательно»³.

Новые враги народа и после своего разгрома в Ленинграде не отказались от борьбы против партии и советской власти. Они только изменили методы борьбы, сильнее замаскировались и затанцевали лютую, звериную ненависть против партии, против ленинско-сталинского ЦК и особенно против ненавистного и грозного для них верного ленинца-сталинца С. М. Кирова.

Под руководством С. М. Кирова в ленинградской партийной организации развернулась огромная творческая работа, выдвигались многочисленные кадры нового актива. С. М. Киров много времени уделял выращиванию из рабочих закаленных, опытных партийных руководителей.

Центр тяжести работы Киров перенес в низовую партийную организацию — в ячейку и звено. Он неизменно собирал звеньевых организаторов и учил их, как нужно работать.

В ленинградской организации развернулась во всю ширь и глубину большевистская внутрипартийная демократия и самокритика. Рядовые члены партии привлекались к решению и проведению важнейших вопросов партийной работы.

Массы членов партии и беспартийные трудящиеся широко информировались о партийных решениях, им разъяснялись постановления съездов, конференций, пленумов ЦК. Воспитывая коммунистов в духе непримиримости ко всякого рода отклонениям от генеральной линии партии, Киров боролся за укрепление партийной дисциплины, против расхлябанности, разгильдяйства. Он неизменно указывал, что составной частью внутрипартийной демократии является железная дисциплина, единство

¹ С. М. Киров «Статьи, речи, документы», Т. III, стр. 130, Партиздат, 1936.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 314.

партии, обязательное подчинение меньшинства большинству, низестоящих организаций партии вышестоящим организациям.

С. М. Киров — один из самых блестящих соратников Сталина, неутомимый боец за генеральную линию партии, за железное единство ее рядов — по-сталински учитывал, какое громадное, решающее значение имеет марксистско-ленинская закалка, идейная вооруженность членов партии для разнравования врагов партии, для победоносного движения к социализму.

Киров неустанно оказывал помощь ленинградским большевикам в деле овладения большевизмом, неустанно разъяснял, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин международному рабочему движению.

«Если мы не будем вооружены до зубов марксистско-ленинской наукой, — говорил Сергей Миронович, — если мы будем стоять в стороне от общих знаний человечества, конечно, товарищи, мы будем очень долго путаться и преодолевать малейшие затруднения с громадными осложнениями. Для того, чтобы этого не было, нужно прежде всего дело учета и воспитания наших партийных кадров поставить во главу угла»¹.

Большое значение Сергей Миронович придавал вопросу выращивания пропагандистских кадров, в первую очередь из рабочих:

«Когда инстинкт рабочего подкрепляется теоретическими знаниями марксизма-ленинизма — вот лучшего пролетария наших дней, лучшего воспитателя широкой рабочей массы вы не найдете»², — говорил Сергей Миронович.

Он едко высмеивал тех работников, которые не умеют найти времени для повышения своего идейно-теоретического уровня, и учил коммунистов:

«Сколько бы ты ни был занят, при желании можно всегда найти время для учебы. Давайте начнем хотя бы с часа в день. Давайте попробуем выделить ежедневно час — полтора, чтобы поработать над самим собой. Этаких часов в году порядочно наберется, и вы будете по-настоящему пополнять и освежать свои теоретические и практические знания»³.

Сергей Миронович призывал сочетать теорию с практикой, указывая на то, что практическая работа по строительству социалистического общества с каждым годом становится все более сложней, многогранной и поэтому тот, кто не будет работать

над собой, кто не будет проводить теоретический фундамент под практическую работу, неизбежно отстанет, не справится с порученным ему делом. «Весь смысл и все значение нашей пропаганды заключается в том, что мы должны не только распространять, но, распространяя, научить человека делать то-то и то-то. Мы партия действия — вот в чем секрет»⁴.

Киров настойчиво боролся за повышение общекультурного уровня членов партии, призывая коммунистов овладеть всей суммой знаний, накопленных человечеством, доказывая, что самая жизнь, практика социалистического строительства, ставит перед каждым сознательным членом партии все новые и новые вопросы; и не только ставит, но и требует их разрешения. Тот коммунист, который не будет пополнять своих знаний, отстанет от жизни.

Выступая с докладом «Задачи партии на теоретическом фронте» на собрании в ленинградском отделении Комкадемии в январе 1931 года, Киров заострял внимание работников теоретического фронта на недостатках теоретической работы, на отрыве от практики социалистического строительства и со всей решительностью отмечал необходимость теснейшим образом увязать теоретическую работу с задачами социалистического строительства.

«Каждое теоретическое положение освещает нашу социалистическую стройку, оно становится достоинством миллионов и миллионов трудящихся, и чем ближе будем подвигаться к социализму, тем более почетное, более достойное положение будет занимать и теоретическая мысль. Хотя не будет того разрыва между, скажем, трудом интеллигентным и трудом рабочего человека, именно потому, что теория и теоретическая мысль все больше и больше должны становиться узлом не только избранных»⁵.

Сергей Миронович, уделяя большое внимание вопросам большевистского воспитания комсомола и всей советской молодежи, особенно много сделал для воспитания молодежи в духе пламенного советского патриотизма, любви к родине, преданности партии Ленина—Сталина.

После XIV съезда партия начала спрессованную работу по социалистической индустриализации.

¹ С. М. Киров «Статьи, речи, документы». Т. III, стр. 270.

² Там же, стр. 336.

³ С. М. Киров «Избранные статьи и речи», стр. 652—653. Госполитиздат. 1939.

⁴ С. М. Киров «Статьи, речи, документы». Т. III, стр. 324.

⁵ С. М. Киров «Избранные статьи и речи», стр. 450.

лизации страны. С. М. Киров был верным соратником Сталина в этом великом деле.

«Сейчас начинается новая историческая эра в нашей работе. — заверил он. — которую мы можем начать только так, чтобы действительно каждый рабочий нашей страны почувствовал и понял, что мы действительно идем по совершенно новым, небывалым и невиданным рельсам»¹.

Сергей Миронович, обладая кругозором великого большевистского руководителя, всегда смотрел вперед и видел перспективу предстоящих дел, стремясь к новым и новым достижениям. Киров никогда не скрывал от масс трудностей, которые встанут на пути при выполнении исторических задач, а, наоборот, понимал массы на преодоление этих трудностей.

С. М. Киров сумел показать ленинградским большевикам и всем трудящимся ту исключительную роль, которая выпала на долю Ленинграда в деле индустриализации Советской страны. В речи на торжественном заседании VIII губернского съезда металлистов 19 апреля 1926 года он говорил:

«Дело сложилось таким образом, что если есть действительно самый квалифицированный, самый надежный уголок в нашем Союзе, где можно было бы с достаточным успехом создавать орудия и средства производства, то это, несомненно, Ленинград. И поэтому наша партия, а вместе с ней, конечно, и рабочий класс должны в последующий период нашей работы сосредоточить исключительное внимание на ленинградских заводах, на ленинградских фабриках.

Это кратчайший путь в постановке дела машиностроения и всех прочих предметов оборудования, необходимых для нашей промышленности»².

Массы ленинградских рабочих с энтузиазмом откликнулись на призыв партии, на призыв своего любимого руководителя С. М. Кирова. Под его руководством в Ленинграде закипела огромная работа по переоборудованию фабрик и заводов, по строительству новых предприятий, по освоению новых отраслей производства, каких не знала старая, царская Россия, по созданию собственной энергетической и сырьевой базы.

Необходимым условием расцвета ленинградской промышленности являлся разгром троцкистской «теории» о деградации Ленинграда в силу того, что он не имеет сырьевой, энергетической и топливной базы. Разоблачая эту гнилую теорию, Киров со всей страстностью подчеркивал, что в нашей Советской стране, на нашей советской зем-

ле нет вообще ни одного района, которому суждено было бы деградировать.

В совершенстве владея сталинским стилем работы, Киров умел конкретно руководить всеми отраслями партийной, хозяйственной, советской работы. Он всегда доводил начатое дело до конца, умел выискать в самую суть разнообразнейших вопросов и безошибочно их разрешать. Сергей Миронович бывал на всех решающих предприятиях Ленинграда и области, на всех новостройках. При посещении фабрик и заводов он всегда внимательно выслушивал руководителей предприятий, рабочих, расспрашивал о затруднениях и каждому давал нечеловечески указания, как лучше добиться успеха.

Под непосредственным руководством Кирова путилевские рабочие освоили производство тракторов. Часто бывая в тракторном цехе, Киров неослабно следил за ходом освоения этого сложного производства и всегда давал ценные практические указания.

По инициативе Кирова Изюмский завод получил заказ на изготовление первого советского блюминга. Неоднократно приезжал сюда Сергей Миронович и внимательно следил за всеми процессами работы, интересовался каждой деталью, качеством металла, сроками изготовления отдельных частей.

Киров сделал все, чтобы первый блюминг — важнейший заказ страны — был выпущен в срок. И блюминг был изготовлен раньше намеченного срока.

Благодаря неустанному вниманию Сергея Мироновича за годы первой пятилетки был полностью реконструирован завод «Электрострела»; по своей производственной мощности он обогнал мировые электротехнические заводы. Здесь было освоено производство электропровода для блюминга, а также мощных гидро- и турбогенераторов для Днепростроя, Свирестроя и других электростанций. Завод имени Сталина освоил производство мощных турбин, завод «Севкабель» поставил производство кабелей высокого напряжения, завод К. Маркса — текстильных машин и т. д.

Сергей Миронович умел приковывать внимание партийной и советской общественности Ленинграда к особенно важным проблемам, разрешаемым отдельными заводами.

В Ленинграде не оставалось ни одного завода, который не подвергся бы за годы первой пятилетки коренной реконструкции. Страна постепенно освобождалась от иностранного импорта, и большая заслуга в этом принадлежала тов. Кирову, который возмущал ленинградских рабочих на освоение новых производств. Первая пятилетка по Ленинграду в основном была выполнена в три года.

¹ С. М. Киров «Статьи, речи, документы». Т. III, стр. 356.

² Там же, стр. 144.

Огромное внимание Сергей Миронович уделял вопросу создания топливно-энергетической базы для Ленинграда. Под его руководством были заложены и пущены в строй первая очередь Свирской гидроэлектростанции, Дубровская электростанция, Нивская гидроэлектростанция в Заполярье и начата постройка Туломской ГЭС.

С большевистской настойчивостью боролся Киров за расширение торфодобычи, за механизацию торфозаготовок, мобилизовал ленинградские научно-технические силы на разрешение задачи обезвоживания торфа.

Киров поставил во весь рост проблему использования гдовских горючих сланцев как топлива для ленинградской промышленности, неоднократно посещал гдовские сланцевые рудники.

С. М. Киров проводил огромную работу по завершению строительства Волховского алюминиевого комбината, Сясьского целлюлозно-бумажного комбината, Невского химического комбината, Мясокомбината и других предприятий, которые вступили в строй в 1931—1933 годах.

Идея освоения далекого Кольского полуострова также принадлежала С. М. Кирову.

Никакие трудности не могли остановить несокрушимой воли Кирова к освоению дикой заполярной тундры. Он лично выезжал в Хибинны (ныне Кировск), на месте ознакомился с изыскательными работами и, убедившись в наличии запасов апатитов, двинул дело вперед. Началась огромная стройка. Развернулась мощная апатитовая промышленность. Богатства глухого края были поставлены на службу социалистического строительства.

По указанию Кирова на Кольском полуострове были организованы новые поиски полезных ископаемых и были найдены богатые залежи медно-никелевых руд, железа, свинца и пр. По инициативе Сергея Мироновича развернулось строительство мурманских рыбных промыслов, мощного мурманского тралового флота, незамерзающего Мурманского порта и т. д.

Проявляя огромную заботу об улучшении материального положения трудящихся, Киров выдвинул вопрос о создании собственной продовольственной базы для рабочих Хибинно-Червика. По инициативе Сергея Мироновича в Заполярье был создан животноводческо-овощной совхоз «Индустрия», который целиком оправдал высказывания Сергея Мироновича о том, что «нет такой земли, которая в умелых руках при советской власти не могла бы быть повернута на благо человечества».

Киров неустанно учил партийцев и всех рабочих видеть за каждым — большим и малым — делом революционную перспективу, осуществление великого сталинского

плана строительства социализма в нашей стране.

Не раз Сергей Миронович разъяснял краснопутиловцам, какое значение для нашей страны имеет выпуск тракторов. Он указывал, что трактор и пропашник произведут революцию в сознании, например, туркмена-хлопкороба.

Рабочим Северной судостроительной верфи он говорил:

«Не только траулеры — политику делайте».

В целом ряде своих выступлений Сергей Миронович подчеркивал великое международное значение успехов социалистического строительства, указывал на то, что эти успехи революционизируют международный пролетариат, приближают час гибели капиталистической системы.

В речи на пленуме Ленинградского областного комитета ВКП(б) 4 октября 1931 года Сергей Миронович сказал:

«Каждый новый кирпич, который мы вкладываем в Магнитогорск или другую нашу стройку, сбрасывает сотни кирпичей с капиталистического здания»¹.

В другом выступлении Сергей Миронович говорил:

«Для того чтобы ускорить гибель капитализма, нам нужно крепче нажимать на наши темпы, лучше выполнять наши производственные, хозяйственные и культурные задачи»².

Много сил и энергии отдал Сергей Миронович Киров борьбе за успехи коллективизации в Ленинградской области. Под его непосредственным руководством осуществлялась борьба за ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Сергей Миронович неустанно заботился о механизации сельского хозяйства, лично руководил организацией и работой МТС, выдвинул идею о превращении Ленинградской области из потребляющей в производящую и много сделал для ее осуществления.

Выступая с яркими речами на съездах колхозников-ударников Ленинградской области и Карелии, Сергей Миронович призывал их укреплять трудовую дисциплину в колхозах, учил, как надо бороться за реализацию сталинского лозунга о том, чтобы сделать колхозы большевистскими, а всех колхозников зажиточными:

«Лишь тот работает по-большевистски, кто выше всего ставит интересы социалистической стройки, кому де-

¹ С. Киров «Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП(б)», стр. 144.

² С. М. Киров «Избранные статьи и речи», стр. 401.

роже всего интересы нашего общего дела, кто подает пример дисциплины, более высокой производительности труда, образцового отношения к колхозному добру»¹.

Под руководством Кирова окрепли колхозы Ленинградской области.

Успехи как в промышленности, так и в сельском хозяйстве Ленинграда и Ленинградской области были достигнуты благодаря тому, что Киров сумел мобилизовать партийную организацию на беспощадную борьбу со всеми открытыми и замаскированными врагами партии и рабочего класса, с бюрократизмами всех мастей. В этой борьбе Киров всегда был на линии огня. На XV съезде он требовал отечья от партии самым решительным, самым твердым и беспощадным образом троцкистско-энкавэевскую оппозицию.

Решительную, беспощадную борьбу Киров вел с правыми, являвшимися агентурной оппозицией в рядах партии. Со всей большевистской страстностью он разоблачал буржуазно-реакторское существо группы Бухарина, Рыжова и других, стремившихся, как и троцкисты, вернуть нашу страну на путь капитализма.

С трибуны XVI партийного съезда Киров говорил:

«...Нам надо на XVI съезде нашей партии совершенно твердо, решительно и бесспорно и окончательно покончить с правым уклоном»².

На XVI съезде Сергей Миронович отмечал, что мы имеем все объективные условия для успешного завершения социалистического строительства и нам «необходимо заботиться об основном — о том, чтобы наша великая двухмиллионная монолитная ленинская партия была действительно скалкой, о которую должны развиваться головы всех, кто встанет поперек дороги любознательно расущему социализму»³.

Киров был непримиримым врагом казенности, самозначимости. Он считал, что «самозначимость — злейший враг нашей работы. Нужно, чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская, честная, беззастенчивая, вынужденная жертва за дело партии»⁴.

Мобилизуя массы на выполнение задач второй пятилетки, Киров разоблачал враждебные установки о якобы «загущающей» классовой борьбе в нашей стране.

¹ С. М. Киров «Избранные статьи и речи», стр. 77.

² Там же, стр. 360.

³ Там же, стр. 361.

⁴ Там же, стр. 686.

«В самом деле, — говорил Киров, — разве можно, ставясь большевиком, утверждать, что классовая борьба в нашей стране закончена к концу пятилетки? Разве буржуазные тенденции в союзах, мелкобуржуазные колебания в сельских землях колхозного движения, наличие мелкобуржуазных предрассудков среди отдельных отдельных групп рабочих, среди трудящихся деревни не являются особыми формами классовой борьбы и не отражают собой влияние буржуазных влияний в среде трудящихся? К тому же надо постоянно помнить о капиталистическом окружении и уславивающемся сопротивлении классового врага»⁵.

Исключительно много энергии и труда отдал Киров делу укрепления обороноспособности страны. Большая заслуга принадлежит Сергею Мироновичу в боевом оснащении первоклассовой техникой Красной Армии и Военно-Морского Флота. Он заслуженно следил за продвижением и выпуском в срок важных оборонных заказов.

Киров — частый гость красноармейских частей и судов Балтийского флота — своими вдохновенными речами и последневной помощью в боевой работе уделял энергично бойцов Красной Армии и Флота в борьбе за овладение высотами военной техники. За исключительные, выдающиеся заслуги по укреплению обороны страны С. М. Киров в десятую годовщину РККА был награжден орденом Красного знамени.

Чрезвычайно многогранна была деятельность Кирова. Будучи замечательным организатором, он умевал заниматься тысячами разнообразнейших вопросов, ничего не упускал, ни о чем не забывал. Он много отдал для превращения Ленинграда в образцовый социалистический город, находил время лично заниматься вопросами перепланировки улиц Ленинграда, рассматривать с архитекторами проекты жилых домов. Киров сам занимался планированием комнат в новых домах для рабочих и составлял схемы расстановки мебели в новых квартирах. Многих ученых, которым приходилось беседовать с Сергеем Мироновичем, поражали глубокие и разнообразные знания главного руководителя ленинградских большевиков и его умение выделять перед ними насущнейшие задачи.

Сергей Миронович проявлял большую отеческую любовь к детям, неизменную заботу о них. Не найти ни одного участка социалистического строительства, который бы остался вне поля зрения Сергея Мироновича. Всяду чувствовалась его большевистская чуждость и неслышимая воля.

⁵ С. Киров «Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП(б)», стр. 228—229.

Под руководством Сергея Мироновича Кирова выросла и закалилась ленинградская партийная организация. Она еще крепче сплотила свои ряды вокруг великого Центрального Комитета. Она действительно сумела возглавить борьбу трудящихся Ленинграда и области за выполнение великих исторических задач по строительству социализма в нашей стране.

Радостью, бодростью, пониманием счастья жить и работать в замечательное время, в статичную эпоху, Киров вдохновлял каждого, кто с ним работал, кто имел счастье слушать его пламенные речи. Рабочие, крестьяне, интеллигенция сохранили горячую любовь и глубокое уважение к имени Кирова.

Жизненная его деятельность не ограничивалась рамками Ленинграда и области: в лице Кирова мы потеряли выдающегося партийного руководителя и крупнейшего деятеля общегосударственного значения.

Как член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), Киров принимал деятельное участие в разрешении всех важнейших вопросов внутренней жизни и международной политики нашего государства. В период борьбы партии с двуличническим правозлевающим блоком Сырнова—Домнина Киров по поручению ЦК выехал в Закавказье и в исключительно короткий срок сумел исправить вред, нанесенный партии презренными изменниками. В 1934 году Киров был в Казахстане, где организовал исправление недочетов в работе партийных и советских организаций.

Вся партия, весь советский народ горячо любил Кирова, но он был ненавиден нашим врагом. Они ненавидели его за бесстрашие в борьбе за дело рабочего класса, за честность большевистской партии, за бескомпромиссность в борьбе со всем враждебным большевизму. Презренные враги народа, стреляя в Кирова, метили в грудь

партии, поближе к ее сердцу, поближе к великому Сталину. Злодейское преступление, которое удалось врагам осуществить, разблачило до конца Пуду-Транко и его банду убийц и шпионов. Советский народ, руководимый большевистской партией, уничтожил измены врага контрреволюции, усилил близость к врагам всех мастей, мобилировался на беспощадную борьбу с вражеским строем.

ЦК ВКП(б) в своем письме в связи с убийством С. М. Кирова писал:

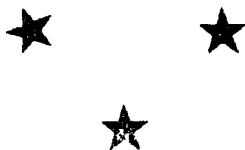
«Не благодунное нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительными».

Убивая Кирова, враги думали создать панику, растерянность в рядах строителей коммунизма, но жестоко просчитались. Велика была скорбь партии и народа в связи со смертью Кирова, сознание невосполнимости утраты его, но и велик был гнев трудящихся и решимость истребить до конца подлых белогвардейских убийц.

Смерть Кирова еще больше сплотила могучий советский народ вокруг нашей партии и ее великого вождя товарища Сталина, мобиливала партию и страну на борьбу против врагов всех мастей, на новые победы на путях строительства коммунизма. Дорогое для партии и советского народа имя Кирова является символом этой борьбы.

Тов. Жданов в выступлении, посвященном памяти С. М. Кирова, выразил чувства и мысли всего советского народа, когда сказал:

«Мы, партия и рабочий класс, поставим памятник Сергею Мироновичу в делах социализма, в победоносном шествии коммунизма вперед» (А. Жданов).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРАХА ПОЛЬШИ

Недолговременная история польского государства предвещала неизбежность глубокого краха, и если действительность в чем-либо обманула ожидания, то только в том, что реальная картина банкротства помещичье-буржуазной Польши превзошла все мыслимые предположения. Не прошло и 10 дней с начала германо-польской войны, как начало рассыпаться государство, правители которого кичились тем, что Польша — великая держава и что они вершители судеб чуть ли не всей Европы. Серьезная практическая проверка этих претензий тотчас же обнаружила их полную несостоятельность. От польской великодержавности и «самостийности» остались лишь тяжелые воспоминания.

Банкротство Польши — больше чем выражение нежизненности одной, отдельно взятой страны: оно яркий показатель полной нежизненности и окончательного развала целой империалистической системы, связанной с версальским мирным договором. Крушение Польши произошло не только от бездарности правящих классов этого государства, но и от искусственного и преходящего характера самого ее существования и существования той системы, в цепи которой она была не последним звеном. Возникнув не в силу исторической закономерности, а лишь в результате произвола, насилий, политических, стратегических, экономических соображений победивших в первой мировой империалистической войне держав Антанты, Польша, созданная из лоскутов произвольно вырезанных территорий и не менее произвольно загнанных в ее пределы народов, с первого дня своего существования таила в себе стремление к распаду. Это заслуживает того, чтобы внимательно приглядеться к условиям возникновения Польши, ибо в одном уж этом заключались причины неизбежной для панской Польши катастрофы.

1

В годы первой мировой империалистической войны была поднята подозрительная трескотня вокруг так называемого «польского вопроса». Дело в том, что правительства обоих воюющих лагерей, стре-

мясь скрыть истинные цели войны под всякими благовидными предложениями, делали вид, будто, помимо всего прочего, они воюют также за освобождение поляков от чужеземного угнетения. Разоблачая этот шулерский прием, подхваченный польскими помещиками и капиталистами, Ленин писал: «Быть за войну общеврапейскую ради одного только восстановления Польши — это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны»¹.

Наиболее успешно «польский вопрос» был использован в начале войны Австро-Венгрией и Германией. Отдавая себе отчет в том, что поляки в войне могут сыграть известную роль и польское националистическое движение может явиться неплохим поставщиком пушечного мяса, австро-венгерское правительство приобщило польское магнатство к господствующим классам своей лоскутной, многонациональной империи и покровительствовало польскому националистическому движению, уповавшему на то, что современем двуединая монархия Габсбургов превратится в трпединую, охватывающую территории и бывшей царской Польши, а возможно и Белоруссии и Украины. Нет нужды пояснять, что эта деятельность польских националистов соответствовала вкусам и планам австро-венгерского империализма. Рассматривая польских националистов как надежную и полезную опору, австро-венгерское правительство поощряло создание и деятельность польских националистических организаций, в первую очередь полувоенного стрелкового общества «Стжелец». Стоявший во главе этого общества Пилсудский был одновременно видным деятелем крупнейшей буржуазно-националистической организации, наименовавшей себя Польской социалистической партией (ПСП), и состоял также агентом австрийско-венгерского генерального штаба (конечно, это не мешало Пилсудскому в годы русско-японской войны служить также в японской, а затем и в других разведках).

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 264.

В моменту объявления войны Пилсудский занимался комплектованием особых польских добровольческих батальонов, которые первыми еще утром 6 августа 1914 года, за несколько часов до объявления Австро-Венгрии войны России, нарушили русскую границу и, совершая грубую диверсию, вторглись на русскую территорию. С помощью того же Пилсудского и других польских националистов австро-германской ориентации, одурманивавших сознание народа, австро-германская армия нашла значительное пополнение в лице сотен тысяч польских добровольцев. В результате поражений царизма территории, впоследствии составившие центральную часть Польши, были захвачены австро-германскими войсками. Значительную поддержку оккупантам оказывали многочисленные польские националистические организации, в частности возникший 16 августа 1914 года в Кракове Польский национальный комитет, легионы Пилсудского, ППС и другие.

Тогда же мечты панства, обреченного на вторые, подсобные роли при более крупных европейских империалистах, достаточно откровенно обнажил один из крупнейших польских публицистов, впоследствии ярый враг СССР, Владислав Студницкий. Студницкий выразил надежду на то, что беспредельное прислужничество польских помещиков и капиталистов будет вознаграждено созданием большого польского государства, простирающегося на восток, во всяком случае до Днепра, и проводящего «кассимилаторскую» политику по отношению к населяющим эти земли украинцам, белорусам, литовцам и евреям. Так, еще далекое даже от тени «самостийности», польское панство во всеуслышание заявляло о своих хищнических, авантюристических, колонизаторских вождедениях.

Буржуазные националисты и агенты империалистических разведок в поисках источников влияния на польский рабочий класс пытались даже воспользоваться имевшимися у Маркса и Энгельса некоторыми указаниями на заинтересованность всего европейского пролетариата в независимости Польши. Давая отпор всем и всяким попыткам использовать имена Маркса и Энгельса для прикрытия империалистической, националистической, враждебной народу политики, Ленин писал следующее: «Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западно-европейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зре-

ния была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения... Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего «ключевого революционного значения»¹. При потере же Польшей своего революционного значения судьбы польского народа могли справедливо с учетом его интересов быть разрешены не в результате тех или иных империалистических комбинаций, а только на основе революционной борьбы совместно с русским рабочим классом. Отбрасывая как чуждый вздор идеи о «подчиненности» всего международного рабочего движения задачам освобождения Польши, Ленин говорил: «Весь свет гори огнем — лишь бы была свободна Польша. Конечно, такая постановка вопроса есть насмешка над интернационализмом»².

2

Когда в затянувшейся империалистической войне силы центральных держав напружились до последнего предела, а установленный ими в польских территориях оккупационный режим оказался настолько невыносимым, что даже Пилсудский в виде протеста сложил с себя командование польскими легионами, то правительства Германии и Австро-Венгрии официально заявили о якобы поставленной ими перед собой задаче создания независимой польской монархии. Открытие в Варшаве в январе 1917 года Временного государственного совета должно было показать, что в этом направлении сделан реальный шаг. С помощью этого учреждения Германия и Австро-Венгрия рассчитывали укрепить свое положение в Привисленском районе.

Державы Антанты, ни в какой степени и ни в чем не уступая центральным державам, тоже прилагали все усилия к тому, чтобы приложить руку к судьбам польского народа и попытаться использовать его против Германии и ее союзников. В первое время этим целям Антанты служил образованный в Швейцарии в 1915

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 457.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 275.

году Генеральный комитет помощи жертвам войны в Польше. При активном содействии известного польского пианиста и крупного богача Палерецкого, входившего в правительственные круги ряда западно-европейских стран, вскоре возникли филиалы этого комитета в Париже, Лондоне, а также в США. Прикрываясь столь благородным предлогом, как помощь жертвам войны, швейцарский комитет связался с руководителями легионерского движения, вербуя их на сторону Антанты. Участникам легионерского движения в большинстве своем в принципе было одинаково безразлично, кому служить, лишь бы только оказаться на стороне победителей и быть допущенными к грабежу побежденных; страшая себя от всяких неожиданностей, они благосклонно принимали авансы, делавшиеся правительствами Антанты через швейцарский комитет, и подражались к новому империалистическому хозяину.

В апреле 1917 года в войну вступили США и президент Вильсон, подыскивая «демократическое» обоснование своей политики, заявил, между прочим, что вмешательство Америки, помимо всего остального, преследует такую благородную задачу, как создание польского государства. Но не эта и ей подобные декларации, а реальное превосходство сил Антанты привело к переориентировке в польском националистическом лагере. Как трюмная крыса первая стремится покинуть давший течь корабль, так и польские легионеры перешли обрубить узы сотрудничества, связывавшие их с Германией и Австро-Венгрией: Пилсудский уже в июле 1917 года выходит из состава Временного государственного совета, а вскоре попадает в германскую тюрьму в связи с отказом ряда польских легионов присягнуть на верность центральным державам. Кратковременное заключение Пилсудского оказало ему немалую услугу, примирив с ним новых хозяев и позволив несколько складить впечатление о его вопиющей деятельности в прошлом. Непрочность положения побудила Германию и Австро-Венгрию учредить в Варшаве в октябре 1917 года, накануне социалистической революции в России, грозное приближение которой ощутительно давало себя знать во всем мире, новое польское «правительство» — Временное регентство, — внешне облеченное всеми атрибутами независимости.

Но к этому времени существовало уже еще одно польское «правительство»: из недр Генерального комитета помощи жертвам войны в Польше вырос и конституировался в Париже 9 ноября 1917 года Польский национальный комитет. Эта организация, рожденная так же, как и пред-

шествующие ей, в глубине антантовских разведок, открыто ставила своей задачей оказание помощи Антанте в борьбе против Германии, а также против социалистической революции в России. Следует отметить, что парижский комитет мнил себя действительным правительством не только потому, что его опекали французское и английское правительства, но и потому, что он был в какой-то степени причастен к руководству комплектованными во Франции особыми военными частями, предназначенными для действий в Польше.

Октябрьская социалистическая революция, сбросив ярмо помещичье-капиталистической и всякой иной эксплуатации, в то же время навсегда покончила с национальным угнетением многочисленных народностей, населявших бывшую Российскую империю, и предоставила им право государственного самоуправления вплоть до отделения. Конечно, это ни в какой степени не означало, что освобожденные от гнета царизма народы должны были обособиться, отказаться от дружбы с освободившим их русским пролетариатом и тем самым поставить себя под угрозу потери независимости в пользу той или иной империалистической державы. На VII (апрельской) конференции нашей партии товарищ Сталин предупреждал: «Вопрос о праве наций на свободное отделение невозможно смешивать с вопросом об обязанности отделения нации в тот или иной момент»¹. От силы, организованности, сознательности польского пролетариата зависело, сумеет ли польский народ вырваться из-под ига империализма и вместе с русским рабочим классом строить социализм или, завоевав эфемерную «независимость», он станет рабом панов и их хозяев.

3

Национальный польский комитет в Париже в ряде меморандумов, представленных союзным правительством, констатировал слабость Временного регентства и возможность установления власти советов в Польше в случае краха Германии и эвакуации австро-германских армий. Парижский комитет требовал безотлагательной подготовки крупных военных континентов, которые должны будут после капитуляции центральных держав заменить их войска в оккупированных районах. Союзникам предлагалось оккупировать не толь-

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 65. Госполитиздат, 1934.

ко этнографически польский район, но и Брест-Литовск, и Ковно, и Каменец-Подольск, и т. д., и т. п. «Эта оккупация, — писал своим соображениями завладевший нами Вьеловейский, руководитель военной секции Национального польского комитета, — гарантирует Польше безопасность и сможет послужить базой военных действий союзников в России». Очевидно, что польские паны, проявляя одолевавшее их стремление к агрессии и насилию, искали симпатии и поддержки Парижа и Лондона вынычиванием той роли, которую они якобы смогут сыграть в антисоветской интервенции.

Действительно, с Октябрьской революции заинтересованность Антанты в «польском вопросе» исключительно возросла. По мнению заправил Антанты, особенно французских империалистов, на плечи замысливаемого к созданию польского государства должна была лечь двойная «нечетная» задача: с одной стороны быть ударной силой, обращенной европейским империализмом против Страны советов, с другой — быть стражем интересов держав-победительниц против побежденной, но не могущей быть стертой с лица земли Германии. Выполнению этих двух функций, естественно, должно было предшествовать создание сильной и обширной Польши. Особенно большое внимание уделяла польским делам Франция, рассчитывавшая в будущей Польше создать опорный пункт своего влияния в Восточной Европе.

Склонность французского империализма потакать максимальнейшим возжеланиям польского панства с полной очевидностью вскрылась уже тогда, когда, обсуждая условия перемирия, которые будут предложены Германии, маршал Фош заявил, что необходимо будет потребовать от Германии очищения территорий, входивших в состав Польши до ее первого раздела. Французский министр иностранных дел Пино также выказался за границы 1772 года для Польши. Конечно, после этого даже разговоры о самоопределяющемся с помощью Антанты польском народе должны были отпасть, ибо становилось очевидным, что, исполняя предлог «самоопределения», французский империализм замыкает предел всей Восточной Европы в угольном для себя духе. Но так как английское и американское правительства нашли, что план восстановления Польши в пределах 1772 года неприемлем — не потому, что он пытался отбросить Европу на полтора столетия назад и по своей чудовищности во много превосходил навязанный затем Германией версальский мирный договор, но потому, что столь некустарное создание «великой Польши» превратило бы ее в послушную игрушку французского импе-

риализма, единственной реальной силы, могущей быть заинтересованной в том, чтобы этот плод воспаленного воображения просуществовал в действительности. — то было решено, что первоначально Германия предложит вернуться на восток к границам 1914 года.

4

В октябре 1918 года начался распад Австро-Венгрии. В числе других освобождающихся от австро-венгерско-польского геноцида народов 18 октября 1918 года объявила себя самостоятельным и независимым государством Западная Украина. Образование независимой Западно-Украинской Народной Республики (З.-УНР), тогда же начавшей переговоры об объединении с Приднепровской Украиной, создавало глубокую брешь в планах польского панства. Варшавское Временное регентство, представляя «самоопределяющихся» поляков, отказывавшее в то же время в праве на действительное самоопределение украинскому народу, бросило на молодую республику все находившиеся в его распоряжении силы. Польским бандам, начавшим борьбу против освобождающегося украинского народа, удалось 5 ноября захватить столицу Западно-Украинской Народной Республики — город Львов.

Но к этому времени положение самого Временного регентства стало очень шатким. В предвидении капитуляции центральных держав оно поспешило отмежеваться от них и, отказываясь от монархической формы правления, провозгласило 3 ноября 1918 года независимую Польскую республику. Решение Регентского совета не изменило настроения польских трудящихся масс, ненавидящих войну и ввойне страдавших от германо-австрийской оккупации, прикрытой союзом с панством. 3 ноября рабочие крупнейшего промышленного района, Домбровского бассейна, воодушевленные успехами социалистической революции в России, приступили к созданию советов рабочих депутатов. Это говорило о том, что панству придется иметь дело не только с освободительным движением других народов, но и со стремлением самого польского народа в лице передовой части пролетариата вырваться из социального и национального гнета. Спеша опередить стихийное движение масс, спеша отвлечь их от борьбы за советы и создать какой-нибудь новый центр национального притяжения, способный заменить постылое и обанкротившееся Временное регентство, 7 ноября в Люблине, находившемся в зоне оккупации капитулировавшей австрийской армии, объявилось

«народное правительство» во главе с лидером ППС Дашинским.

9 ноября революция германских рабочих и солдат покончила с монархией Гогенцоллернов, и 11 ноября представители Германии приняли условия перемирия.

Без промедлений легионы Пилсудского, возвратившегося 11 ноября в Варшаву, начали разоружать германские войска. Чтобы помешать установлению власти советов в районах, очищаемых откатывавшейся германской армией, на восток непрерывно посылались отряды, комплектуемые магнатством из всяких подонков общества и из националистически настроенной мелкобуржуазной молодежи. Но советы появлялись повсюду.

Под давлением рабочих масс варшавские профсоюзы, ППС-левица и социал-демократы 11 ноября образовали совет в Варшаве. Затем советы появились в Лодзи, в Люблинском округе и в сотнях других мест, хотя почти повсеместно в стихийно возникавшие советы пробрались националистические элементы, пытавшиеся советами прикрыть организующую власть помещиков и капиталистов, все же создавалась опасность, что все расчеты Антанты и панства будут опровергнуты и разбиты вдребезги. Необходимо было во что бы то ни стало выиграть время и, собирая собственные силы, помешать организоваться массам. Пилсудский убедил скомпрометированное союзом с оккупантами Временное регентство уступить ему власть: 14 ноября, будучи провозглашенным «начальником государства», в широковетательном манифесте объявил о предстоящем созыве учредительного собрания. Репутация «начальника государства» была столь сомнительна, что национал-демократы — партия крупнейших польских помещиков и капиталистов, сотрудничавшая в прошлом с царизмом, — отказали Пилсудскому в поддержке. С большим трудом ему удалось 18 ноября образовать на смену люблинскому правительству новое, «народное» правительство под председательством Морачевского (ППС). Беззастенчивая, ничем не гнушавшаяся демагогия варшавских правителей, бесконечные посулы, игра на обостренном национальном чувстве польского народа — все это давало определенный эффект, затуманивало сознание масс...

Без колебаний применяя все средства, способные дезорганизовать, дезориентировать рабочее движение, Пилсудский — Морачевский — Дашинский пошел на создание параллельно образовавшемуся варшавскому совету нового совета и декретировали установление 8-часового рабочего дня. Одновременно еврейские националисты, играя наруку польскому панству, обра-

зовали совет еврейских рабочих. Так, в Варшаве и повсеместно, раскалывая рабочее движение, подвизались советы, разрозненные, раз'едаемые внутренней борьбой и деятельностью провокаторов, натравливаемые друг на друга, лишённые революционного руководства. Передовые рабочие, инстинктивно понимая, что в расколе рабочего класса заинтересованы только враги пролетариата, прилагали усилия к тому, чтобы сплотить свои ряды.

В середине декабря в результате объединения социал-демократии Польши и Литвы и ППС-левицы произошло образование Коммунистической рабочей партии Польши (КРП, позднее КПП). Унаследовав от своих предшественниц черты сектантства, люксембургское пренебрежение к национальному и крестьянскому вопросам, меньшевистскую теорию стихийности, КПП не смогла охватить грандиозность стоящих перед ней задач, не сумела правильно определить свое отношение к правительству, не пыталась связаться с крестьянством и помочь ему в его борьбе за землю, не выяснила обязанностей польских рабочих по отношению к трудящимся других национальностей, не помогла польскому пролетариату уяснить свои национальные и социальные интересы. Поэтому сам по себе симптоматичный и многозначительный факт возникновения КПП не привел к перелому в рабочем движении.

Правда, по требованию масс, стихийно тяготевших к единству, ППС и еврейские организации были вынуждены согласиться на создание единого варшавского совета рабочих депутатов. Выборы в совет происходили в чрезвычайно бурной обстановке и дали коммунистам значительное меньшинство, — в 297 мест, против 333 от ППС и 263 от еврейских национальных организаций. Оценивая итоги выборов, Ленин говорил: «Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалек уже Октябрь. Это — не то август, не то сентябрь 1917 года. Но, во-первых, не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы. А, во-вторых, сейчас дело обстоит таким образом, что большинство польских рабочих более передовых, чем наши, более культурных, стоит на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма»¹.

ППС, правительство Морачевского сделали все возможное, чтобы сбить рабочий класс с правильного пути. Терроризируя и истребляя авангард пролетариата, они не останавливались перед демагогией, настолько безудержной, что она вводила в

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 138.

зablуждение даже часть панства: 5—6 января 1919 года национал-демократы сделали попытку вооруженным путем устранить Морачевского и ИИС от власти. По стараниям Пилсудского конфликт был улажен и были приняты меры к консолидации буржуазно-помещичьих сил в целях укрепления власти и развернутого наступления внутри и вовне страны. В результате соглашения образовалось «общенациональное» правительство во главе с прибывшим из США Надеревским. А ИИС, чтобы еще больше расширить свою подрывную деятельность в рабочем классе, еще больше парализовать советы, стала «оппозиционной» партией.

Не только в Варшаве, но и там, где она имела в советах формальное большинство: в Люблинском округе, в Домбровском бассейне,—КПШ не сумела превратить советы в органы власти, в органы вооруженного восстания. В ряде мест ИИС, совершенно открыто превращая советы в очаги контрреволюции, свела их к положению своих партийных органов. Парализованные изнутри ИИС и провокаторами, пробравшимися в ряды КПШ, советы не сыграли положительной роли при выборах учредительного сейма и вскоре под ударами правительства прекратили свое существование. Совершая грубейшую политическую ошибку, КПШ отстранилась от участия в выборах учредительного собрания.

5

Собрав 10 февраля 1919 года учредительный сейм, польское панство могло считать себя успешно разрешившим задачу создания буржуазно-помещичьей власти и не могло не огнестить в свой актив то, что ему удалось отразить первую попытку штурма со стороны пролетариата.

По мере того как росло представление панов о прочности их власти, у них возрастало ненасытное стремление к грабежу чужих земель. Чтобы на предстоящей мирной конференции еще ярче продемонстрировать свое холопство перед Антантой, польское правительство, еще не признанное ни одной державой, 15 декабря 1918 года разорвало отношения с Германией. Вслед за этим банды польских погромщиков и агитаторов начали наводнять близлежащие районы Германской Померании, Восточной Пруссии, Познани, Силезии... Ряд территорий был захвачен поляками.

Еще более вызывающим было поведение Польши по отношению к Советской России. Под всяческими предлогами отклоняя предложения о взаимном признании и установлении дипломатических отношений, польское правительство забрасывало Москву требованиями, претензиями и жало-

бами. Доходя до предела наглости, оно протестовало против установления советской власти в Белоруссии и Литве и против продвижения советских войск по мере возвращения германских. Наконец, агенты польского правительства совершают гнусное преступление: убивают сотрудников советской мясепи Красного Креста. Развернувшаяся после этого бешеная антисоветская кампания не прекращалась в Польше до конца ее существования. Но, не ограничиваясь потоками грязи и дикими завываниями, правители Польши по мере своих сил переходили к вооруженным действиям. Так, 9 февраля 1919 года они захватили Брест-Литовск, затем пенадолго овладели Барановичами...

Но главное внимание заправил Польши весной 1919 года было обращено на происходившую в Париже мирную конференцию. От исхода ее зависела, конечно, не столько судьба Польши, к которой ни одно из соседних государств не предъявляло никаких территориальных претензий, сколько судьба именно польских претензий на территории соседних государств. Пропагандируемые польской прессой и полонифильской прессой Антанты соображения об несправлении «исторической несправедливости» к Польше, о восстановлении «великой Польши», Польши «от моря до моря» являлись не столько даже польской, сколько антантовской и в первую очередь французской агрессией по отношению к Советской России и к Германии. Спеша, насколько возможно, дать панству средства к осуществлению варварских планов, французское правительство, помимо крупных займов и материальных поставок, предоставило в распоряжение польского правительства и по его требованию в апреле 1919 года отправило в Польшу так называемые польские легионы генерала Галлера (дезертировавшего во время войны из австро-венгерской армии), скомплектованные, обученные и экипированные во Франции и на французские средства.

Антанта была бессильна росчерком пера решить судьбы народов, освобожденных Октябрьской социалистической революцией.

В тяжелейших условиях, под огнем интервенции раскрепощенные народы Советской России создали непобедимую Красную Армию и вышли победителями из гражданской войны и интервенции. Шейдемановцы, разоружив рабочих, уничтожив советы и сорвав союз революционной Германии с Советской Россией, облегчили Антанте грабеж Германии в пользу Польши. Антанта расчленила Германию, вырезав почти в середине страны 21 округ с немецким населением, чтобы образовать так называемый «коридор», предоставленный

Польше (§ 7 статьи 27 и статья 28 версальского мирного договора).

Мало того, также без спроса населения, исключительно в силу стратегических и экономических соображений от Германии был отторгнут портовый город Данциг (статья 100 версальского мирного договора), в действительности предоставленный в полное распоряжение Польши. Вначале предполагалось вообще всю Восточную Пруссию и Литву включить в состав Польши. Но даже сборищу версальских грабителей эта мера показалась слишком чудовищной, и было решено, что в части Восточной Пруссии, определенно и безусловно немецкой, все же будет проведен плебисцит по вопросу о государственной принадлежности этого района (статьи 94 и 96 версальского мирного договора).

Вместе с отторгаемыми территориями Германия лишилась не только нескольких миллионов немцев, но и важнейших сельскохозяйственных областей, дававших Германии почти четвертую часть всего урожая хлеба и около шестой части урожая картофеля. Еще более нагубно это расчленение должно было отозваться на всей экономике Германии.

Тяжелый удар германскому народному хозяйству нанесли также передача Польше индустриальной Познани. Но еще более серьезное значение имело намерение французского империализма лишить Германию крупнейшего горнопромышленного района — Верхней Силезии. Тут уж никакие исторические обоснования, никакие «жизненные интересы» Польши не могли скрыть стремлений французского империализма прибрать к своим рукам мощную силезскую промышленность и находящиеся в Верхней Силезии громадные залежи угля, железных руд, цинка... Не желая в столь большой степени потворствовать притязаниям Франции на военную и хозяйственную гегемонию в Европе, базирующуюся на создании целой системы зависимости государств, версальские миротворцы решили, что в отличие от первоначальных мирных условий, представленных Германии 7 мая 1919 года и предусматривавших переход Верхней Силезии к Польше, в Верхней Силезии будет проведен плебисцит (статья 88 версальского мирного договора), а пока что она подлежит очищению от германских войск.

Кромсая германские земли, дробя и разделяя, произвольно вырывая их из живого тела германского государства, версальский мирный договор создавал страшный клубок международных противоречий и экономического хаоса. Выступая на II конгрессе Коминтерна, Ленин говорил: «Версальский договор поставил и Германию, и целый ряд побежденных государств в условия мате-

риальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения»¹. В другой раз, специально останавливаясь на тех целях и задачах, которые торцы Версаля возложили на Польшу, Ленин сказал, что «Версальский мир превзошел все жестокости, на которые был способен кайзер, когда он был победителем... Одной из причин, по которой держится этот чудовищный мир, является то обстоятельство, что Польша разделяет Германию на две части, так как польские земли выходят к морю. Между Германией и Польшей отношения сейчас самые обостренные. Поляков, когда они притесняют германское население, поддерживают войска и офицеры Антанты. Из Польши Версальский мир создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков. С Польшей и при помощи Польши французы надеются вернуть себе те десятки миллиардов займов, которые взяло царское правительство»².

Подчеркивая, что образование Польши еще далеко не закончено и связано с антисоветской войной, версальский мирный договор оговаривал (статья 87), что восточные границы Польши подлежат установлению...

6

Но непосредственно приступить к «установлению» своих восточных границ и к походу на Советскую Россию наша Польша еще не могла. Помимо отсутствия реальных сил ей мешало и связывало руки широкое движение крестьянства. Выступив уже после разгрома пролетариата, крестьянство, раскалываемое действовавшими рука об руку с немцами кулацкими союзами и партиями, все же представляло собой серьезного противника папства. Панувавшие размахом крестьянских выступлений, польское правительство, действовавшее путем беспощадной расправы и карательных экспедиций, оказалось вынужденным заявить о необходимости «аграрной реформы». Соответствующий случаю законопроект, встреченный во всем национал-демократом, но поддержанный кулацкими партиями, был провален в сейме большинством одного голоса, но представленный вторично на голосование 11 июля 1919 года, получил большинство тоже в один голос и таким образом стал законом. Согласно этому акту, размер землевладения вблизи больших городов

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 333.

² Там же, стр. 401.

ограничивался 60 га, во всех других местностях, кроме «восточных окраин» — 180 га, а на «восточных окраинах» — 400 га. Если иметь в виду, что закон не предусматривал ни способов отчуждения излишков земли, ни способов их распределения, то демagogический, обманчивый характер всей этой меры, рассчитанной на то, чтобы помочь панству в его борьбе с крестьянской беднотой, станет очевидным.

Стремясь сохранить и приумножить свои владения, в былые времена охраняемые благодаря поддержке Романовых, Габсбургов или Гогенцоллернов, польские паны прилагали максимум усилий к тому, чтобы помешать освободительному движению украинского и белорусского крестьянства. Первый тяжелый удар пришелся по западноукраинцам.

После захвата поляками Львова правительство Западно-Украинской Народной Республики обосновалось в Тарнополе. Острая классовая борьба в самой Польше временно ослабила военный напор, оказываемый ею на Западную Украину. Используя небольшую передышку, правительство З.-УНР сумело несколько укрепить за счет объединения с братскими народами, населяющими Буковину и Подкарпатскую Украину (векорю захваченных она — Румынией, другая — Чехословакией). Так составилось довольно крупное государство, с населением, достигавшим примерно 10 миллионов человек.

Мало того, под давлением народа, стремившегося к полному национальному единству, правительство З.-УНР делало шаги к слиянию с Приднепровской Украиной. В последней, правда, власть в это время была захвачена контрреволюционной директорией, способной только продать и обречь свой народ на новые муки национального и социального угнетения. Но, как бы то ни было, широкие народные массы Западной Украины, плохо разбираясь в петлюро-вишиничевских и директорской деятельности, прежде всего стремились осуществить свою вековую историческую мечту о слиянии со всем украинским народом. Уже в декабре 1918 года в Фастове был заключен предварительный договор между З.-УНР и директорией, а 22 января 1919 года был провозглашен акт об объединении обеих украинских республик, причем за Западной Украиной сохранялась определенная автономия.

Правительство Пидзудков—Надеревского, закрывая в какой-то степени с украинской директорией на фоне объединявшей их ненависти к власти советов, усилило свое внешне давление на З.-УНР. Тогда, памятуя о велегрозивых декларациях Верховного совета Антанты, о его торжественных обеща-

ниях уважать и охранять права всех народов, веря в провозглашавшиеся им принципы народолюбия, правительство З.-УНР не нашло ничего лучшего, как обратиться к правительствам Франции, Англии и других великих империалистических хищников с жалобой на Польшу. Боясь открытой поддержкой польского панства дополнительно подтолкнуть украинский народ к сближению с Советской Россией и преждевременно сорвать маски со своего звериного лица, Верховный совет Антанты отправил для «урегулирования» польско-украинского конфликта особую миссию во главе с генералом Бартелеми. Полный своеобразного «беспристрастия», Бартелеми тотчас попытался навязать З.-УНР своеобразное перемирие, оставляющее в руках Польши Львов и богатые нефтью западные районы страны. При поддержке и с благословения «миротворца» поляки возобновили наступление на З.-УНР. Казалось бы, из этого сам собой напрашивался вывод о нежелании западных Антанты считаться с жизненными интересами украинского народа и о их явном стремлении создать большое вассальное польское государство, равно враждебное и украинскому, и белорусскому, и литовскому народам, Советским республикам и Германии.

Но правительство З.-УНР все еще продолжало уповать на справедливость империалистов, собравшихся тем временем на конференцию в Париже для подведения итогов войны, передела мира и организации антисоветской интервенции. Выезжая в Париж в качестве вице-председателя объединенной украинской делегации, министр иностранных дел З.-УНР Василий Панейко обратился 17 марта 1919 года с телеграммой к американскому президенту Вильсону, главному вдохновителю панфиетской и демократической трескотни Антанты, в которой протестовал против деятельности Бартелеми и просил воздействовать на Польшу. В своем ответе, опубликованном 30 марта 1919 года в парижской газете «Тан», Вильсон выражал надежду, что украинский народ «сохранит доверие к обещанию союзных правительств разрешить разногласия между Польшей и Украиной». Дорого обошлось украинцам доверие их руководителей к Антанте.

При получении известия об отправке в Польшу армии Галлера правительство З.-УНР забеспокоилось. Но союзники тотчас поспешили заверить З.-УНР, что на основе соглашения с Польшей галлеровские части ни в коем случае не будут применены против украинцев. Принимая 22 мая 1919 года украинскую делегацию, Клемансо торжественно подтвердил эти заверения.

В лету 1919 года правительству З.-УНР, пересехавшему в Станиславов, удалось вер-

нуть себе некоторые потерянные территории. Но будучи правительством украинской буржуазии, пытавшейся возглавить национально-освободительное движение украинского народа и направить его по линии создания буржуазного государства, правительство З.-УНР не осуществило в стране ни одной из необходимых реформ, в частности не конфисковало помещичьих владений. Буржуазный характер правительства З.-УНР не позволил ей установить дружеские отношения с Советской Венгрией и принять предложение о помощи и братстве со стороны Советской Украины, окрепнувшей в победоносной борьбе с иностранной интервенцией и контрреволюционной петлюровской директорией. Народ Западной Украины не сочувствовал стремлениям правительства отгородиться от свободных братьев за Збручем и требовал решительных перемен во внутренней и внешней политике. Чтобы сорвать соглашение З.-УНР с Советской Украиной, Англия, а особенно Франция, с одной стороны коварно продолжали обещать З.-УНР помощь против поляков, с другой — торопили Пилсудского покончить с З.-УНР: 25 июня 1919 года Польше было официально предложено оккупировать территорию З.-УНР.

После этого особенно наглядно проявила себя полная усыпительных обманов и вероломства политика Антанты. Как стая обнаглевших хищников набросились на Западную Украину галлеровские части, сопровождаемые шляхетскими бандами. По всей украинской земле прошел сток от насилией захватчиков, поднялся дым от пожаров, полилась кровь от разбитых и погромов. Тщетно пыталась армия З.-УНР преградить путь обученным на французские деньги во Франции силам французского империализма, с помощью которых он надеялся учредить свою гегемонию в Восточной Европе. 16 июля 1919 года отступавшая украинская армия перешла Збруч и З.-УНР фактически перестала существовать.

А 20 ноября 1919 года постановлением мирной конференции Восточная Галиция (Западная Украина) передавалась Польше на 25 лет.

Откликаясь на это решение, Ленин говорил: «Если на какую-нибудь из держав, сохраняющих буржуазный строй, граничащих с Россией, может рассчитывать Антанта в длительно составленном плане военного вмешательства, то только на Польшу, почему сейчас при общей ненависти буржуазных государств к Советской власти все видят непосредственный интерес во владении польскими помещиками восточной Галицией»¹.

Стремясь вернуть себе огромные места на Украине и в Белоруссии, не переставая мечтать о колонизации прилегающих советских республик, ненавидя Советскую страну и опасаясь, что лишь один факт ее успешного существования способен будет взорвать скрепяемое диким насилием и поругательством над свободой народов польское государство, панство, по прямому указанию из Лондона и Парижа, готовилось к большому антисоветскому выступлению. В порядке подготовки к советско-польской войне Польша получила из стран Антанты не меньше 200 тысяч винтовок, 5 тысяч пулеметов, а также 120 танков и 135 аэропланов — вооружение по тому времени немалое. Наконец, германские склады и базы, находившиеся на территориях, отошедших к Польше, а также часть выданного Германией оружия тоже достались панам.

Используя эти все время пополнявшиеся ресурсы, Польша от отдельных налетов и провокаций перешла к систематическому военному наступлению на советские республики. В марте 1919 года поляки оккупировали Гродненскую губернию и стали угрожать столице Белорусско-Литовской советской республики — городу Вильно. Взяв 17 апреля важный железнодорожный узел Лида, они после четырехдневных неудачных боев, переодев свои передовые части в красноармейскую форму, обманым путем 21 апреля захватили Вильно и продвинулись к Барановичам и Минску. В упорных боях пядь за пядью отставала Красная Армия исконные земли белорусского народа. Но превесходившему своей техникой противнику удалось 8 августа овладеть Минском, прорваться дальше на восток, пока он не был задержан только на линии реки Березины.

Погромно-карательная деятельность польского правительства в оккупированных областях, режим лютого преследования местного населения, система колониального порабощения и земельной экспроприации побуждали народы Белоруссии, Западной Украины, Литвы, а также и бывших германских территорий к непрестанной героической борьбе против захватчиков. В тылу у польских армий поднялось партизанское движение, охватившее и некоторые этнографически польские районы. Освободительная война угнетенных национальностей, насильственно присоединенных к Польше, ожесточенная борьба польского крестьянства за землю, непрекращающиеся выступления рабочих в городах были тем грузом на ногах у панства, с которым оно бросилось в крупнейшую авантюру — в войну с Советской Россией.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 482.

После разгрома Красной Армией первого и второго походов Антанты все надежды интервентов были связаны с Врангелем и Польшей. «У поляков был план: захватить правобережную часть Советской Украины, захватить Советскую Белоруссию, восстановить в этих районах власть польских панов, расширить пределы польского государства «от моря до моря», от Данцига до Одессы, и за помощь, оказываемую им Врангелем, — помочь Врангелю разбить Красную армию и восстановить в Советской России власть помещиков и капиталистов.

Этот план был одобрен государствами Антанты»¹.

Отвергая советские мирные предложения, Польша вдруг 25 марта 1920 года сама предложила начать переговоры. Сообщая об этом IX съезду РКП(б), Ленин предупреждал: «Надо быть в высшей степени осторожным. Наша политика требует больше всего внимательного отношения»². В действительности польское «мирное» предложение было коварным приемом прикрытия готовившегося наступления: заключив 21 апреля секретное соглашение с петлюровцами, 24 апреля Польша возобновила войну и уже 6 мая захватила Киев. Путь панов по украинской земле был отмечен преступленным террором и кровавыми зверствами.

На помощь подвергшейся нападению Советской Украине шла вся Советская Россия. 5 июня конница Буденного прорвала польский фронт и вместе с другими частями Красной Армии, принудив поляков к отступлению, освободила Киев. 4 июля Красная Армия перешла в развернутое наступление по всему польскому фронту.

Страшная угроза полного разгрома нависла над панской Польшей. Сменявшие друг друга правительства лихорадочно искали путей к спасению плохо слаженного из уворованных земель и готового развалиться помещичье-буржуазного государства. Трещина по всем швам, оно 11 июля 1919 года, в день освобождения Милека, получило убийственный приговор: в происшедшем в части Восточной Пруссии плебисците, несмотря на все запугивания, за присоединение к Польше высказалось только 3,2% участвовавших в голосовании. Это являлось красноречивым доказательством того, насколько ненавидели Польшу загоняемые в нее народы.

В поисках средства сохранить власть все еще заседавший учредительный сейм не только взывал о помощи к Антанте, но поспешил 15 июля принять «Исполнитель-

ные правила» к земельной реформе: земли сверх норм, установленных законом от 11 июля 1919 года и не являвшиеся частью специализированных или высокоусовершенствованных хозяйств, были объявлены подлежащими отчуждению за вознаграждение и образовали фонд, поступающий в продажу участками не выше 15 гектарев... Конечно, ни этот расплывчатый акт, забытый по минованию опасности, ни красноречивые обращения к народу не могли остановить движения вперед Красной Армии.

В самой Польше то тут, то там происходили народные выступления, возникали революционные комитеты. Красная Армия приближалась к Львову и к Варшаве. Все предвещало близкий конец Польши.

Но Польша была важнейшим звеном в версальской цепи, которой Антанта пыталась опутать весь мир, и потому на помощь Польше поспешили все империалистические правительства. «Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир»³. Уже 12 июля Англия на заведомо неприемлемых условиях предложила мирное посредничество между Советской Россией и Польшей. 20 июля Миллеран заявил во французской палате депутатов, что «союзники поддержат Польшу всеми средствами и изю всех своих сил». В тот же день Англия предъявила ультиматум, требуя немедленного прекращения наступления Красной Армии на польском фронте. Ллойд-Джордж, глава английского кабинета, прямо угрожал возобновлением английской интервенции и походом английского флота на Ленинград. По приказу из Парижа развернул максимальную активность Врангель. Не ограничиваясь дипломатическим вмешательством, державы Антанты оказывали Польше помощь боеприпасами, оружием, займами и людьми. По самым скромным данным, в период советско-польской войны в Польшу было доставлено свыше полумиллиарда патронов, 2800 пудметов, 1500 орудий, десятки броневиков, танков, самолетов... Специальная французская военная миссия во главе с генералом Вейганом, сопровождаемым сотнями офицеров и инструкторов, прибыла в Варшаву и фактически взяла на себя руководство военными операциями.

Но наиболее действенную помощь польские паны получили со стороны матерого бандита и врага народа Троцкого, который вместе со своими приспешниками сорвал победные операции Красной Армии по освобождению белорусского, украинского, польского и других народов от панского и ан-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 230.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 100.

³ Там же, стр. 402.

тантовского гнета. Вскоре после предательски организованного отката Красной Армии «Польша, не имея сил продолжать войну и с тревогой ожидая контрудара красных, оказалась вынужденной отказаться от своих претензий насчет захвата правобережной Украины и Белоруссии и предпочла заключить мир с Россией. 20 октября 1920 года был заключен с Польшей в Риге мирный договор, по которому Польша сохранила за собой Галицию и часть Белоруссии»¹.

8

Затеянная поляками авантюра кончилась позорным крахом. Истощив свои незначительные силы и исчерпав более чем скромные ресурсы, польские паны, однако, не потеряли аппетит к грабежу и насилию. Не скрывая своей ненависти к Стране советов, они дали приют бело-гвардейскому отребью и уже в конце 1921 года выбросили на советскую территорию банту Тютюника. Этот незадачливый последний польских панов, как и многие другие баншты и диверсанты, получил урок, не уступающий уроку, данному в 1920 году.

Вынужденная относиться с уважением к советским границам, Польша, затеяв захватнические планы по отношению к Советской Украине и Советской Белоруссии, обратилась против других своих соседей.

Польша заключила в Сувалках 7 октября 1920 года с сформировавшимся Литовским государством соглашение, признающее Виленщину частью Литвы. Но соглашение должно было послужить лишь прикрытием к коварному плану угнетения молодого государства, разработанному польской и французской военщиной. Буквально не успели еще высохнуть чернила на этом международном акте, как 9 октября якобы вышедший из повиновения польский генерал Желиговский «самочинно» захватил Вильно и попытка было превратить в панскую колонию всю Литву. Вопиющее преступление, решительно осужденное СССР, естественно получило одобрение Антанты, и вскоре Вильно был официально включен в состав Польши.

После этого в центре забот польских и французских империалистов, формально связавших себя подписанным 19 февраля 1921 года в Париже военным договором, встал вопрос о Верхней Силезии. Несмотря на приветствие французской оккупационной армии, несмотря на чинимые поляка-

ми подкупы, насилия и бесчинства, призванное к выражению своих чувств население Верхней Силезии высказалось против Польши: из 1190 тысяч человек, принимавших участие в референдуме, 707 тысяч высказалось за сохранение единства с Германией. Еще более разительным был результат голосования в больших городах. Так, в Катовицах за единение с Польшей голосовало 3900 человек, против — 22 774, в Кенигсхютте — 10 894, против — 31 864 и т. д. Согласно букве версальского решения, этого было достаточно, чтобы считать Верхнюю Силезию сохраненной за Германией. Но интересы французской металлургии, интересы французского империализма, ненасытность польского панства требовали того, чтобы вопреки всему Германия получила новый чувствительный удар, а Польше достался бы богатейший металлургический район Европы. Немало не стесняясь, французское правительство заявило, что итоги референдума не являются решением вопроса, а могут лишь послужить материалом к нему. Пытаясь вооруженной рукой добиться благоприятного для себя исхода дела, ступая угрозой новой войны, Польша подняла в Верхней Силезии мятеж и навредила ее бандами. Тогда на сцену выступила Лига наций, руководствовавшаяся единственным желанием лишить Германию условий восстановления, в Верхняя Силезия произвольно, вне всякого учета результатов голосования, была разделена. Катовицы, Кенигсхютте, все основные промышленные центры отдалась Польше. Ей досталось 56 цинковых рудников из 60, 49½ антрацитовых из 61, 37 плавильных печей¹ производительностью в 400 тысяч тонн и т. п.

Этим чудовищным преступлением в основном завершилось выкраивание нагами кусков из территорий сопредельных народов. Пограничная линия, устанавливавшаяся с преобладающим учетом стратегических, экономических, колонизаторских интересов Польши, должна была служить исходной точкой новых захватов, новых войн и налетов, тогда когда этого требуют антантовские хозяева Польши и позволят ее собственное положение.

В результате четырехлетней непрерывной агрессии польские паны и их антантовские вдохновители кровью и железом, огнем и мечом исколотили большое государство в 388 тысяч квадратных километров, где буквально каждый вершок обильно полит кровью и слезами народных масс. Как в арестный дом, как в корабль невольников оказались отторгнутыми от своих народов и социальными под панское ярмо миллионы людей — 8 миллионов украин-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 231.

цев. 3 миллиона белоруссов, 3 миллиона евреев, 1,5 миллиона немцев... Беспредельно ужасательна, тяжела, несправедлива стала их жизнь, полная горячего протеста и суровой ненависти к поработителям и тиранам.

9

Поражение в польско-советской войне, непрерывные внешнеполитические авантюры, истощение всех материальных и людских ресурсов, угроза государственного банкротства, национально-освободительные движения внутри, новая полоса рабочих и крестьянских выступлений создали в Польше исключительно напряженную обстановку. «В результате получилось то, что Польша, сохраняя буржуазный порядок, вызвала крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который направляет не только против промышленных рабочих, но и против батраков»¹.

Учредительный сейм, раздираемый борьбой соперничающих панских кланов, пытаясь справиться с обстановкой 17 марта 1921 года, принял конституцию. Конституция, предназначенная служить укреплению панской власти, вырабатываемая в обстановке демократических движений, острой классовой и национально-освободительной борьбы при все еще относительно слабых позициях господствующего класса, поневоле должна была иметь достаточно демократический облик, и в ней не говорилось еще, что президент ответственен только «перед богом и историей», как то декларировано было во второй и последней польской конституции.

Но в этом государстве социального и национального гнета, панского произвола и неограниченного насилия, в той тюрьме народов, какой являлась Польша, конституция послужила лишь политической отду-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 483.

шкой, временно способствовавшей ППС, пилеудчикам, национал-демократам и их англо-французским руководителям сохранить в своих руках звериное господство над тридцатью с лишним миллионами населения.

Обремененная всеми внешними признаками государства, имея границы, конституцию и правительство, Польша оказалась доскутным, искусственным соединением насильственно удерживаемых территорий и народов. Из того клубка национальных и социальных противоречий, в кровавом проявлении которых и состояла суть Польши, не могло возникнуть органически слитое, жизнеспособное государство, могущее выдержать бури и испытания. Характеризуя польское государство, товарищ Сталин в 1926 г. говорил: «Польша представляет в настоящее время ряд коренных противоречий, которые, развиваясь далее, неминуемо должны создать в Польше непосредственную революционную ситуацию.

Эти противоречия проходят по трем основным линиям: по линии рабочего вопроса, по линии крестьянского вопроса, по линии национального вопроса. Все эти противоречия могут незамедлительно вскрыться и вызвать взрыв, если Польша пойдет на авантюру войны, если она не сумеет установить добрососедские отношения с окружающими ее государствами»².

Раздираемая внутренними противоречиями, управляемая невежественными и запоздавшими продажными, уголовного типа авантюристами, панская Польша с момента выхода на историческую сцену под сенью Версаля своей разбойничье-империалистической внешней и внутренней политикой обрекла себя на неизбежный распад и позорное поражение.

² И. Сталин. Доклад на собрании рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе. Ц/О «Правда» № 136 (3365) от 16 июня 1926 года.

Я. Головчинер

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1768 ГОДА НА УКРАИНЕ

Украинский народ на протяжении всей своей истории всегда тяготел к русскому народу.

Их связывали общие экономические интересы. Они имели общие культурные связи.

Мы говорим именно о связях между народами, а не их господствующими классами, ибо в конечном счете народы вершат исторические дела. Украина в XVII веке нуждалась в защите со стороны сильного государства; перед Украиной до ее окончательного присоединения к России стояла альтернатива: либо быть поглощенной польской Польшей или султанской Турцией, либо перейти под власть России. Для Украины последняя перспектива была наименьшим злом.

Энгельс отмечает, что русское государство оказывало прогрессивное влияние на народы, расположенные у Черного и Каспийского морей, на народы Востока. Русское государство, пишет Энгельс, «...было цивилизующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии...»¹.

Общность интересов русского и украинского народов ярко проявилась в их совместной борьбе против иноземных захватчиков. В истории народов СССР имеется немало славных страниц совместной борь-

бы русского и украинского народов против интервентов, пытавшихся поработить нашу родину.

В 1709 году, в знаменитой Полтавской битве со шведами, русский и украинский народы нанесли такой сокрушительный удар захватчикам, от которого Швеция перестала быть великой державой.

Во время отечественной войны 1812 года в армии великого полководца Кутузова вместе с русским народом против нашествия Наполеона боролся и украинский народ.

Героическая совместная борьба в годы гражданской войны против интервентов и белогвардейцев еще больше укрепила великую дружбу русского и украинского народов.

Общность интересов русского и украинского народов выражалась не только в совместной борьбе с внешними врагами, но и в общей борьбе против своих внутренних врагов — русских и украинских помещиков и капиталистов.

Известно, например, что в крестьянской войне 1648 года на Украине участвовали русские крестьяне и казаки.

Известно, что во время восстания Степана Разина вспыхнуло движение крестьян Слободской Украины, что сюда спешил брат Степана — Фрол Разин — с казацкой гольтьбой, чтобы поднять на борьбу крестьянство Украины.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 52. Соцэкгиз.

Из документов знаменитой «Коденской книги»¹ и официальных донесений мы узнаем, что в крестьянском восстании 1768 года на Украине принимали участие русские солдаты, которых жестоко карали русские суды².

Русские и украинские крестьяне совместно с другими угнетенными народами Российской империи потрясли крепостническую систему во время восстания Пугачева.

Русские и украинские рабочие и крестьяне вместе с трудящимися других национальностей свергли русский царизм в феврале 1917 года. Наконец, русский и украинский народы вместе со всеми народами России нанесли сокрушительный удар российским помещикам и буржуазии в октябре 1917 года. Совместная борьба русского и украинского народов против внешних и внутренних врагов велась на протяжении всей истории. Эта общность интересов двух народов ярко проявилась в крестьянском восстании 1768 года на Украине, направленном против жестокого гнета польских панов.

1

В 1768 году вспыхнуло одно из крупнейших крестьянских восстаний на Украине, которое многие историки называют «колневщиной»³. Во время восстания 1768 года Украина была разделена между двумя феодальными государствами. По Андрусовскому миру 1667 года, Правобережная Украина, кроме Киева и его окрестностей, отошла к шляхетской Польше, а Левобережная часть Украины вошла в состав царской России.

Правобережная Украина, которую захватила польская шляхта, была опустоше-

¹ «Коденская книга» — сборник документов польских судов за 1769 — 1775 годы. «Коденской книгой» она названа потому, что большинство судов над участниками восстаний происходило в местечке Кодня.

В 1931 году она была опубликована археографической комиссией Украинской академии наук.

² Например письмо гр. Румянцева к Панину. «Киевская старина». Т. VII, стр. 778. 1883.

³ «Колневщиной» это восстание называют потому, что большинство повстанцев было вооружено деревянными пиками с просмоленными остриями.

В принципе же, нам кажется, следует отказаться от такого названия восстания, как несоответствующего содержанию восстания. Более научным будет назвать это значительное историческое событие «крестьянским восстанием 1768 года на Украине».

на непрерывными войнами, происходившими на протяжении XVII и XVIII столетий на территории Правобережья между Россией, Польшей и Турцией.

Эти изнурительные войны вынуждали население бросать свое разрушенное хозяйство и покидать села и деревни.

Для организации на Правобережной Украине своего помещичьего хозяйства польским панам нужны были рабочие руки, а их не было. Тогда панья начали оглашать так называемые «слободы». Крестьянам предлагалась земля на сравнительно выгодных условиях: повинности должны были составлять несколько дней работы в год. Эти «слободы» помещики давали сроком на 15—30 лет.

Волна колонизации охватила почти все Правобережье. Образовались фольварки, помещичьи хозяйства, которыми владели польские магнаты. Так, старостом Черкасским владел род Сангушко, Чигиринским и Корсунским — род Яблоновских, Каневским — Потоцкие и т. д.

Но помещики не могли мириться с продолжительным существованием этих «слобод». Тогда они стали прибегать к их досрочной ликвидации, а там, где не могли их сразу уничтожить, увеличивали повинности. Особенно усилилось наступление польских помещиков на крестьянство в 60-х годах XVIII столетия, когда начал истекать срок «слобод».

В 60-х годах помещичье хозяйство переживало сильный кризис, связанный с развитием товарно-денежных отношений на Украине. 60-е годы были временем упадка польского помещичьего хозяйства, когда рынки хлебного экспорта переносились с Северного на Черное море. Если в середине XVII столетия через польский порт Гданск вывозили 100 тысяч лаштов⁴ хлеба в год, то на протяжении 1764—1772 годов включительно вывоз хлеба через этот же порт равнялся в среднем 17 203 лаштам хлеба ежегодно⁵. Как видно, на протяжении одного столетия вывоз хлеба уменьшился более чем наполовину. А это не могло не отразиться на положении польских помещиков.

Помещики старались всю тяжесть кризиса переложить на крестьянство.

Если в начале XVIII столетия на Волыни барщина равнялась трем дням в неделю, то уже в конце XVIII столетия барщина доходила до четырех и даже пяти дней. В Киевском полесье, которое было основной ареной восстания, в конце XVIII

⁴ Лашт равен 61 пуду.

⁵ Korz on «Wewnetrzne drleje Polski, za Stanislaw». ».

столетия барщина доходила до трех дней в неделю. Кроме обязательной работы — барщины — польские паны выжимали из крестьян Великую денежную и натуральную дань. Денежная дань имела два названия: чинш (от 1 до 8 злотых) и водорожничина (также от 1 до 8 злотых). Натуральная дань называлась «осен» (дань зерновым хлебом от 1 до 4 осьми ржи).

На Киевщине с каждым годом уменьшалось количество вольных крестьян, но зато увеличивалось число крепостных крестьян и шляхты. Из люстрации 1765 и 1789 годов по Киевскому повету видно, как быстро шел процесс закрепощения крестьянства:

Годы	Подданы	Слободяне	Казяки	Вольные	Шляхта
1765	16 327	1 055	1 262	617	—
1789	14 116	91	159	7	289

Во-первых: уменьшилось общее количество населения — было 19 261 человек, осталось 14 373.

Во-вторых: в люстрации 1789 года мы находим мизерное количество слободянских казаков, вольных крестьян, но зато закрепощенное население составляет уже 97,1%.

Польские паны заставляли крестьян платить разные подати. Если в 1765 году количество населения, освобожденного от податей, равнялось 14%, то в 1789 году оно уменьшилось до 2%. Причем с каждым годом размер податей и повинностей увеличивался.

В 1765 году подати и повинности населения составляли 30,6% всего дохода помещиков, а в 1789 году этот процент вырос до 42,2. Все это свидетельствует о крайне тяжелом экономическом положении крестьянства Правобережной Украины в половине XVIII столетия.

2

Крестьяне Украины никаких политических прав не имели. Основным законом, который оформлял существовавшие социальные отношения, был Литовский статут, изданный еще в XVI столетии. Вместе с ним действовали магдебургское право, саксонский порядок и указы царского правительства. Эти все статуты и законы защищали интересы польских, русских и украинских помещиков и были направлены против трудящегося, бесправного крестьянства.

По Литовскому статуту, шляхтича и крестьянина разделяла целая пропасть. Физическая работа считалась для шляхтича чем-то низким, он не имел права

ею заниматься. Рождение шляхтича с людьми «низшей породы» втянуло шляхтича вдова шляхтича, вышедшая замуж за простого человека, терять все свое имение, имение мужа, свою «отчину и материную». Земля, которую покупал простой крестьянин, не считалась его собственностью, эту землю в любой момент мог забрать у него старый владелец-шляхтич. Если «хлеб» ранил шляхтича, его карали смертью, а если люди «простого стану» убивали шляхтича, то, по закону, «три головы простых полагаются за одну шляхетскую». Суд, закон — все было на стороне помещиков.

Деяния польских панов вызывали протест крестьянства Украины. Польские шляхтичи всечески издевались над украинским народом, всечески оскорбляли его. Отряды польских панов для утех отправлялись в казацкие стоянки и крестьянские хутора, вытаптывали хлеба, угоняли скот, избивали и угоняли в плен украинских казаков и крестьян. Они возвращались в замки «победителям» и под рукоприкладания своих дам вводили пленников, показывали их как трофеи и после всего отправляли на виселицу или на кол.

На протяжении всего XVIII столетия польские паны жестоко расправлялись с украинским народом, устраивая массовые казни. В конце 20-х годов XVIII столетия польские паны захватили в Брацлаве всех запорожских казаков, захвативших для торга рыбою, и перевешали их.

В 1773 году казацкий отряд количеством в 102 человека, зашедший в г. Умань для покупки хлеба, был приглашен в гости к уманскому коменданту Аптону Табану. Здесь казаков предательски захватили и публично казнили на рынке. По приблизительным подсчетам, с 1733 по 1750 год произошло 202 случая массовых предательских убийств казаков. Все это не могло не вызывать ненависти украинского народа к озверелым шляхтичам.

Борьба украинского крестьянства против гнета польских панов часто носила религиозную окраску. Польские паны насильно вводили католичество. Крестьяне, неповедавшие православную веру, жестоко преследовались. Так, официал униатского митрополита Григорий Макрицкий, явившись с вооруженным конвоем в г. Черкассы, приказал собрать всех жителей города и предлагая им присоединиться к уни. Жители Черкасс отказались, и тогда явились стражники, жолнеры во главе с губернатором и началось избивание народа: некоторым выкручивали руки, всечески издевались, а трех убили¹.

¹ АЮЗР. Т. II. № XLIII. Ч. 1-я, стр. 130.

Католическая религия была религией польской шляхты, которая угнетала украинское крестьянство, и поэтому крестьяне, выступая в основном против польских панов, видели своего врага и в католической церкви.

Повстанческое движение крестьянства на Правобережье проходило под лозунгом защиты православной веры от римской католической церкви, но под этой религиозной оболочкой скрывается прежде всего классовая борьба.

Энгельс, характеризуя религиозные войны XVI столетия, писал: «Если эта классовая борьба несла тогда религиозный оттенок, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»¹.

Под религиозным лозунгом защиты православной веры скрывался классовый лозунг: «Бей насильника-ляха».

Выступая в основном против польской шляхты, крестьяне также боролись против своих угнетателей-единоверцев: украинских старшин, русских помещиков — вообще богатых туземцев.

Из рассказа очевидца мы узнаем, что отряд повстанцев, ворвавшись в г. Черкассы, предложил местному ростовщику Дриге отдать награбленные им у бедного населения деньги.

Другой богатей, Гарасько Сутуло, убежал на Левобережье, боясь мести повстанцев².

В 60-х годах XVIII столетия Екатерина II сделала значительный шаг в подчинении Польши Российской империи. В 1764 году польским королем был «избран» ставленник русского самодержавия Станислав Понятовский. Действуя через него, Россия все активнее вмешивалась во внутренние дела польского государства. Часть польской шляхты решительно выступила против такого «сближения» с царской Россией и образовала в местечке Бар (Подолия) конфедерацию против Станислава Понятовского³. Во главе конфедерации стали шляхтичи Красицкий и Гулавский. Это было в феврале 1768 года, а через полтора месяца это движение, кроме Бара, охватило Браил, Хмельники, Каменец-Подольск, Уланов. В движении уже участвовало около 2 тысяч поляков. Конфедераты провозгласили лозунг борь-

**Максим Железняк.
Государственный Исторический музей.**

бы за независимость Польши, за католическую веру, против православной. Это был своеобразный крестовый поход. Конфедераты начали грабить крестьян, громить православные монастыри, издеваться над простым людом. Крестьяне часто обращались за помощью к повстанческим отрядам, чтобы они защитили их от разбоя конфедератов. Жители м. Медведовка в удостоверении, выданном вождю повстанческого отряда Пеживому, писали: «...Только сей атаман Семен Пеживой стал за веру христианскую и конфедератов отогнал»⁴. Эти бесчинства и грабежи польских конфедератов также способствовали росту возмущения крестьян Правобережной Украины против польских угнетателей.

Таким образом, жестокий гнет над бесправным украинским крестьянством польских панов, социальное неравенство, доходившее до того, что шляхтичи считали крестьян людьми «низшей» породы; поругание православной веры, которой держалось население; массовые убийства украинских крестьян, разрушение их жилищ и семейных очагов — все это переполнило чашу терпения украинского народа и вызвало вооруженную борьбу против ненавистных врагов — польских панов.

¹ Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 32, 1931.

² «Киевская старина» за ноябрь 1888 года, стр. 309.

³ Союз части польской шляхты против польского короля Станислава Понятовского и русского самодержавия (образован в феврале 1768 года).

⁴ «Киевская старина» за август, стр. 314.

На протяжении XVIII столетия на Украине неоднократно возникали крестьянские восстания. Наиболее крупные из них произошли в 1734, 1750 и в 1768 годах.

Самым крупным и самым грозным для господствующих классов было крестьянское восстание 1768 года.

В разных районах Правобережной Украины возникали крестьянские отряды, которые вели вооруженную борьбу против помещиков и богатеев.

В районах Чигирина, Смелы, Черкассы, Борзуля, Богуслава, Лысянки, Умани действовал крупнейший повстанческий отряд во главе с Максимом Железняком. Максим Железняк родился в местечке Медведовке. На допросе он свидетельствовал: «Зовут меня Железняк, веры я греческого исповедания, из мужиков, жительство прежде имел я польской области Чигиринской губернии в местечке Медведовке, а потом по смерти отца своего пошел в Запорожцы тому уже пятнадцати лет»¹.

Будучи энергичным и решительным человеком, Железняк за короткое время сумел создать опломный повстанческий отряд. Отряд Железняка образовался на территории Мотронинского монастыря², из которого он выступил в конце апреля 1768 года.

На всем пути продвижения повстанцев к ним присоединялись все новые и новые массы крестьян.

Один польский мемуарист писал: «К ним (повстанцам. — Я. Г.) немедленно примкнули в большом количестве козаки и хлопцы из окрестностей: Чигирина, Черкассы, Смелы, Лысянки и Белой Церкви»³.

Во время пребывания в Смеле повстанческий отряд Железняка насчитывал около 300 человек, а уже в Богуславе, по показаниям повстанца, в отряде состояло до полутора сотен запорожцев и до трех тысяч «польских мест казаков»⁴, т. е. местных крестьян.

Из Смелы отряд Железняка выступил к Лысянке. В Лысянке находилось имение князя Яблоновского. В центре имения стоял каменный замок, окруженный дубовым высоким палисадом с укрепленными деревянными воротами. В замке было сосредоточено большое количество пехотных казаков и солидный запас амуниции.

Бой был чрезвычайно жестоким: осажденные буквально засыпали повстанцев ядрами, но через несколько часов борьбы осаждающим удалось при помощи местных крестьян прорваться в город и захватить замок.

Из Лысянки отряд Железняка пошел завоевывать город Умань — один из крупнейших торговых городов Украины, расположенный на границе трех больших государств: России, Польши и Турции. В 70-х годах XVIII столетия Умань, с военной точки зрения, представлял собой большой укрепленный город. Он находился на возвышенности, окруженном валом, острогом и рвом. В центре стоял замок с двумя башнями. В замке был расположен гарнизон, состоявший из конного полка надворных казаков в количестве 2 тысяч человек, сотни пехотных казаков и 60 человек польских шляхтичей, которые служили личной охраной ясновельможного пана. Хозяином Умани был граф Франц Потоцкий, а управлял городом губернатор Младанович, поставленный графом Потоцким.

Во главе казачьего полка стоял полковник Обух. Полк разделялся на сотни, во главе каждой сотни стоял сотник. Одним из старших казачьих сотников был Иван Гонта.

Иван Гонта родился в с. Россешки (возле Умани) в семье крестьянина. Он был известен своей храбростью в боях, знал польскую грамоту и поэтому рано получил чин старшего сотника. От графа Потоцкого Гонта получил в пожизненное владение с. Осадовку и право собирать доходы с с. Россешек.

Вести об успехах отряда Железняка молниеносно распространялись по всей Украине, сотни и тысячи шляхтичей стекались под защиту Уманской крепости, уходя от расправы восставших. За три дня в город понаехало столько народу, что не хватило места вновь прибывавшим. Они вынуждены были расположиться лагерем под Грековым лесом (возле Умани).

Губернатор Младанович отправил против повстанческого отряда Железняка казачий полк во главе с полковником Обухом и с ним сотника Гонту. По дороге казаки во главе с Гонтой перешли на сторону восставших, прогнали полковника Обуха и объединились с отрядом Железняка.

Четыре дня не было никаких известий от казачьего полка, а между тем лагерь беглецов под Грековым лесом все возрастал, в городе нарастала тревога. Вот как этот момент описывает очевидец Вероника Кребс: «Положение наше начинало делаться тяжелым. Но вот почти в тот момент, когда отец мой уже хотел послать гонца к Обуху, дали знать, что к городу приближается какое-то войско. Шафран-

¹ Гайдамацкая справа № 231, лист 13.

² Мотронинский монастырь находился в Лебединском лесу, возле Чигирина.

³ «Киевская старина» за март 1882 года, стр. 522.

⁴ Справа № 231, лист 2.

ский побежал на свою башню и, глядя в подзорную трубу, закричал радостно:

— Это идет лан Гонта с полком.

В городе поднялась суматоха. Несколько минут спустя Шафранский снова закричал:

— Идет другая, гораздо большая толпа в разнообразных одеждах.

Через несколько времени, все глядя в трубу, он с торжесом воскликнул:

— Я вижу, как Гонта приятельски здоровается с начальником этой толпы, это начальник «Железняк»¹.

Действительно, отряд Железняка объединился с казацким полком Гонты и, составив отряд до двух тысяч человек, подошел к Умань. В городе началась паника. Небольшой гарнизон города, состоявший из 50 крестьян и около 50 казаков, перешел на сторону повстанцев. Арестованные и прислуга, используя панику, перебили часть охраны и также присоединились к повстанцам. В это время повстанцы окружили Греков здесь и уничтожили почти всех находившихся в нем людей.

7 июня 1768 года (по старому стилю) повстанцы захватили город Умань. Началась расправа с польской шляхтой.

Народный гнев бушевал два дня: с 7 по 9 июня, — а потом повстанцы вышли из города и расположились лагерем в поле Карповка (южнее Умани), где они простояли около двух недель. Захват Умани был наивысшей точкой развития крестьянского восстания 1768 года. Польская шляхта была не в силах справиться с крестьянским восстанием, и тогда на помощь ей пришла русская самодержавие.

В это время на Правобережной Украине находилось русское войско во главе с генералом Кречетниковым, которое, по просьбе польского короля, заканчивало борьбу с конфедератами. По инструкции русского правительства, генерал Кречетников выслал к Умань два отряда: карабинерный полк во главе с полковником Гурьевым и Тверской карабинерный полк, в котором особенную роль в расправе с повстанцами сыграл поручик Кологривов².

Полковник Гурьев во главе крупного отряда войск неожиданно напал на повстанцев и после жестокой борьбы разгромил их. В плен было захвачено около 800 повстанцев и среди них Железняк и Гонта.

Отряд Железняка и Гонты был самым крупным повстанческим отрядом, но кроме того в разных районах Правобережной

¹ В. Кребс «Уманская резня», стр. 20—21. 1879.

² «Киевская старина» за декабрь 1882 года, стр. 566—567.

Иван Гонта.

Государственный Исторический музей.

Украины действовали другие крестьянские отряды.

4

В районах Чигириня, Черкасс, Смелы, Канева боролся отряд повстанцев во главе с Неживым.

Семен Неживой до восстания работал по найму гончаром в с. Мельникове (недалеко от Мешен). Повстанческий отряд Неживого начал свою деятельность в конце мая 1768 года. Самый крупный, известный нам эпизод борьбы повстанческого отряда — нападение на город Канев.

9 июня 1768 года около 30 повстанцев неожиданно въехали в город. Один из них направился к губернатору Новицкому и предъявил ему ложный указ за подписью Екатерины II. Пока губернатор разбирался в указе, повстанцы бросились на замок, подожгли его и начали расправу с шляхтой. Причем в этой расправе активно участвовали местные крестьяне.

Характерно, что отряд Неживого явился в город Канев по просьбе жителей города для защиты их от издевательств польских шляхтичей.

Из деятельности повстанческого отряда Неживого совершенно ясно, что крестьяне находились в плену царистских иллюзий: они думали, что русская императрица Екатерина II симпатизирует им, помогает бороться против польских панов. Сам Неживой старался поддерживать добрососедские отношения с офицерами русского войска. В письме к командиру русского

гусарского полка Федору Чорбе он сообщил, что находится в Медведовке, и просил указать, что ему делать:

«Генерича содержится в Медведовце со всею своею командою и ожидаю от вашего высокородия милостивой резолюции: что мне вирель поступать»¹.

В письмах к офицерам русского войска Неживой проявляет вежливость и почтение к царской власти. За доверчивость к господствующим классам России Неживому скоро пришлось жестоко поплатиться. Когда Неживой поехал по «приглашению» русского полковника Чорбы для переговоров, то здесь же в «гостях» был арестован и предан суду.

Неживой и другие вожди восстания украинского народа чувствовали свою близость к русскому народу, в русском народе искали они поддержку и помощь и их находили. Но русская царина и помещики, боясь крестьянского гнева, отложили в сторону все противоречия между русскими и польскими помещиками и выступили вместе с польскими панамы, чтобы удушить крестьянское восстание.

5

В районах Василькова, Фастова, Белой Церкви действовал повстанческий отряд Швачки и Журбы. После захвата города Фастова повстанцами Швачка устроил здесь свою резиденцию. Окрестные крестьяне ловили притаившихся шляхтичей и приводили их к Швачке. Повстанческий отряд быстро увеличивался, при нападении на Белую Церковь он уже насчитывал около тысячи человек. Вначале во главе отряда стоял Швачка, но после неудачного штурма Белоцерковской крепости он разделил отряд на две части. Одна часть во главе со Швачкой отправилась к городу Богуславу, а другая часть во главе с Журбой оставалась в с. Блещинцы.

Против обоих отрядов граф Румянцев выслал полк солдат. Возле с. Блещинцы происходила бой между отрядом Журбы и царским войском, в результате которого повстанцы были разбиты: около 30 человек было убито, 64 человека оказались в плену, а остальные разбежались. Это было 7 июля 1768 года, а через день возле г. Богуслава начался бой между царским полком и повстанческим отрядом Швачки. Вот что нам рассказывает народная песнь о разгроме отряда Швачки:

«Ой на козаченкив, ой на Запорозцив,
та пригдонька стала.

Ой у сєреду та й у обидний час их

Москва забрала,
Крикнув Швачка та на осаулу:

«Из кеней добулу!

Ох и не даймося, панове молодци, ми
Москалям у неволю!»

Москальки умни, Москали разумни,

Розуму добрали;

Ой наперєд Швачку из есаулоу до-купи
звязали.

Ой пзвязали и попарували и на вози
поклали,

Из Богуславья до Билои Церкви их у
неволю забрали»².

Преговор суда над Швачкой был таков: бить кнутом, дать сто пятьдесят ударов, вырезать ноздри, поставить на лоб и щеки указные знаки и отправить на вечную каторгу в Перчинск.

Третьим по величине был повстанческий отряд Бондаренко, действовавший в районах Радомысля, Брусилова, Макарова. Вождь крестьянского отряда Иван Бондаренко родился в с. Грузьки. Свои юные годы он провел на кухне помещичьего двора, исполняя непосильную и изнурительную работу. Однако он скоро убежал от своего помещика и возглавил крестьянский отряд. Интересно сказание о пребывании отряда Бондаренко в его родном селе Грузьки. Приехав в село, Бондаренко занял дом приходского священника.

— Где же, отче, помещики? — спросил он у священника.

— Их дома нет, пане атамане.

— Жаль, мне следовало их поблагодарить за службу».

Через некоторое время Бондаренко приказал привести к себе панского ключника.

«Здоров був, старый!

— Здоров, пане атамане! — отвечал шанар, дрожа как осиновый лист».

Через некоторое время Бондаренко приказал ему выдать повстанцам помещичьи деньги: «...ты заслуженными поделись со мною по правде: — ведь служили мы оба и моя работа была тяжелей твоей».

В это время на двор священника собралась крестьяне, и Бондаренко вышел к ним:

«Здоровы, молодцы, мои старые знакомые!

Люди сняли шапки и поклонились:

— Здоров, пане атамане!

— Откуда вы знаете, что я атаман? А где ваш пан?

— Пана нет, — потому мы и знаем, что ты атаман.

— Значит, если б паны исчезли, то все были бы козаками и атаманами. Почему вас так мало?

¹ «Киевская старина» за август 1892 года, стр. 307.

² П. Кулиш «Записки о Южной Руси». Т. I, стр. 135—136. 1856.

— Теперь живо; люди в поле убирают жито.

— Дело похвальное! Пусть бог вам поможет! Собирайте хлеб и свой и панский... хотя паны и не возвратятся, — хлеб нужен будет»¹.

Это замечательное сказание записал современник этих событий, крестьянин с. Грузьки — Ивал Лобан. В обращении Бондаренко к крестьянам собирать хлеб и свой и панский, в его убедительных словах, что паны больше не вернутся, звучит искренняя несправедливость к панам, готовность бороться с ними до конца. Однако деятельность отряда Бондаренко скоро была прервана царским войском.

Во время пребывания повстанцев в Макарове их окружили казаки во главе с полковником Щербиной. В этом бою отряд был разбит, а сам Бондаренко с группой повстанцев попал в плен. По приговору суда в Чернобыле, Бондаренко был осужден на смертную казнь.

Кроме этих трех крупных повстанческих отрядов на Правобережной Украине возникали и вели борьбу более мелкие крестьянские отряды, которые навели на меньший ужас на господствующие классы.

В западной и восточной частях Уманщины действовал отряд Паралюша.

В районе Белой Церкви — отряд Бандурки.

В Лысянском районе — отряды Богуна, Джурджи и ряд других.

Мелкие повстанческие отряды держались дольше чем крупные, так как на них польские и русские войска обращали меньше внимания.

Некоторые мелкие отряды действовали даже на протяжении 1769 и 1770 годов. Так, в конце февраля 1769 года в Смелянском ключе образовался отряд во главе с атаманом Губой. Уже в начале марта 1769 года он насчитывал около 700 человек². Этот отряд был разгромлен лишь в апреле после упорного и кровопролитного боя.

К концу 1770 года почти все мелкие крестьянские отряды были разбиты.

Под влиянием крестьянского восстания на Правобережье в 1768 году возникло восстание запорожской бедноты против казачьих старшин. Из развития социальных отношений Запорожской Сечи можно видеть, как росло социальное неравенство: с одной стороны, увеличивалось количество «заможных» казаков, а с другой стороны — количество «сиромых» — бедняков. Например кошевой атаман Калинишевский имел два больших хутора: на Саксагане

и в Каменце — с большим хозяйством. Когда была ликвидирована Запорожская Сечь и на его хозяйство был составлен реестр, оказалось, что оно состояло из 638 лошадей, 18 бугаев, 107 пар волов, 415 коров, 440 голов молодняка, 12 840 овец, 1069 коз, 96 свиней и прочего добра. А полковник Опанас Колпах во время татарского набега 1769 года на Запорожье потерял 1200 овец, 300 голов рогатого скота и 127 лошадей³. Такие «заможные» казаки на Запорожье выросло много. Этот процесс социальной дифференциации обострил классовую борьбу, вызывая частые волнения бедного казачества, а в 1768 году под влиянием повстанческой волны на Правобережной Украине вспыхнуло восстание казачьей бедноты.

Вечером 26 декабря 1768 года на площади возле церкви происходил кулачный бой. Военный есаул, который хотел разогнать участников боя, арестовал пять казаков и посадил их в мушкарню. Это и явилось поводом к восстанию. Беднота подняла тревогу, и скоро на площадь собралось множество казаков. Тем временем на дворе стемнело... Кто-то из казаков вскопчил на бочку и крикнул: «Бей мушкарню!» Казаки бросились на мушкарню, разбили ее и освободили арестованных. Казачьи старшины едва смогли убежать под охрану русского войска, а сам кошевой атаман Калинишевский спасся, выскопчив через отверстие в потолке.

Лишь при помощи царского войска старшины смогли сломить повстанцев, потопив восстание в потоках крови.

6

Разгром повстанческих отрядов на Украине в 1768 году осуществляли войска польского государства и русского самодержавия. Во главе русских войск стояли граф Румянцев, генерал Кречетников и киевский генерал-губернатор Воейков.

Подданные русского самодержавия, в основном запорожские казаки, участники восстания, отправлялись на расправу в Киев, где им чинили специальный допрос.

24 июля 1768 года коллегия иностранных дел прислала в киевскую губернскую канцелярию указ, в котором были даны указания, как поступать с повстанцами.

«1. Тотчас, — читаем мы, — по получении сего указа произвести над упомянутыми запорожцами надлежащий суд, который однако ж весьма скоро окончен быть должен.

2. В суде положив на мере формальный приговор на основании законов, — ибо колдоники, будучи взяты с ружьем в руках

¹ «Киевская старина» за март 1882 года, стр. 532, 533.

² «Киевская старина». Ч. 7-я, стр. 274.

³ Записки истор. филологичн. від. У. А. Н. Кн. XI, стр. 218. 1927.

противу войск ея имп-го в-ства, не могут конечно оправдаться ни в бунтовничьем супротивлении воле и оружию ее величества, ни в разнообразных в Польше произведенных варварствах, когда они на самом деле пойманы и следовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общего покоя, разбойники и убийцы.

3. Когда по сим уважениям, вследствие всех на свете законов определена будет смертная казнь; переменить ее, при самом исполнении, в телесное наказание кнутом, клеймом и вырыванием поздрей, «сылкую в Нерчинск, оковавши на месте в кандалы»¹.

Но расправа русского самодержавия с повстанцами бледнеет перед кровавой вакханалией, устроенной польской шляхтой над разбитым и обесшеченным крестьянством.

Польское войско, находившееся во время восстания на Украине, было не в состоянии самостоятельно справиться с крестьянским движением из-за своей неорганизованности и маломощности. Польское войско выступило лишь тогда в роли «победителя», когда военные силы русского царизма разгромили основные повстанческие отряды. Польский палач Писиф Стемпковский разослал по всей Правобережной Украине десятки карательных отрядов, которые жестоко расправлялись с крестьянами. Военные суды работали круглые сутки. Самую большую бойню Стемпковский устроил в местечке Кюдня.

До нас дошла так называемая «Кюденская книга» — сборник судебных дел польского военного суда. Историк Шульгин подсчитал, что из 336 дел, помещенных в этом сборнике, 218 закончились смертной казнью; 9 человек четвертовали, 151 человеку отрубили головы, 57 человек повесили и одного — посадили на кол.

В Кюдню была прислана специальная команда палачей. Им было приказано по всему местечку вырыть ряд глубоких ям и на край каждой положить большую колоду. Захваченных повстанцев по одному привязывали к колодам, и палачи отсекали им головы, после чего и головы и тела бросали в яму. Когда наполнялась одна яма, ее засыпали и выкапывали другую.

Другой польский мемуарист, Тучапский, сочувствовавший палачам, следующим образом описывает расправу с повстанцами:

«Других гайламак казнили другим образом: рубили им головы, вешали, рубали одну ногу и одну руку, били розгами. Свидетели этих наказаний были Каменец и Львов, где повесили 200 негодяев, Креме-

¹ «Киевская старина» за август 1882 года, стр. 320—321.

нец, Винница, Житомир, Летишев и др. города, где по 5, 7 и 8 разбойников казнили»².

Так польские палачи расправлялись с украинским крестьянством.

7

Крестьянское восстание 1768 года на Украине было направлено против помещиков, помещичьего гнета — против крепостнической системы в целом.

Однако главный и основной удар этого восстания был направлен против польских шляхов, господствовавших на Правобережной Украине и угнетавших украинских крестьян.

Повстанческие отряды в основной своей массе состояли из крестьян. Кроме крестьян крупную роль в этом восстании играла запорожская беднота.

Восстание носило стихийный характер. Отдельные повстанческие отряды возникали в разных районах Украины, боролись и гибли. Восстание проходило стихийно, неорганизованно, без определенного плана.

Программа повстанцев была выражена в ряде стихийных лозунгов. Они требовали уничтожения крепостного права, разгрома польских шляхов и их имений, раздела помещичьего добра.

Характерней особенностью этого восстания была религиозная оболочка, окутывавшая социальные требования восставших. Повстанцы, выставляя социальные требования, выступали под лозунгом защиты православной веры от ляхов-католиков.

Повстанцы и их вожди оказались в плену царистских иллюзий. Они тогда еще не понимали, что царь — первый крепостник, защищающий интересы помещиков.

Крестьянское восстание 1768 года потерпело поражение вследствие своей стихийности, неорганизованности.

Повстанческие отряды были разбиты объединенными силами польских и русских феодалов. Главная причина поражения заключалась в том, что в то время еще не было руководителя и союзника крестьян — рабочего класса, который бы мог возглавить крестьянское движение.

«Крестьянские восстания, — подчеркивает товарищ Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»³.

Восстание 1768 года закончилось поражением, но борьба крестьянских масс против помещиков и всякого гнета не уга-

² «Obrar polacow Polski, w. XVIII». Т XV. Poznan. 1842.

³ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом», стр. 9. 1938.

сала. И в 1917 году крестьяне, все трудящиеся Украины вместе со всеми народами России, во главе с великим русским народом, смели с лица земли помещиков и капиталистов и установили свою рабоче-крестьянскую власть в форме Советов.

Лишь Западная Украина и Западная Белоруссия оказались насильно оторванными от Советской Украины и Белоруссии, подпав под власть польско-шляхетского государства. За 20 лет пребывания под тяжким игом польских панов народы Западной Украины и Белоруссии еще раз почувствовали «прелести» господства польской шляхты. Ни на одну минуту у них не угасала надежда на свое освобождение от шляхетских оков. Памятуя многовековую традицию борьбы украинского и белорусского народов против польского панства, они не прекращали своей классовой и национально-освободительной борьбы. Но польская шляхта отвечала на это беспощадными кровавыми репрессиями.

Самой распространенной мерой «умиротворения» — «нацификации» — являлась у польских правителей посылка карательных отрядов, которые устраивали по деревням массовую порку крестьян, громили украинские организации в городах, разрушали десятки деревень и поселков.

«Речь Песпаляга», официоз польского правительства, призывала в 1925 году «потопить в крови попытки крестьян защищать свои права». «Ответ на восстание, — писал этот разбойничий орган, — виселица, и больше ничего. Необходимо все тамошнее население сверху и донизу подвергнуть такому террору, чтобы у него в жилах застыла кровь».

В 1930 году вспыхнуло восстание украинских крестьян, которые поджигали помещичьи имения и, вооружаясь, вступали в бой против полиции и польских войск.

В том же году в 700 украинских и белорусских деревнях Польши были подвергнуты избиению сотни мужчин, женщины и детей, многие из избитых умерли от побоев. Тысячи украинцев и белоруссов были заключены в тюрьмы, большинство библиотек, клубов и кооперативных лавок было разграблено и разрушено.

Об этом писали в Совет Лиги наций депутаты английской лейбористской партии, которые сейчас клеветают на советский народ за то, что он протянул руку помощи своим единокровным братьям на Западной Украине и в Западной Белоруссии.

В 1932—1933 годах украинские крестьяне вступили в кровавое столкновение с польскими войсками. Целые узлы Краковского, Тернопольского, Львовского, Подольского, Станиславовского воеводств поднялись на борьбу против польских поработителей. Аграрная борьба соединялась с национально-освободительной борьбой. Но польские фашистские палачи беспощадной рукой подавляли освободительное движение, посылали на каторгу, на виселицы новые тысячи трудящихся.

По официальным польским данным, несомненно преуменьшенным, за 1931—1934 годы, сотни лучших представителей рабочего класса и крестьянства были приговорены польскими судами к повешению. 70% из них было казнено на Западной Украине и в Западной Белоруссии.

Силы народов Западной Украины и Западной Белоруссии, находившихся под свирепым гнетом польских панов, были недостаточны, чтобы освободиться от этого кровавого гнета.

Советский народ протянул руку помощи своим единокровным братьям, помог украинцам и белоруссам на территории Польши освободиться из-под власти угнетателей для счастливой творческой жизни в великой семье народов СССР.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

1

В этом году исполняется 15-летие образования Узбекской ССР, одной из цветущих республик великого Советского Союза.

Социальное и национальное освобождение трудящихся Узбекистана, бурный рост его производительных сил, расцвет культуры узбекского народа является результатом победы Великой Октябрьской социалистической революции и торжеством ленинско-сталинской национальной политики.

Трудящиеся Узбекистана, как и трудящиеся всего бывшего Туркестана, а также и всей России, провели под руководством коммунистической партии упорную, напряженную борьбу против своих угнетателей.

История борьбы за социалистическую диктатуру пролетариата, за победу власти Советов в Узбекистане, как и на других окраинах бывшей царской России, имела свои специфические особенности.

В середине XIX века нынешний Узбекистан, являвшийся в то время частью Туркестанского края, был завоеван царским правительством. В 80-х годах XIX века весь Туркестан был превращен в колонию Российской империи. Средняя Азия стала поставщиком такого важного сырья для промышленности, как хлопок.

Народы Средней Азии: узбеки, казахи, туркмены, киргизы, таджики — в течение полувека после русского завоевания жестоко угнетались царским правительством.

Трудящиеся массы Туркестана находились под двойным гнетом — царизма, русской буржуазии и местных феодалов. Такое положение революционизировало массы, толкало их на борьбу со своими угнетателями. «Двойной пресс угнетения не может не революционизировать трудящиеся массы угнетенных национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой угнетения — на борьбу с капиталом. Это обстоятельство послужило той базой, на основе которой пролетариату удалось осуществить соединение «пролетарской революции» не только с «крестьянской войной», но и с «войной национальной»¹. — писал товарищ Сталин.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 182. Изд. 1939 года.

Временное правительство, пришедшее к власти 2 марта 1917 года в результате буржуазно-демократической революции, продолжало политику царского правительства. Положение трудящихся Средней Азии, как и во всей России, оставалось попрежнему бесправным.

В Туркестане вплоть до 30 марта 1917 года сохранился старый аппарат царизма во главе с генерал-губернатором Куропаткиным. Лишь после того как Куропаткин был арестован трудящимися, Временное правительство направило в Туркестан в качестве высшей красной власти Туркестанский комитет из бывших членов Государственной думы, в том числе нескольких буржуазных националистов. Национальный гнет, по существу, остался прежним. Изменилась лишь его форма. «Старая грубая форма национального гнета, — писал товарищ Сталин, — сменилась новой, уточненной, но зато более опасной формой гнета, ... об уничтожении национального гнета и самостоятельности мелких и национальных государств при таких условиях не могло быть и речи»².

Временное правительство распрямилось в Туркестане как в колониях.

После формирования коалиционного Временного правительства последнее назначило новый состав Туркестанского комитета — меньшевистский, который продолжал политику своего предшественника.

Комитет обладал правами дореволюционного генерал-губернаторства и действовал от имени Временного правительства «в пределах трех коренных областей Туркестанского края (Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской), областей Закаспийской и Семиреченской, а также в пределах Хивы и Бухары»³.

Туркестанский комитет Временного правительства в своей политике порабощения трудящихся масс опирался на меньшевиков и эсеров, бывших царских чиновников, белогвардейцев, на контрреволюционные националистические организации «Шуро-Исламия» и «Улама», на духовенство и русскую и национальную буржуазию.

Английские шпионские организации,

² Там же, стр. 70, 71.

³ «Вестник Временного правительства» № 26 за 1917 год.

проникая в Туркестан, налаживали прежде всего связь с «Улемой». «Шуро-Исламия» и «Улема» неоднократно выражали свою преданность Временному правительству.

Лагерю контрреволюции были противопоставлены революционные силы: большевики, которые неустанно вели борьбу в Советах, завоевывая массы, рабочие, солдаты, дехкане, союзы трудящихся мусульман — иттифаки и профсоюзы.

Иттифаки организовались в марте 1917 года сначала в Скобелеве (ныне Фергана), а затем в других городах Узбекистана по инициативе бывших мобилизованных в 1916 году царским правительством в армию (на тыловые работы) рабочих и дехканской бедноты.

Многие из них прошли в России революционную школу на заводах, фабриках и были связаны с большевистской партией и русскими рабочими. Члены иттифака в дни октябрьских боев выступали вместе со всеми трудящимися, а затем защищали завоевания Октябрьской революции, участвуя в Красной Гвардии и Красной Армии на фронтах гражданской войны.

Туркестанский комитет, с согласия Временного правительства, сам непосредственно проводил все основные законы в духе колониальной политики, объясняя свое поведение специфическими условиями Средней Азии и отсутствием органов самоуправления. Но, ссылаясь на отсутствие органов самоуправления, Туркестанский комитет не торопился их создавать, а если и создавал, то старался привлечь к участию в них исключительно буржуазию. Так, из состава 72 гласных Ташкентской городской думы только один гласный являлся представителем союза строительных рабочих, все же остальные гласные были представителями местной буржуазии.

В городских и киблачных советах сидели представители Временного правительства и их союзники — баи и манапы, которые выступали против дехкан.

Туркестанский комитет всеми средствами задерживал разрешение вопроса о земле, стараясь удержать землю в руках баев. «Аграрная реформа не так проста, чтобы ее можно было осуществить в короткий срок, — заявили члены комитета особой делегации дехкан Ташкентского уезда, — во всяком случае на нее потребуются не менее 15—20 лет. Пока же Временное правительство старалось сохранить земли в руках действительных землевладельцев без всяких нарушений установленного землевладения»¹.

¹ Центральный архив Управления Узбекской ССР, материалы ИГВ, т. XII, п. XI, д. № 3, стр. 34.

Промышленные предприятия принадлежали тем же владельцам, рабочно подвергались такой же эксплуатации, как и раньше. Туркестанский комитет заявил, что рабочий вопрос в Туркестане является новым и что он «кроме общих причин осложняется полной непоследовательностью, отсутствием материалов для изучения»².

Туркестанский комитет Временного правительства не разрешил ни одного из коренных вопросов революции: ни национального, ни аграрного, ни рабочего. Политическое и экономическое бесправие, голод и разруха толкали трудящихся на борьбу против Временного правительства. Рабочие хлопковых, маслобойных, мыловаренных заводов и других предприятий бастовали и требовали повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня. Аграрное движение в киблаках вылилось в борьбу за землю и воду. Усилилось революционное движение и в армии.

Большевикам Туркестана приходилось работать в чрезвычайно тяжелых условиях. Самостоятельной большевистской организации до декабря 1917 года там не было. Отдельные группы большевиков Ташкента, Самарканда, Перовска, Новой Бухары и других городов входили в объединенную организацию РСДРП.

Только в конце декабря 1917 года большевики, действовавшие самостоятельно с сентября 1917 года, организовали большевистскую партию, которая окончательно оформилась к I съезду компартии большевиков Туркестана (июнь 1918 года).

Основное внимание большевики уделяли вопросу отвоевания масс у меньшевиков и эсеров, борьбе за Советы рабочих и солдатских депутатов, за удаление из них соглашателей, баев и буржуазных националистов.

Меньшевики и эсеры оказывали большое влияние на трудящихся, которые еще не сумели разобраться в их предательской роли. Но постепенно большевики привлекали к себе рабочих и солдатские массы. Большевистская агитация встречала большое сочувствие среди местного населения, особенно среди союза трудящихся мусульман — иттифаков, — но «многие из местных большевистских работников искажали линию большевистской партии в национальном вопросе»³, уделяя мало внимания работе среди коренного населения, что привело к грубым политическим ошибкам, которые Ленину и Сталину приходилось

² «Туркестанские ведомости» № 201 за 1917 год, стр. 4. Ташкент.

³ «История гражданской войны». Т. I, стр. 210. Массовое издание.

Первый митинг в Ташкенте у «Дома свободы». 1917 год.

Центральный музей РККА.

потом выправлять в ряде писем и указаний туркестанским большевикам.

Тем не менее большевики провели большую работу, отвоевывая массы от эсеров и меньшевиков.

2

После временного спада революционной волны в связи с июльскими днями 1917 года в сентябре вновь наступил революционный подъем. Непосредственная борьба масс в связи с ликвидацией корниловщины усилилась, «развернулась полоса оживления и обновления Советов, полоса большевизации Советов».¹

Центром борьбы в Средней Азии становится Ташкент. Здесь находились Среднеазиатские железнодорожные мастерские, рабочие которых издавна являлись застрельщиками революционного движения в Узбекистане. Их насчитывалось несколько тысяч человек. В 1905—1907 годах рабочие железнодорожных мастерских и других предприятий бастовали, устраивали демонстрации. Вместе с русскими рабочими выступали и местные рабочие.

В сентябре здесь произошло выступление рабочих, солдат, узбекской и киргизской бедноты против Временного прави-

тельства. Сыгравшие большую роль в истории революционной борьбы Узбекистана сентябрьские дни явились одним из предвестников Великой Октябрьской социалистической революции. Эти события сигнализировали рабочему классу России, готовящемуся под руководством партии Ленина—Сталина к вооруженному восстанию, о подготовленности одной из окраин к борьбе за власть Советов.

Большевики к этому времени развернули в Ташкенте большую работу, подготавливая свержение Временного правительства и установление власти Советов. 11 сентября группа большевиков Ташкента на совещании краевых демократических организаций по вопросу о конструировании власти внесла предложение объявить данное совещание революционным комитетом, к которому должна перейти власть. Предложение большевиков было отклонено меньшевиками и эсерами—11 голосами против 6.

Большевики с протестом покинули собрание. Они ушли на заседание исполкома Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, где присутствовало много рабочих, солдат, трудящихся из узбеков. Большевики внесли на заседание исполкома только что отвергнутую меньшевистско-эсеровским большинством совещания краевых демократических органи-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 194.

заций резолюцию об избрании ревкома. Эта резолюция была принята собравшимися.

Тогда правые эсеры, входившие в состав исполкома, прямо с собрания отправились к командующему Туркестанским военным округом полковнику Черкесу и сообщили ему о принятой исполкомом резолюции. В тот же день Туркестанский комитет Временного правительства, боясь революционного выступления масс, запретил митинги на 12, 13, 14, 15 сентября¹.

Недовольство трудящихся действиями Туркестанского комитета было настолько велико, что массы в Ташкенте 12 сентября стихийно вышли на улицу. Этот день явился исторической датой в развитии революционной борьбы в Узбекистане.

В Ташкенте, в бывшем Александровском парке, собрался многотысячный митинг. «Надо заметить, — отмечал Центральный орган партии большевиков «Рабочий путь», — что митинг собрался без призыва Совета рабочих и солдатских депутатов и без призыва социалистических партий»².

На митинг прямо с работы пришли железнодорожники и другие рабочие, солдаты 1-го и 2-го запасных Сибирских полков, много узбеков из старого города Ташкента. Это был многотысячный мощный митинг. На нем выступали большевики Шумилов, Першин А.³ и др. Рабочие и солдаты произносили пламенные речи. Лозунги большевиков: «Вся власть Советам!», «Долой империалистическую войну!», «Фабрики и заводы — рабочим!», «Земля — беднейшим крестьянам!» — были близки и понятны собравшимся.

«Один солдат, недавно прибывший с фронта, — писал в своих воспоминаниях один из участников митинга, — говорил с трибуны вещи, которые глубоко запали в душу: «Я не знаю, кто такие большевики, я еще не знаю всего того, что они хотят сделать, но они за власть Советов, за передачу земли беднякам-крестьянам... Большевики против золотопогонников, против продолжения кровавой войны, но пусть поднимет руку тот, кто желает продолжать эту бойню»⁴.

¹ «Наша газета» № 115 от 12 сентября 1917 года. Ташкент.

² «Рабочий путь» № 33 от 24(11) октября 1917 года.

³ Большевики Шумилов и Першин А. были зверски убиты в январе 1919 года в Ташкенте во время белогвардейского мятежа Осипова.

⁴ Мемуарный фонд ИГВ. Т. XII, папка № 21, д. № 11, л. 54.

По вопросу о власти на голосование были поставлены три резолюции: большевиков, «левых» эсеров и анархистов. С огромным подъемом была принята резолюция большевиков, в которой писалось о немедленной передаче всей власти в руки Советов и образовании до краевого съезда Советов Временного революционного комитета в Ташкенте из представителей всех органов революционной демократии, который с завтрашнего дня взял бы всю полноту власти, провел бы немедленный учет всех необходимых продуктов и взял бы на себя их распределение⁵.

Временный революционный комитет тут же был избран. В его состав вошло 14 человек, из них только 5 были большевиками, остальные примыкали к эсерам и меньшевикам.

Итак, под давлением масс у эсеров в Ташкенте, как и в других местах России, выделилось «левое крыло — «левые» эсеры, которые начали выражать недовольство политикой соглашательства с буржуазией»⁶. Такое положение свидетельствовало о разброде, который начался в лагере соглашателей.

Ташкентские большевики приложили все усилия к тому, чтобы отвоевать массы у эсеров и меньшевиков и подготовить их к восстанию против Временного правительства.

Избрание ревкома повергло контрреволюцию Ташкента в большое беспокойство. Командующий Туркестанским военным округом генерал Черкес, которому не удалось разогнать митинг, решил принять экстренные меры. Окружив войсками дом, в котором заседал избранный ревком, Черкес совместно с меньшевиками и эсерами, представителями Краевого совета рабочих и солдатских депутатов арестовал ревком. Трудящиеся Ташкента, узнав об аресте членов ревкома, решительно потребовали от Черкеса освобождения их из тюрьмы. Опасаясь разгрома тюрьмы, Черкес выполнил это требование.

Ревком, в котором преобладали эсеры, проявлял нерешительность с первых шагов своей деятельности. В результате этого руководителям меньшевистско-эсеровского Краевого совета рабочих и солдатских депутатов удалось бежать из Ташкента в Скобелев (Фергана). Здесь было много белогвардейцев, на чью поддержку они надеялись: член ЦК правых эсеров В. Чайкин, буржуазные националисты

⁵ Центральное архивное управление Узбекской ССР, ф. Ташкент. ш. г. исполкома, 1917, арх. I, л. 10.

⁶ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 194.

Чанышев и Чокаев, ташкентские правые эсеры Першин и Терлецкий.

В Фергане Краевой совет установил связь с белогвардейцами и националистической контрреволюцией. Чайкин усиленно помогал меньшевистско-эсеровским лидерам Краевого совета рабочих и солдатских депутатов, распространяя в городе Скобелеве контрреволюционные слухи о ташкентских событиях. Не ограничиваясь этим, Чайкин и лидер буржуазных националистов Чокаев телеграфно потребовали от Керенского присылки войск для расправы с ревкомом.

Член Краевого совета рабочих и солдатских депутатов правый эсер Фиттерман, будучи в Петрограде на Всероссийском демократическом совещании и узнав о телеграмме Чайкина к Керенскому, потребовал от соглашательского ВЦИК посылки в Ташкент карательной экспедиции.

«Когда в Петрограде была получена телеграмма о ташкентских событиях, то всех туркестанцев пригласили на собрание. Фиттерман и др. настаивали на посылке карательного отряда»¹, — писал большевик Фролов — делегат от Самарканда, мандат которого не был признан меньшевистско-эсеровским ВЦИК.

События в Ташкенте требовали решительных действий от ревкома: необходимо было арестовать членов Туркестанского комитета Временного правительства и руководителей меньшевистско-эсеровского Краевого совета, захватить почту и телеграф, у ревкома была полная возможность это сделать. Ревком опирался на широкие массы Ташкента, главной его опорой были рабочие железнодорожных мастерских, трамвая — основные кадры ташкентского пролетариата, — рабочие хлопкоочистительных заводов и других предприятий, а также союзы трудящихся мусульман — иттифаки, — большинство производственных союзов, 1-й и 2-й запасные Сибирские полки и др. Но ревком не предпринял решительных мер к захвату реальной власти, даже почту и телеграф он оставил в руках комитета Временного правительства. Таким образом, ташкентские большевики, входившие еще тогда в объединенную с меньшевиками организацию, не сумели должным образом возглавить единый фронт и добиться от эсеровских тогда Советов установления власти Советов на деле.

Каждым промахом ревкома пользовались враги — Туркестанский комитет Временного правительства и лидеры Краевого совета рабочих и солдатских депутатов —

для усиления борьбы с революционными силами. В то время как ревком благодаря наличию в нем эсеров и меньшевиков бездействовал, вместо того чтобы мобилизовать массы на борьбу против Временного правительства, Туркестанский комитет Временного правительства продолжал творить свое контрреволюционное дело. Он объединился с белогвардейцами и их организациями, близкими к прежнему черносотенному союзу Михаила архангела, сеял в городе панику, посылал в Петроград ложные телеграммы, задерживал телеграммы ревкома.

Наливкин — председатель Туркестанского комитета — рассылал телеграммы на места, в которых призывал не подчиняться ревкому. «Источником власти попрежнему остается Временное правительство и поставленные им, перед ним ответственные его представители в лице Туркестанского Комитета»², — заявлял он.

Ревком в дни 13, 14, 15 сентября удерживал в городе революционный порядок, регулировал распределение продуктов, организовал секции для текущей работы. В эти дни хозяином положения являлся ревком, но действовал он нерешительно и, по существу, власти в городе захватить не мог.

Керенский послал Туркестанскому комитету телеграмму, в которой сообщал, что высылает войска и пулеметы, назначив генеральным комиссаром Временного правительства Коровиченко. В Узбекистане назревала вторая корниловщина.

Товарищ Сталин по поводу посылки Керенским карательной экспедиции в Ташкент писал: «Невероятно, но факт. Сидящий в Директории питерский эсер Керенский, вооружившись «пулеметами», выступает походом против эсеров, сидящих в Ташкентском Совете, а центральный орган партии эс-эров «Дело Народа» глубокомысленно молчит, как будто это его не касается! Эсер Керенский собирается резаться с эсерами из Ташкента, а «Дело Народа», печатая погромный «приказ» Керенского, находит возможным обойти его молчанием, соблюдая, очевидно, «нейтралитет»!»³.

Керенский торопил начальника карательной экспедиции генерала Коровиченко, предлагая ему выехать «с возможной поспешностью...» «Дальнейшие колебания недопустимы, — писал он, — необходимы самые решительные меры»⁴.

Усилия трудящихся Узбекистана задерживать проезд карательной экспедиции ни

² «Свободный Самарканд» № 74 от 19 сентября 1917 года. Самарканд.

³ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 217—218. Изд. 1925 года.

⁴ ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 5а, 1917, л. 8.

Отряд красногвардейцев-пулеметчиков железнодорожных мастерских. Ташкент. 1917 год.
Центральный музей РККА.

к чему не привели из-за предательской роли меньшевиков и эсеров, засевших в Советах и исполкомах. Меньшевики и «левые» эсеры, работавшие в Ташкентском исполкоме, по мере приближения карательной экспедиции стали все более проявлять свою трусливую и оппортунистическую сущность. Только большевики в эти дни проводили решительную политику. Большевик А. Першин и другие были командированы 21 сентября в Петроград для информации о сентябрьских событиях в Ташкенте. Здесь к ним внимательно отнесся Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

На заседании Петроградского совета от имени исполкома Петроградского совета и фракции большевиков выступил Володарский, который обрисовал тактику Временного правительства и ЦИК. «Временное правительство желает анархии в стране, — сказал он, — для того, чтобы победить революционную демократию. ЦИК вел себя позорно, санкционировал посылку карательной экспедиции в Ташкент»¹.

Петроградский совет принял резолюцию, в которой выражал «полную готовность оказать поддержку справедливым требованиям ташкентской революционной демократии и обращается в ЦИК с указанием на необходимость принять все меры к восстановлению деятельности Ташкентского Со-

вета, к назначению следственной комиссии, в состав которой вошли бы действительные представители революционной демократии, к недопущению репрессий против ташкентских рабочих организаций, и к недопущению расформирования стоящих в Ташкенте воинских частей, впредь до окончания работ этой следственной комиссии»².

Резолюция, выражающая поддержку трудящихся Узбекистана, была принята всеми присутствовавшими против одного голоса меньшевика.

Карательная экспедиция прибыла в Ташкент 24 сентября. Она состояла из пехоты, пулеметных рот с пулеметами, броневой роты с броневиками и легкой артиллерии. Солдаты были высажены недалеко от Ташкента и отправлены в город похолодным порядком. Контрреволюция встретила Коровиченко с большой торжественностью.

Однако в день его приезда по всей линии Среднеазиатской железной дороги прекратилось пассажирское движение. Пролетарат почти всех предприятий Ташкента продолжал объявленную 20 сентября по призыву большевиков забастовку как протест против карательной экспедиции. Рабочие старались сагитировать приехавших солдат Пензенской кавалерийской бригады. Выяснилось, что солдаты не знали, зачем их ведут в Ташкент. Им сказали, что они

¹ «Известия ЦИК» № 187 за 1917 год.

² Там же.

едут подавлять восстание против революции.

Узнав правду, казаки заявили, что они не будут выступать против большевиков.

Прибыв в Среднюю Азию, Коровиченко в посланных Керенскому телеграммах с большой тревогой писал, что военные части Ташкента не внушают ему доверия, что на артиллерию положиться нельзя, что продовольственная нужда достигла народного бедствия.

27 сентября 1917 года Коровиченко сообщал Керенскому о своих неудачах. Он решил сделать последнюю попытку в 1-м запасном Сибирском полку: «выделить из полка наиболее зараженных солдат и офицеров, и если оздоровления не будет, то придется полк расформировать»¹.

Желая ослабить революционные силы, Коровиченко объявил демобилизацию преданных Совету частей, но те отказались уезжать домой. Узнав об этом, Коровиченко приказал лишить их пайка.

3

Все чаще и чаще на рабочих и солдатских собраниях выносились резолюции, требующие передачи власти Советам.

Коровиченко старался спровоцировать рабочих, солдат и дехкан на преждевременное выступление, чтобы воспользоваться неподготовленностью их и подавить восстание. Он хотел вывести часть войск из Ташкента под предлогом отправки на фронт, разоружил крепостную роту в Ташкенте, закрыл «Нашу газету» — печатный орган Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов. Коровиченко пытался натравить местное население на русских.

Но рабочие массы не поддавались на провокацию. Снова поднялась волна стачек и забастовок в Ташкенте, Коканде и других городах Узбекистана. Борьба между трудящимися и национальной буржуазией усилилась. В Коканде во время выборов в Городскую думу буржуазные националисты убили 5 человек трудящихся мусульман и одного тяжело ранили за то, что они голосовали за большевистский список № 4².

Члены феодально-буржуазных националистических организаций «Улемы» и «Шуро-Исламия» помогали Коровиченко в его контрреволюционной деятельности, выступали против союзов трудящихся мусульман и союзов строительных рабочих.

¹ ЦАОР, ф. 3, оп. 2, д. 55, л. 22—27.

² Во время пере выборов собраний в Городскую думу трудящиеся узбеки совместно с большевиками выдвинули свой список № 4.

Мобилизованные царским правительством рабочие из местного населения, вернувшись на родину, усилили борьбу против Туркестанского комитета и национальной контрреволюции. Так, один из рабочих в своих воспоминаниях писал: «Мы, тыловики, вели упорную борьбу с Шуро-Исламией и даже сорвали вывеску «Шуро-Исламия» и бросили в реку Сыр-Дарья. По возвращении из России открыто под руководством членов партии РСДРП стали работать по созданию подлинной власти Советов и вели упорную борьбу с духовенством, баями, мананами и подготовляли рабочих к Октябрьскому перевороту»³.

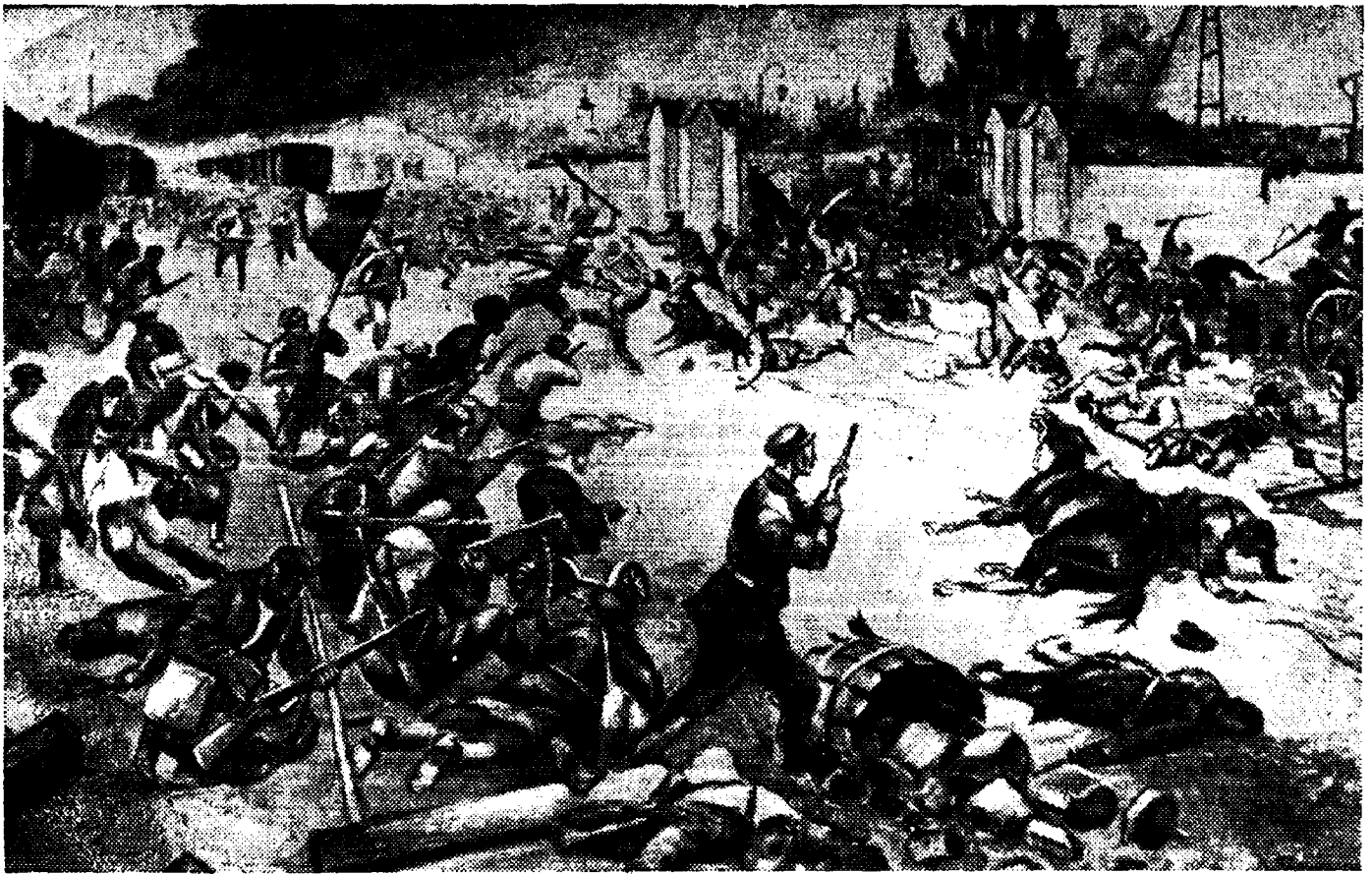
Крайне острой стала борьба большевиков против правых эсеров. На II Чрезвычайном краевом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, созванном по инициативе большевиков в Ташкенте 29 сентября 1917 года, который должен был разрешить вопрос о ташкентских событиях, о выборах Краевого совета и о подготовке к Учредительному собранию, правые эсеры делали попытки сорвать съезд и открыто блокировались с буржуазными националистами-улемистами. Они полностью выявили свою предательскую позицию.

Группа большевиков Узбекистана вела последовательную линию в вопросе о взятии власти Советами. Союзы трудящихся-мусульман, профессиональные союзы местных рабочих явились опорой русских рабочих. Пролетариат Узбекистана в своей борьбе мог полностью рассчитывать и на поддержку многочисленного дехканства, получившего революционную закалку в восстании народов Средней Азии против царского самодержавия в 1916 году. Сентябрьские дни были прекрасной школой для всех трудящихся Узбекистана. Только в эти дни они поняли предательство Туркестанского комитета Временного правительства, а также меньшевиков, эсеров и националистических партий. Лозунги большевиков о вооруженном восстании, о взятии власти Советами принимались массами с большой радостью, получали полную поддержку.

Учитывая создавшуюся в эти дни обстановку и назревшую революционную ситуацию в Узбекистане, большевики Ташкента решили, что час выступления рабочих, дехкан и солдат настал — нужно действовать. Контрреволюция — юнкера, прапорщики, казаки — вооружалась. Со дня на день можно было ждать ареста членов исполкома Ташкентского совета.

25 октября 1917 года на конспиративном собрании президиума Совета было решено начать вооруженное восстание. По

³ «История пролетариата СССР», стр. 194. М. 1934. Документы.

Октябрьские бои в Ташкенте.

Центральный музей РККА.

среди собравшихся оказался провокатор, который прямо с заседания отправился к генералу Коровиченко и сообщил о готовящемся большевиками восстании.

Помощник генерального комиссара граф Доррер¹ в своем неотосланном вследствие ареста докладе на имя Керенского писал: «К 27 октября в руках генерального комиссара сосредоточен был ряд весьма веских данных, доказывающих, что исполнительным комитетом Ташкентского совета солдатских и рабочих депутатов организован обширный заговор, направленный к вооруженному захвату власти. Заговор был, несомненно, связан и согласован с всероссийским заговором большевиков, к нему примкнули 1-й и 2-й запасные Сибирские полки, 2 расквартированных в Ташкенте дружины, часть артиллерии, в том числе мортирная батарея и другие мелкие части. На стороне правительства, по предварительному подсчету, остались 17-й Оренбургский казачий полк, 2 сотни семиреченцев, 2 броневика, школа прапорщиков, военное училище и мусульманский батальон. Для за два до 27 октября сформированный заговор раскинулся по всему краю. Определенно примкнул к нему гарнизон крепости Кушка и некоторые другие части других

гарнизонов, приславшие подкрепление бунтовщикам»².

27 октября 1917 года Коровиченко отдал приказ об аресте всего Ташкентского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Вечером собрался Ташкентский совет. Заседание Совета происходило в чрезвычайно напряженной обстановке, выступления большевиков слушались с большим вниманием. В этих выступлениях они охарактеризовали положение Узбекистана, рассказали о контрреволюционных действиях генерального комиссара Временного правительства (арест членов исполкома, предание их суду, закрытие «Нашей газеты», разрушение частей и т. д.), о состоянии революционных сил и сил контрреволюции, поставили вопрос о вооруженном восстании. Присутствовавшие на заседании единогласно приняли резолюцию о том, чтобы начать вооруженное выступление по первому гудку железнодорожных мастерских.

Генерал Коровиченко издал приказ о разоружении 1-го и 2-го запасных Сибирских полков, в казармах которых хранилось много оружия и патронов. Разоружение 2-го полка было произведено ночью, внезапно солдаты были застигнуты врасплох. Но 1-й полк разоружить не удалось.

¹ Граф Доррер — бывший адвокат, приближенный Керенского, получивший от него генеральский чин.

² «Красная летопись Туркестана» № 1—2 за 1923 год, стр. 75—76. Ташкент. Документы.

Солдаты были предупреждены своими представителями, которые явились свидетелями нападения на «Дом свободы». Полк был быстро приведен в боевую готовность. Белогвардейцы, встретив вооруженный отпор, должны были отступить. Первый полк пошел к железнодорожным рабочим звать представителей за помощью. Быстро подоспевших рабочих вооружили. Солдаты через окна подавали им винтовки и боеприпасы.

Получив оружие, рабочие-железнодорожники разбились на десятки и взводы. Из лейхгауза 1-го полка было получено 250 винтовок. Таким образом, 1-й Сибирский запасной полк разоружить генералу Коровиченко не удалось.

В эти дни в Ташкенте образовалось два лагеря: «Дом свободы» — штаб революции — и «Белый дом» — очаг контрреволюции. К «Дому свободы» со всех сторон стекались вооруженные отряды рабочих и солдат. Сюда приходили за советом и за оружием делегаты разных частей, заводов и учреждений. Сюда с мест поступали сообщения о создавшемся положении. Из разных городов и кишлаков Узбекистана приезжали представители; отсюда рассылались на места агитаторы.

В «Белом доме», где помещался Туркестанский комитет Временного правительства, генерал Коровиченко собирал силы контрреволюции. Здесь произволилась запись добровольцев — безусых гимназистов, реалистов — и раздавалось оружие всем, кто приходил. «Белый дом» был связан с московской контрреволюцией. Об этом сообщала газета «Свободный Самарканд»: «Коровиченко в этот день (т. е. 28 октября) имел разговор по прямому проводу с Москвой и получил успокоительные сообщения»¹.

В Москву Коровиченко послал телеграмму: «Надеемся, что Туркестане до подавления восстания центр выступления пользу большевиков не будет... Приветствуем призыв Московской думы... Генеральный комиссар Коровиченко. За командующего войсками Бурлин. Управляющий гражданской частью Доррер»².

На рассвете 28 октября 1917 года в Среднеазиатских железнодорожных мастерских (ныне Красновосточные) раздался тревожный гудок. С разных концов потянулись рабочие в «Рабочую крепость» — так были названы Среднеазиатские железнодорожные мастерские в дни октябрьских боев.

¹ «Свободный Самарканд» № 109 от 7 сентября 1917 года, Самарканд.

² Московское областное архивное управление, ф. Мобюс, д. № 105, л. 3, св. 10, стр. 11.

Вооруженные рабочие образовали полк в количестве свыше тысячи человек, разбились на десятки по заводам во главе с командирами; к ним подошла помощь из Бородинских железнодорожных мастерских (ныне Первомайские).

Отряд юнкеров (одна рота) пытался ворваться во двор главных мастерских, но был отбит рабочими. Юнкера, отступая, дали залп из винтовок и ручных пулеметов и убили 3 рабочих.

К вечеру того же дня, 28 октября, был избран революционный комитет и назначен командующий революционными силами Ташкента. Кроме того был организован штаб революционных частей. Ревком со штабом выработали план наступления, быстро сформировали боевые отряды. Рабочие-узбеки — трамвая, железнодорожных мастерских и других предприятий, — исполком старого города Ташкента держали связь с Ташкентским советом.

Главные железнодорожные мастерские готовились к бою. Рабочие, получив от солдат 1-го запасного Сибирского полка оружие, принесли его в мастерские, раздали товарищам. Некоторые, не дожидаясь, пока им выдадут оружие, сами пошли в оружейный склад и не только вооружившись, но и перенесли все запасы оружия в «Рабочую крепость» — Среднеазиатские железнодорожные мастерские. Большие, заметив, как вооружаются рабочие, открыли по ним пулеметный огонь.

Началась постройка баррикад. Рабочие сносили громадные тополи и делали из них баррикады. Женщины и дети им помогали. Баррикады имели огромное значение в борьбе ташкентского пролетариата: благодаря баррикадам рабочие вывели из строя броневик Коровиченко.

День 28 октября 1917 года пришел в ожесточенной борьбе. Рабочие проявляли высокий героизм. В борьбе с врагом рождалась и закалилась Красная Гвардия. Вместе с русскими рабочими дрались против белогвардейцев узбеки, армяне, персы. Женщины и дети подбирали раненых, оказывали им помощь, подавали патроны и снаряды, которые приносили из мастерских или отбивались у белых.

Доррер писал Керенскому, что он «убедился во 1) в неприступности позиции, 2) чрезвычайной многочисленности (4 тысячи) взбунтовавшихся солдат и рабочих, 3) в получении ими подкреплений из разных мест, 4) в большом воодушевлении врага»³.

На стороне большевиков, кроме рабочих, в количестве свыше 3 тысяч были 1-й и 2-й запасные Сибирские полки, ба-

³ «Красная летопись Туркестана» № 1—2 за 1923 год, стр. 77. Ташкент. Документы.

Манифестация войск после октябрьского переворота в Ташкенте. Центральный музей РККА.

тарей, перешедшая в первый день боя на сторону большевиков с орудиями и снарядами, прибывшие в мастерские 2 расквартированные в Ташкенте дружины, часть артиллерии, в том числе мортирная батарея, и другие мелкие части.

Весть о выступлении ташкентского пролетариата разнеслась по всему Туркестану и всколыхнула всех трудящихся. Гарнизон Купки быстро откликнулся на ташкентские события. На заседании Купкинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с воинскими частями крепости было решено оказать помощь пролетариату Ташкента: послать отряд в 500 человек, 8 пушек, 12 пулеметов и 1000 ручных гранат. На этом заседании были выбраны представители для посылки в Ташкент¹.

Закаспийский областной совет рабочих и солдатских депутатов, Красноволский, Чарджуйский и другие Советы принимали решения о поддержке ташкентского пролетариата в его борьбе против Временного правительства.

Самаркандский совет рабочих и солдатских депутатов, получив телеграмму от Ташкентского ревкома с просьбой о вооруженной помощи, решил послать крепостную артиллерийскую роту как наиболее надежную и революционно настроенную, снабдили ее 4 орудиями и 2 пулеметами с полным комплектом боеприпасов.

Но не все Советы поддерживали выступление ташкентского пролетариата. В тех Советах, где было засилье эсеров и меньшевиков, принимались резолюции, осуждающие выступление. Так, Казалинский совет вынес постановление, осуждающее

вооруженную борьбу, и высказался против «всякого» решения споров кровопролитием².

Ташкентский пролетариат в течение нескольких дней дрался против контрреволюционных сил Корвиченко, но зная о выступлении большевиков в Петрограде. Трудно приходилось рабочим Ташкента, так как оружия было недостаточно, продовольствия и одежды было мало.

Первый боевой день, 28 октября 1917 года, кончился. Наступила осенняя, холодная ночь. Люди были разуты, раздеты, голодны. Им роздали старые шинели, куртки, но одежды для всех не хватило. Несколько позже положение революционных сил улучшилось. Рабочие захватили 7 вагонов муки и склад продовольственного комитета.

29 октября белогвардейцы подступили к стенам мастерских. Весь день шел бой. Одни революционные бойцы падали, другие их сменяли, продолжая ожесточенно бороться. К вечеру одна из главных сил противника — казачий полк — сдалась в плен. А ночью по радио была получена радостная весть о победоносном вооруженном восстании в Петрограде. Известие это окрылило бойцов и воодушевило их на новую борьбу против врагов революции.

Трудящиеся Узбекистана поддерживали тесную связь с Петроградом. Там, на II всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (26 октября), были 4 представителя Ташкента и Самарканда. Среди этих представителей было 3 большевика.

Большевики Узбекистана знали, что их делегаты передадут истинное настроение

¹ Центральное архивное управление Узбекской ССР, ф. Ташсовета, 1917, арх. 5, л. 96, 99.

² Центральное архивное управление Узбекской ССР, ф. Ташсовета, 1917, арх. 5, л. 112.

масс, расскажут о националистической контрреволюции, о правых эсерах Ферганы, которые ведут контрреволюционную работу.

Делегаты съезда от Ташкента заполнили анкеты большевистской фракции II всероссийского съезда, в них они в кратких ответах обрисовали положение мест. Делегаты Ташкентского совета писали, что Совет рабочих и солдатских депутатов объединяет 27 тысяч рабочих, солдат и крестьян, которые имеют около 250 депутатов, авторитет Совета высок¹. Наибольшим влиянием в Совете пользовалась большевистская фракция.

Делегаты Самаркандского совета рабочих и солдатских депутатов писали, что Совет объединяет 42 тысячи рабочих, солдат и крестьян, которые имеют 8 депутатов в Совете. «Совет пользуется большим авторитетом, как среди русского, так и среди туземного населения; Совет является в области высшим контролирующим органом над всеми учреждениями и организациями»².

Пролетариат Ташкента продолжал упорно бороться против врага. 30 октября бой шел у стен мастерских. На одном из участков белые едва не прорвали фронт красных, но в этот момент в их рядах произошло замешательство: вооруженный отряд узбеков из членов союза трудящихся мусульман напал на белых с тыла.

В этот день борющийся пролетариат Ташкента получил подкрепление. На помощь ему приехал эшелон демобилизованных семиреченцев в 700 человек, которые из Красноводска направлялись к себе на родину. Прибыв в мастерские и получив оружие 17-го казачьего полка, который стался красным, они вступили в бой.

Приход семиреченцев и отряда узбеков увеличил силы восставших. Большевистский штаб вооруженных сил из рабочей крепости перешел на передовые позиции. Линия фронта продвинулась к центру города. Революционные части прорвались в город, захватили почту.

Для оказания помощи раненым были открыты пункты не только в больницах, но и в частных домах.

30 и 31 октября ревком вел переговоры с Коровиченко о перемирии. Коровиченко, ведя переговоры, в то же время просил у Дутова присылки контрреволюционных казаков и не подписывал мирного договора. После отказа Коровиченко ревком выработал план решительного наступления. Коровиченко послали требование сдаться, но тот отказался.

¹ Анкеты II всероссийского съезда Советов. «Красный Архив» № 5(84) за 1937 год, стр. 84.

² Там же, стр. 73.

31 октября было самым напряженным днем борьбы: перестрелка не прекращалась ни на один час, участились оружейные выстрелы, обстреливались крепость и «Белый дом». Артиллерия открыла по крепости, где были белые, огонь. В 12 часов 31 октября условия ревкома были приняты белым командованием. К часу ночи с 31 октября на 1 ноября 1917 года военные действия прекратились и крепость сдавалась. Коровиченко и Доррер были арестованы. Поздно ночью началось разоружение юнкеров и других частей.

Из далекой Кушки в Ташкент 1 ноября прибыл хорошо вооруженный отряд кушкинцев. Пробрался он в город с большим трудом. Кушкинцам приходилось с оружием в руках захватывать вагоны для поезки в Ташкент. Правые эсеры из управления Среднеазиатских железных дорог в Ашхабаде не давали им вагонов.

В дни октябрьских боев члены иттифака держали связь с рабочими нового города Ташкента; русские рабочие и рабочие угнетенных национальностей показали много примеров героизма. Некоторые из них четверо суток не спали и находились в бою без воды и хлеба.

Ревком организовал разведочную работу для выяснения расположения частей. Рабочие-разведчики передвигались на вагонетках, на дрезинах, на лошадях и пешком, прощупывали все окрестности и центр Ташкента, точно устанавливая количество вооружения и расположение белогвардейских отрядов.

Белогвардейцы направили все усилия на то, чтобы заставить бойцов покинуть Среднеазиатские мастерские. Пулеметная стрельба не умолкала ни на минуту. Под ее прикрытием белые наступали на рабочую крепость.

Героически отбивали белогвардейцев семиреченцы. Один из них, рабочий механических мастерских, несмотря на свое ранение все время оставался у пулемета. На протяжении всех боев он появлялся со своим пулеметом там, где особенно тяжело приходилось революционным частям. Только к концу боев у него не хватило сил перетаскивать пулемет, и это делали рабочие по его указанию.

На баррикадах Ташкента вместе с трудящимися дрался большевик Полторацкий, впоследствии первый народный комиссар труда Туркестанского края, расстрелянный эсерами в июле 1918 года в Мерве.

Тов. Полторацкий приехал в Ташкент из Новой Бухары в разгар боевых действий. Узнав, что продовольственный вопрос в Ташкенте стоит очень остро, он уехал обратно в Новую Бухару за хлебом. Полторацкий рассказал трудящимся Новой Бу-

хары о положении в Ташкенте. Он рассказал о том, что Ташкент находится накануне победы, что снарядов нет, хлеба нет и необходимо дать Ташкенту хлеб. Несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров трудящиеся Новой Бухары снабдили ташкентский пролетариат хлебом.

1 ноября 1918 года власть была уже в руках Советов. Под влиянием петроградских и ташкентских событий власть Советов устанавливалась на местах, прилегающих к железнодорожной линии.

Под руководством большевиков трудящиеся Самарканда разогнали органы власти Временного правительства и установили власть Советов.

Большевики заранее выработали план наступления. Была налажена связь с уездами через воинские части, с профорганизациями.

2 ноября 1917 года в Самарканде был избран ревком. На стороне большевиков были железнодорожники, рабочие предприятий старого и нового города и воинские части: 7-й Сибирский полк, крепостной гарнизон и части воинского начальника. Большинство членов союза трудящихся мусульман — иттифака — также шло за большевиками.

В этот день были арестованы крупные белогвардейцы, захвачены милицейское управление, телеграф, редакция газеты «Свободный Самарканд».

В воинских частях прошли перевыборы всех ротных, полковых комитетов и комсостава. На этой почве большевики решительно боролись против меньшевиков и эсеров.

В Катта-Кургане 2 ноября 1917 года на экстренном объединенном собрании представителей демократических организаций был избран ревком.

Перовский совет солдатских и рабочих депутатов приветствовал новую власть и на своем заседании 2 ноября 1917 года решил создать в Перовске Красную Гвардию.

Красноводский совет вынес постановление о поддержке ташкентского пролетариата против Временного правительства.

Чарджуйский совет требовал прекращения избития рабочих г. Ташкента, выражая готовность оказать вооруженную помощь последним¹.

¹ Центральное архивное управление Узбекской ССР, ф. Ташсовета, 1917, арх. 5, л. 99.

После захвата власти большевики Ташкента начали укреплять завоевания революции. Враг не был окончательно добит, в городе остались юнкера, офицеры и другие контрреволюционные силы. Нужно было неизменно быть начеку; контрреволюционные силы могли поднять голову. Большевики проводили бессонные ночи, несли дежурства, об'езжали город, проверяли почты, часто рискуя жизнью. Вся тяжесть этой работы легла на группу большевиков, которая после октябрьских дней пополнилась новыми членами, но все же была немногочисленной.

Предстояла упорная борьба против белогвардейцев, буржуазных националистов и интервентов. Но главное — завоевание власти — было сделано. Трудящиеся Узбекистана, руководимые большевистской партией, разбили врагов советской власти и превратили Узбекистан в одну из цветущих советских социалистических республик.

В Узбекской ССР создана крупная промышленность: машиностроительный завод, оснащенный новейшей техникой, хлопчатобумажный комбинат имени Сталина в Ташкенте, нефтяные промыслы, шелкоткальные фабрики, электростанции, дающие в 70 раз больше энергии чем в 1913 году.

Узбекистан имеет ряд промышленных центров: Ташкент, Самарканд, Боканд и другие.

В Узбекской ССР разрабатываются неисчерпаемые природные богатства: уголь, нефть, цементное сырье, медь и другие. Советское правительство вкладывает огромные средства в развитие узбекской промышленности.

Развитие сельского хозяйства в Узбекистане не отстает от развития промышленности. 96,6% всех дехканских хозяйств объединены в колхозы, которые снабжены новейшими сельскохозяйственными машинами. Повысилась урожайность хлопка и других культур, возделываемых в Узбекской ССР.

Значительно улучшились пути сообщения республики. Велики успехи в области культуры узбекского народа, который до революции был почти поголовно неграмотным.

Трудящиеся Узбекистана крепят сталинскую дружбу народов всего Советского Союза и под руководством большевистской партии и вождя народов товарища Сталина идут к новым победам коммунизма.

БАШКИРИЯ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

1

Башкирия накануне революции, являясь колонией русского царизма, значительно отставала в своем экономическом развитии от центральных областей России. Многочисленные промышленные предприятия, действовавшие в Башкирии накануне революции (по переписи 1920 года, 7376 единиц), были в большинстве своем мелкими предприятиями кустарного типа. Работало на них 51 763 рабочих, по 7 человек в среднем на предприятие.

В составе промышленных рабочих Башкирии прослойка башкир была незначительной; башкиры работали преимущественно в качестве чернорабочих, лесорубов, землекопов и т. п.

Основная масса населения Башкирии занималась сельским хозяйством, которое велось архаическим способом. Деревянная соха, деревянная борона и волокуша — вот основные орудия производства большинства башкирских земледельцев при царизме.

В юговосточных районах Башкирии население занималось главным образом скотоводством. Скотоводство велось здесь полукочевым способом. Зимой и летом скот находился на подножном корму, меняя места выпаса.

Развитие промышленности в Башкирии мало затронуло коренное население этого края — башкир. Анализ переписи башкирского населения Уфимской губернии в 1897 г. дает следующую картину разделения общественного труда среди башкир:

1. Сельскохозяйственное население	855 500 чел.
2. Торгово-промышленное население	21 925 »
3. Непроизводительное население	21 579 »
ВСЕГО	899 004 »

Капитализм пустил глубокие корни в башкирской деревне. Анализ той же переписи населения дает следующую картину классового расслоения в башкирской деревне:

Низшая группа (батраки и бедняки)

а) не имеющих посева или имеющих посев до 4 десятин	238 462 хоз.
---	--------------

б) не имеющих лошадей или имеющих одну лошадь	215 260 хоз.
---	--------------

Таким образом, абсолютные числа хозяйств по этим двум важнейшим хозяйственным признакам почти совпадают. Они составляют около 57% общего количества хозяйств башкир.

Средняя группа

а) с посевом от 4 до 10 десятин	117 065 хоз.
б) имеющих 2 или 3 лошади	139 320 »

И здесь абсолютные числа хозяйств близко сходятся и составляют в общей сложности около 33% общего числа башкирских хозяйств.

Высшая группа

а) с посевом от 10 и выше десятин	38 231 хоз.
б) имеющих более 3 лошадей	44 178 »

В третьем случае числа также приближаются друг к другу.

В процентном отношении к общему числу хозяйств башкир они составляют около 10%.

Следовательно, кризис башкирских националистов об отсутствии классовой дифференциации среди башкир накануне революции 1917 года являлся ложью, направленной на то, чтобы отвлечь башкирскую бедноту от борьбы против ее классового врага. Башкирские буржуазные националисты (валидовцы) прикрывали свои классовые, буржуазные цели в борьбе с советами трудящихся демагогическими лозунгами об общенациональной борьбе башкирского народа.

Во время февральской буржуазно-демократической революции 1917 года на окраинах началось буржуазно-освободительное движение под лозунгом «Ликвидация национального гнета». Национальная буржуазно-демократическая интеллигенция шла во главе движения. «Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями... Речь шла об освобождении от царизма, как «основной причины» национального гнета, и образовании национальных буржуазных государств. Право наций на самоопределение толковалось,

как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования «своего» национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов»¹.

Как только в центре России рабочие и беднейшее крестьянство взяли власть в свои руки, башкирские буржуазные националисты, возглавлявшиеся З. Валидовым, провозгласили свою буржуазную автономию и объявили войну рабоче-крестьянской власти.

В «Истории гражданской войны в СССР» говорится:

«Два основных течения наметились в национальном движении восточных народов после Февральской революции: унитаризм и национал-федерализм. Унитаризм поддерживался мусульманской, преимущественно татарской торговой буржуазией и националистически настроенной интеллигенцией, требовавшими объявления только «культурно-национальной автономии». Сторонники «национально-территориально-федеративных начал» представляли молодую национально-промышленную буржуазию»².

Эти два течения имелись и в Башкирии.

27 апреля 1917 года в Уфе собрался губернский съезд мусульман, на котором получили перевес татарская буржуазия и татарская буржуазная интеллигенция. Этот съезд принял решение о предъявлении Временному правительству требования культурно-национальной автономии для мусульман средней России.

В начале июля 1917 года башкирские буржуазные националисты организовали в Оренбурге «Бюро союза башкирского народа». 20 июля это бюро созвало в Оренбурге так называемый «всебашкирский съезд». Это был съезд башкирской национальной буржуазии, мулл и буржуазной интеллигенции.

Съезд башкирских буржуазных националистов вынес решение о необходимости добиваться национально-территориальной автономии и выдвинул шовинистический лозунг «Башкирия для башкир». Буржуазные националисты стремились установить классовое господство буржуазии, всячески разжигая национальный антагонизм между народами и намереваясь разрешить земельный вопрос в интересах баев и мулл.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 69—70. Госполитиздат. 1939.

² «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 129.

«Но, кроме «национальных» правительств, на окраинах существуют еще национальные рабочие и крестьяне. Организованные в свои революционные союзы по образцу союзов в центре России еще до Октябрьского переворота, они никогда не разрывали связей со своими братьями на севере. Они также добивались победы над буржуазией, они также боролись за торжество социализма»³.

Февральская буржуазно-демократическая революция в центре России всколыхнула широкие трудящиеся массы на ее окраинах, в том числе и в Башкирии.

В первые же дни после свержения царизма, в марте 1917 года, в Уфе, а затем и на заводах Южного Урала рабочие, солдаты и беднейшее крестьянство (заводских поселков) создали Советы рабочих и солдатских депутатов.

В Уфе совет был создан 18 марта 1917 года.

На первых порах во многих Советах рабочих и солдатских депутатов Башкирии эсеры и меньшевики имели абсолютное большинство. В результате этого Советы высказались за поддержку Временного правительства в вопросах войны, аграрном и национальном. Большевики в Уфе занимали в ряде вопросов нечеткую позицию, и это помогло оппортунистам и буржуазным националистам усилить подрывную деятельность.

Но не во всех советах Уфимской губернии было такое положение. Усть-Катавский, Миньярский, Симский и другие советы в рабочих районах находились в руках большевиков. Рабочие шли во главе революционного движения в Уфимской губернии.

Рабочие Миньярского, Симского и ряда других заводов Южного Урала немедленно после февральской революции начали готовиться к решительным боям против буржуазии, готовились к тому, чтобы «по первому требованию петроградских рабочих выслать вооруженную силу на помощь революционному Петрограду»⁴.

Рабочие Уфимской губернии выступили с резким протестом против московского государственного совещания, созданного Временным правительством, и против корниловского мятежа. Резкий протест рабочих выразился в повсеместных забастовках и в сборе средств среди рабочих в фонд местных социал-демократических организаций.

Вслед за возникновением Советов рабо-

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73. 1939.

⁴ Из резолюции миньярских рабочих.

чих и солдатских депутатов в городах, стали возникать и Советы крестьянских депутатов в волостях и селах.

Несмотря на то что Советы крестьянских депутатов, особенно в первый период своего существования, в значительной своей части находились в руках эсеров, помещиков, кулаки и буржуазия боялись их и с первых же дней февральской революции создавали свою организацию в деревне — «Союз землевладельцев», который ставил своей задачей упрочить новый (буржуазный) строй и осуществить программу Временного правительства.

С апреля 1917 года начались массовые революционные выступления крестьян Уфимской губернии. Крестьяне отбирали землю у помещиков, громили помещичьи имения, рубили помещичьи леса и т. п. К осени 1917 года крестьянские волнения достигли огромных размеров. Самовольная порубка лесов, раздел помещичьих имений и даже монастырских владений происходили повсеместно.

Во главе крестьянских выступлений чаще всего стояли отпускные солдаты, а в близлежащих к промышленным пунктам волостях — рабочие-большевики.

Уфимские большевики развернули интенсивную борьбу против эсеров и меньшевиков, за массы, за влияние в Советах. Влияние эсеров и меньшевиков среди рабочих Уфы и солдат уфимского гарнизона накануне Октябрьского переворота резко упало. Рабочие и солдаты принимали на своих собраниях и митингах большевистские резолюции.

26 октября (8 ноября) 1917 года в Уфе была получена из Петрограда телеграмма Военно-революционного комитета о переходе власти к Советам. В тот же день в Уфе был создан губернский революционный комитет, который взял в свои руки власть.

Колонизаторская политика русского царизма состояла прежде всего в захвате лучших земель, издавна принадлежавших башкирам, в открытом грабеже и разорении трудящихся башкир. Башкирская феодально-буржуазная верхушка — тарханы, бай и муллы, — перешедшая на службу к русскому царизму, тоже безжалостно грабила трудящихся башкир. Немалую роль в ограблении трудящихся башкир играла татарская торговая буржуазия. Башкирское крестьянство отважно боролось против колонизаторов и башкирских баев.

Немедленно после февральской революции крестьянство поставило вопрос о земле, но он не был решен вплоть до Октябрьской социалистической революции. Только

советская власть отобрала землю у помещиков, монастырей, царских чиновников и прочих крупных собственников и передала ее крестьянам.

Уфимский губернский революционный комитет 15 декабря 1917 года созвал II губернский съезд Советов, который вынес постановление об организации власти на местах и немедленном проведении в жизнь по всей губернии закона об отмене частной собственности на землю. Решения II губернского съезда Советов имели огромное значение для деятельности Советов на местах. Немедленно после опубликования этих постановлений волостные Советы приступили к проведению в жизнь декрета о земле.

Вскоре после II съезда Советов Уфимской губернии Уфимский совет взял в свои руки управление всеми коммунальными предприятиями, а 29 декабря 1917 года по инициативе рабочих паровой фирмы «Братьев Каменских и Н. Мешкова» произошла первая в губернии национализация предприятий этой фирмы.

Начавшаяся в первые же дни после февральской революции организация рабочих боевых дружин в октябре — декабре 1917 года приняла массовый характер. Боевые дружины народного вооружения возникали не только в рабочих поселках, но почти в каждой волости бывшей Уфимской губернии.

К моменту контрреволюционного выступления казачьего атамана Дутова в Оренбурге, в Уфе насчитывалось уже 3 боевых дружины (городская, железнодорожная и фронтальной отряд) общей численностью около 3 батальонов бойцов. На заводах Южного Урала также были сформированы боевые дружины. В них вступали рабочие и беднейшие крестьяне всех национальностей, населяющих Уфимскую губернию. Кроме того создавались национальные боевые дружины. Так например на уральском фронте против Дутова в числе многих дружин действовала и «шестая, мусульманская дружина», состоявшая преимущественно из башкирской бедноты.

3

Башкирский буржуазно-националистический совет, обосновавшийся в Оренбурге, в Караван-Сарае, с первых же дней перехода власти в руки рабочего класса открыто выступил против советской власти, против большевиков. Он развернул бешеную антибольшевистскую агитацию среди башкирского населения, призывая башкирскую буржуазию и кулачество к расправе над большевиками.

Наряду с распространением гнуснейшей клеветы на большевиков и на советскую

Отряд Красной Гвардии на оренбургском фронте. 1918 год.

Центральный музей РККА.

власть башкирские буржуазные националисты начали создавать свою вооруженную силу для борьбы против советской власти. Эта контрреволюционная деятельность буржуазных националистов вызвала бурю возмущения среди трудящихся всех национальностей, населяющих Башкирию. На съездах советов (например Белорецкий межрайонный съезд советов), на многочисленных собраниях трудящиеся выражали свой протест против контрреволюционной деятельности башкирских националистов.

В первой половине декабря 1917 года белогвардейские отряды казачьего атамана Дутова напали на Оренбург и учинили кровавую расправу над Оренбургским советом. Башкирские буржуазные националисты поддерживали разбойничьи действия белогвардейского атамана.

Дутов продержался в Оренбурге около полутора месяцев. 4 февраля 1918 года Оренбург был взят красногвардейскими рабочими отрядами. Члены буржуазного башкирского совета, не успевшие бежать из Оренбурга вместе с Дутовым, были, по постановлению Оренбургского ревкома, арестованы.

4 февраля 1918 года в Оренбурге командование красногвардейских отрядов организовало временный революционный совет Башкурдистана, который приступил к подготовке съезда всех народностей, населяющих Башкурдистан.

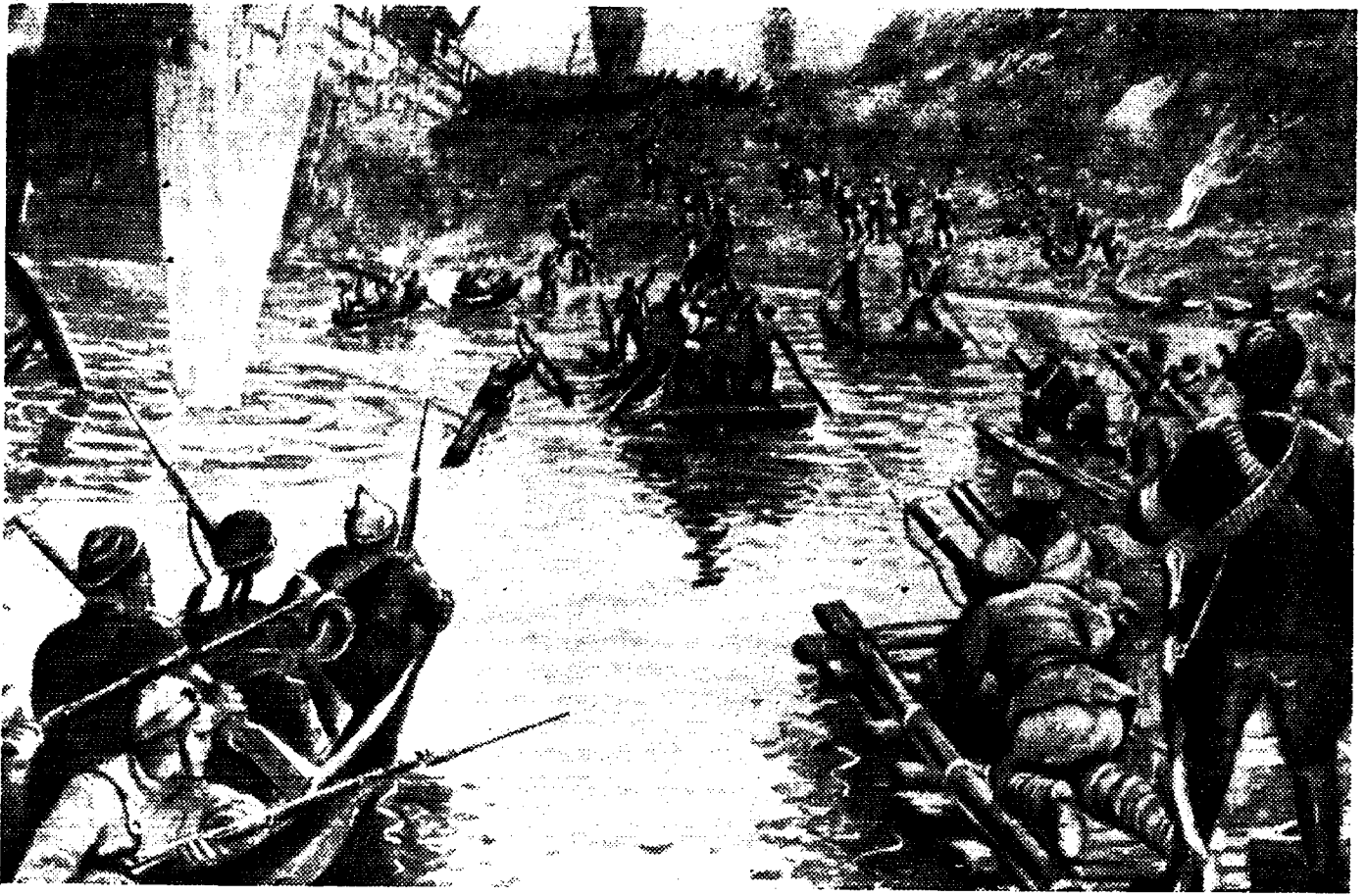
По делу башкирского буржуазного совета было организовано следствие, но до его

окончания, 3 апреля 1918 года, Дутов произвел бандинский налет на Оренбург и освободил башкирских контрреволюционеров, которые перебрались в Челябинск и образовали там контрреволюционное правительство.

В это время большевистская партийная организация Уфимской губернии все свои силы направляла на укрепление власти Советов на местах и создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В апреле 1918 года в Уфе собрался IV губернский съезд большевиков Уфимской губернии. Работа этого съезда имела огромное значение для укрепления боеспособности партийной организации и для победы советской власти. В мае 1918 года большевики организовали в Уфе съезд деревенской бедноты и батрачества, на котором была представлена беднота и батрачество всех национальностей, населяющих Уфимскую губернию. Тут были русские, украинцы, башкиры, татары, чуваша, мари, мордва и представители других национальностей. Съезд имел исключительное значение для укрепления местных органов советской власти и организаций батраков и бедноты.

Открывшийся вскоре 3-й губернский съезд советов принял практические решения об укреплении местных советов и о помощи высшей военной инспекции по организации Красной Армии.

Огромное внимание уделяли Уфимская партийная организация и Советы борьбе за хлеб за снабжение хлебом промышленных центров страны.

Бой под Уфой 9 июня 1919 года.

Центральный музей РККА.

Борьба за хлеб, организованное наступление деревенской бедноты на кулачество вызвали бешеное его сопротивление. Окрыленное начавшимся чехословацким мятежом, кулачество с оружием в руках выступило против деревенских и волостных советов, против власти Советов вообще. Волна кулацких восстаний прокатилась по всей территории Башкирии.

На открытую вооруженную борьбу с советской властью подбивали кулачество контрреволюционные партии — эсеры и меньшевики. Их агенты, разъезжая по селам, организовывали кулацкие повстанческие отряды, во многих случаях становились во главе этих банд.

Восставшие кулаки очень жестоко расправлялись с работниками местных Советов и активной частью бедняцкого населения волостей. Кулаки Ново-Троицкой волости кололи захваченных в плен вилами, выкалывали глаза ржавыми гвоздями. Секретаря волостного земельного отдела А. Г. Накорякова живым зарыли в землю.

Уфимский губернский исполнительный комитет выделил для борьбы с кулацкими восстаниями в тяжелой обстановке белогвардейского окружения (в Челябинске — чехословаки, в оренбургском направлении — дубовцы, в Самаре — учредилловцы и чехословаки) лучшие силы рабочих боевых отрядов. Уфимский губернский комитет большевиков мобилизовал всех членов партии,

способных носить оружие. Кулацкие восстания были ликвидированы. В огне гражданской войны, в борьбе с иностранной интервенцией (чехословаки) большевики создавали регулярные части Красной Армии.

4

23 декабря 1917 года между Англией и Францией было подписано соглашение «О разделе сфер влияния в России», т. е. о разделе территории Советской республики. В этом же соглашении намечались и практические планы интервенции. Антанта не жалела средств на организацию интервенции и очень щедро финансировала русского белогвардейского генерала Алексева (100 миллионов золотом) и командование чехословацкого корпуса.

Чехословацкий мятеж, организованный Англией, ударил по жизненным нервам молодого советского государства. Он разрушил железнодорожный и водный транспорт на огромном пространстве Советской республики, он остановил весь государственно-хозяйственный аппарат в тех районах, которые питали республику. Уральская промышленность вынуждена была прекратить работу, так как уральские рабочие были оторваны от своего производства борьбой с чехословаками; чехословацкий мятеж отрезал от центральных обла-

стей республики богатейшие хлебные районы — Поволжье, Сибирь.

Вся буржуазно-помещичья контрреволюция в России подняла голову. Чехословацкие мятежники организовали местные контрреволюционные силы. С их помощью возникли контрреволюционные правительства в Самаре и Омске. Чехословацкие мятежники оказали покровительство башкирским буржуазным националистам.

В ответ на призыв партии большевиков дать отпор контрреволюционным чехословакам повсюду организовывались боевые отряды, которые прибывали в распоряжение уфимского штаба. Но в то время как трудящиеся напрягали все силы, чтобы дать отпор хорошо вооруженным чехословацким войскам, в то время как самарский фронт подвигался к Уфе, а из Челябинска двигался тоже на Уфу другие части белочехов, эсерам удалось заслать в уфимский штаб обороны своего шпиона, полковника Махина, который выдал белочехам все оперативные планы уфимского штаба, дезорганизовал всю его деятельность, после чего перебежал к белочехам. На место Махина пробрался некий Харченко, также оказавшийся предателем, и это привело к тому, что Уфу белочехи взяли без боя.

Часть уфимских отрядов отступила вместе с губернскими организациями и учреждениями в Николо-Березовку, другая часть ушла в горы (стерлитамакские части и другие) и в Белорецке соединилась с отрядами южноуральских рабочих, которые затем проделали знаменитый 1500-километровый рейд в тылу у белых.

Как только белочехи заняли Уфу, началась зверская расправа буржуазии с трудящимися, истязания и казни тех рабочих-активистов, которые не успели уйти с отступавшими красноармейскими частями.

Особенно жестоко расправлялись учредиловцы и белочехи с коммунистами и пленными красноармейцами. 27 сентября 1918 года на станции Чишмы офицеры Базанского отряда замучили и расстреляли около 500 пленных красноармейцев.

Фабриканты и заводчики подняли голову: немедленно увеличили рабочий день и снизили заработную плату. Помещики при помощи учредиловцев стали захватывать бывшие свои земли.

Приказом № 124 от 22 июня 1918 года «Комуч» (комитет членов учредительного собрания) предписывал: «Право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году на 1918 год как в трудовых, так и нетрудовых хозяйствах, принадлежит тому, кто их произвел». Пользуясь

этим приказом, помещики к осени 1918 года повсюду на территории «Комуча» отобрали у крестьян все бывшие свои владения.

Почти одновременно с возникновением в Самаре «Комуча» возникло такое же контрреволюционное правительство в Сибири; несколько позже, когда чехословаки взяли Екатеринбург, там в свою очередь образовалось уральское областное правительство; в Челябинске подвизалось башкирское буржуазно-националистическое правительство З. Валидова (правительство Валидова не имело своей территории).

По директиве Антанты, эти правительства должны были об'единить свои силы под одним управлением. Но вскоре советские войска разгромили армию самарских учредиловцев, шансы которых стать «общероссийским правительством» уменьшились.

После захвата Челябинска чехословаками валидовцы, вырученные атаманом Дутовым из Оренбургской тюрьмы, переехали в Челябинск и немедленно приступили к организации вооруженных сил националистической контрреволюции в более широком масштабе. Они продали интересы башкирского народа русским белогвардейцам, продали башкирскую армию самарскому белогвардейскому «Комучу», а через некоторое время эту же армию второй раз продали сибирскому белогвардейскому правительству. И от самарского «Комуча» и от «сибирского правительства» валидовцы получили деньги, оружие, снаряжение. Валидовцы подчинили в оперативном и политическом отношении свою армию и тем и другим своим хозяевам, одновременно заявляя на всех перекрестках о полной автономии башкир.

Территория башкир находилась частью под властью «сибирского правительства», частью под властью «самарского правительства», а частью под властью Дутова. В уездах и волостях действовали русские белогвардейские начальники и учреждения. Налоги с башкирских селений собирались русскими белогвардейскими властями, а валидовцы жили за счет подачек белогвардейских «правительств» Самары и Омска.

Так обстояло дело на первых порах; но как только Колчак почувствовал за собой более или менее прочную силу, он издал приказ, которым ликвидировал даже видимость автономии валидовского «правительства». Башкирская «самостоятельная» армия была без сопротивления расформирована, валидовский военный совет распущен, а войсковые силы отданы под начальство Дутова.

Как только башкирские буржуазные националисты почувствовали за Колчаком

реальную силу, способную бороться за восстановление в России старых порядков, они прекратили разговоры о башкирской автономии и с радостью передали ему эвон войсковые части для использования их в общей борьбе буржуазии и помещиков всех национальностей против рабоче-крестьянского правительства Советской России.

Но стремления «национального» башкирского правительства натравить башкирских рабочих и крестьян, башкирскую армию на советскую власть не увенчались успехом.

«Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и крестьянами России, вдохновив верой в торжество социализма. Война же «национальных правительств» с советской властью довела их конфликт с этими «правительствами» до полного разрыва с ними, до открытого восстания против них»¹.

Яркой иллюстрацией к этим словам товарища Сталина является борьба башкирских трудящихся масс против «своего» «национального» правительства. Не желая воевать против советской власти, солдаты башкирской армии, насильно мобилизованные при помощи карательных отрядов и белогвардейских дружин, массами дезертировали. Для укрепления дисциплины валидовцы ввели режим старой, царской армии, применяли телесные наказания. Валидов лично распорядился сечь розгами пойманных дезертиров из «национальной армии».

В ноябре 1918 года участились случаи открытого организованного неподчинения башкирских солдат своему командному составу и неисполнения приказаний (бунт 1-го башкирского стрелкового полка, отказ юрматинского башкирского отряда выполнить боевой приказ Дутова, бунт в 4-м стрелковом башкирском полку и др.).

Великодержавная политика белогвардейцев окончательно дискредитировала их среди народных масс и привлекла симпатии трудящихся к советской власти.

В башкирских деревнях создавались партизанские отряды, которые открывали военные действия против валидовцев. Партизанское движение было особенно развито в Красноуфимском, Златоустовском, Верхнеуральском, Троицком, Орском, Оренбургском и Стерлитамакском уездах. Для борьбы с партизанским движением валидовцы создавали специальные кулацкие добровольческие отряды.

31 декабря 1918 года Красная Армия

заняла Уфу. Башкирские солдаты начали переходить на сторону Красной Армии. Сначала переходили отдельные солдаты, затем двинулись целые подразделения. В полках начинались восстания, фронт расшатался. 18 февраля 1919 года башкирский корпус стал на сторону советской власти.

Буржуазно-националистическое правительство Валидова, всеми силами боровшееся против советской власти, решило, чтобы не остаться за бортом, пойти на двуручнический маневр: объявить о своем переходе вместе с войсками на сторону советской власти, с тем чтобы продолжать свою предательскую работу, прикрываясь советским флагом.

В марте 1919 года был подписан предварительный договор между башкирским правительством и представителями советского командования, а 20 марта 1919 года в Москве товарищ Сталин подписал соглашение Российского рабоче-крестьянского правительства с башкирским правительством о советской автономии Башкирии. 23 марта 1919 года ВЦИК издал декрет о создании БАССР. Тогда же были созданы башкирские красноармейские части, которые показали отвагу и доблесть в боях против Колчака, Юденича, Деникина, панской Польши.

После разгрома Колчака и очищения всей территории Башкирии от белогвардейцев, т. е. в августе 1919 года, стало возможным практически осуществить советскую автономию Башкирии.

Товарищ Сталин лично участвовал в организации наступления Красной Армии на восточном фронте. Операцией по взятию Уфы руководил тов. Фрунзе.

9 июня 1919 года Уфа была взята 25-й Чапаевской дивизией.

С первых же дней существования БАССР правительство РСФСР оказывало всемерную помощь этой молодой республике. 6 октября 1919 года было опубликовано за подписью Ленина постановление СНК РСФСР о помощи Башкирии. Затем была создана «Башкиропомощь», которая имела большое значение не только в деле помощи башкирам, пострадавшим от белых, но и во всем советском, хозяйственном и партийном строительстве в Башкирии. Руководителем «Башкиропомощи» работал член ЦК РКП(б) тов. Артем (Сергеев).

Исключительная роль в деле создания Башкирской АССР принадлежит товарищу Сталину. Товарищ Сталин, как народный комиссар по делам национальностей, уделял огромное внимание созданию Башкирской советской республики, повседневно внимательно следил за деятельностью ее органов и оказывал им практическую помощь в работе.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73. 1939.

Вступление частей красной Армии в Уфу. Июнь 1919 года.

Центральный музей РККА.

Под непосредственным руководством товарища Сталина росла и укреплялась молодая башкирская большевистская организация. С помощью товарища Сталина была пресечена контрреволюционная деятельность буржуазных националистов в Башкирии, окрепла и стала расцветать Советская Башкирия.

Злейшие враги башкирского народа — Валидов и его подручные, — всячески маскируясь, вели подрывную работу, стараясь приспособить Советы к интересам башкирского кулачества, и готовили силы для возобновления открытой вооруженной борьбы против Советов. Они добивались бесконтрольности в своей деятельности, обособления башкирских красноармейских частей от Красной Армии, обособления башкирских советских органов от РСФСР; валидовцы пытались создать собственный комисариат внешних сношений. Одновременно они принимали все меры к тому, чтобы дезорганизовать снабжение Красной Армии и центров продовольствием.

Эти их действия пресекались правительством РСФСР и не дали желательных для буржуазных националистов результатов.

Валидовцы попытались совершить контрреволюционный переворот в Башкирии и подняли, опираясь на кулачество, восстание, которое было быстро ликвидировано. Валидов с частью своей банды бежал из Башкирии и после безуспешных попыток поднять восстание против советской власти в других местах страны присоеди-

нился к бандам басмачей в Туркестане, а затем бежал за границу.

Часть его сподвижников осталась в Башкирии. На словах отрекшись от Валидова и его деятельности, они пробрались в советские, хозяйственные и партийные организации и продолжали свою гнусную контрреволюционную деятельность. Не имея никакой опоры в народе, валидовцы искали и нашли себе поддержку в лице разведок империалистических государств, наемными агентами которых они и стали. Выполняя директивы своих хозяев, валидовцы сошлись с троцкистами и бухаринцами и вступили с ними в блок. Этот контрреволюционный блок ставил своей целью восстановить капитализм в СССР, расчленить советскую территорию и отдать ее империалистическим государствам.

Под руководством ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина партийная организация Башкирии и весь башкирский народ выжгли каленым железом змеиные гнезда контрреволюции.

На протяжении столетий царские колонизаторы, чиновники, помещики, бан, муллы и попы беспощадно угнетали свободлюбивый башкирский народ, физически уничтожали тысячи лучших его представителей. Обреченные на голод, неграмотность, одичание, туберкулез, трудовые башкирские массы горячо стремились к освобождению от векового рабства, боролись за свою национальную и социальную свободу. Великая Октябрьская социалистическая революция, партия Ленина —

Сталина принесли башкирскому народу полное освобождение от двойного гнета. В дружной семье советских народов, под руководством великого русского народа башкирский народ борется за могущество и процветание социалистического отечества.

Ленинско-сталинская национальная политика воодушевила башкирский народ на борьбу за выполнение сталинских пятилеток, укрепила моральное и политическое единство башкирского народа. Выборы в Верховные Советы СССР, РСФСР и Башкирской АССР показали нерушимость блока коммунистов и беспартийных, единодушно голосовавших за партийных и непартийных большевиков, за непобедимую партию Ленина—Сталина.

В бывшей царской колонии, где имелась только карликовая промышленность, за 2 пятилетия построены крупнейшие заводы — моторный, крекингзавод — и десятки других важных индустриальных предприятий. Здесь созданы Ишимбаевские и Туймазинские нефтепромысла.

Только за вторую сталинскую пятилетку в народное хозяйство Башкирии вложен 941 миллион рублей.

6500 тракторов и свыше 3 тысяч комбайнов работают на колхозных и совхоз-

ных полях Советской Башкирии. Больше 1500 хат-лабораторий добивается новых побед на фронте урожайности башкирских полей.

Большевистская партия возродила башкирский народ к светлой, творческой, зажиточной жизни. Неграмотность среди населения Башкирии ликвидирована. В 1937 году в начальных и средних школах Башкирской АССР училось 545 тысяч учащихся; свыше 18 тысяч молодых граждан Башкирии учатся в 4 вузах и 60 техникумах республики, а также в вузах и техникумах других советских республик.

С 1932 по 1937 год расходы на народное просвещение выросли в Башкирии с 24 миллионов рублей в год до 160 миллионов.

Если в 1933 году на народное здравоохранение здесь было израсходовано 12 миллионов рублей, то в 1937 году цифра эта выросла до 55 миллионов.

Все это иллюстрирует великие победы ленинско-сталинской национальной политики, победы социалистического строя. Дружная семья советских народов, руководимая большевистской партией и товарищем Сталиным, твердо и уверенно идет вперед, к победе коммунизма.

РАННИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

Традиционные поджигатели войны, материальные империалисты Англия и Франция, потерпели в наши дни политическое и моральное поражение, от которого им нелегко будет оправиться, если они оправятся вообще. Эти две «передовые» державы первыми вышли на широкую улицу империалистического разбоя; быть может, им первым положено историческим законом и сойти со сцены как великим державам империалистической эпохи. В этой связи нам, присутствующим при их начавшемся закате, интересно и поучительно будет взглянуть на то время, когда занялась империалистическая заря их восхождения.

* * *

Начало 70-х годов было годами полного расцвета английского промышленного капитализма. Никакой сколько-нибудь серьезной конкуренции он нигде не встречал — ни на внутреннем, ни на внешнем рынке; и в промышленном, и в торговом, и в финансовом отношении Англия стояла далеко впереди других стран. Свыше 11 млн. центнеров обработанного хлопка, 359 млн. английских фунтов обработанной шерсти, 6,6 млн. тонн выплавленного чугуна, 127 млн. тонн добытого угля, 22 млн. тонн грузового оборота в портах, 3150 млн. золотых рублей чистого импорта и 2550 млн. золотых рублей специального экспорта, 60 041 млн. золотых рублей разных платежных операций, прошедших через лондонский банковский центр, — таковы цифры, характеризующие состояние английского капитализма на 1873 год. В этом же году доходы от судоходства составили 605 млн. золотых рублей, от разных комиссий и страхования по заграничным оборотам — 172 млн. золотых рублей и от заграничных инвестиций — 480 млн. золотых рублей.

Это было завершение целой эпохи промышленной экспансии на основе монопольного господства на мировом рынке, породившего теорию и практику фритреда (свободы торговли) и либерализма как выраженный догматической веры в творческую мощь буржуа-предпринимателя, свободного в своих действиях как от препоп, так и от опеки и исторически доказавшего силу и успехи своей инициативы и предприимчивости. С точки зрения этих двух связанных между собой наподобие сямских

близнецов устоев практики (фритреда) и мировоззрения (либерализма), Англия ни в чем другом не нуждалась, кроме как во всеобщем мире и свободе экономических и общественно-политических отношений. Войны были вредны, протекционизм был вреден, привилегии аристократии были вредны, сама монархия была ненужна, и даже колонии были излишни. Еще не так давно, в 1852 году, Дизраэли, лидер консервативной (или, как она тогда называлась, торийской) партии, занимавший в тот момент пост канцлера казначейства, писал своему коллеге по иностранным делам: «Все эти несчастные колонии будут через несколько лет независимы и сейчас лишь являются мельничными жерновами на нашей шее». О том, как думали либералы, дают представление высказывания основоположника фритреда Ричарда Кобдена еще в 1842 году, и его слова остались заветом для всего последующего либерализма: «От колониальной системы со всеми ее ослепительными призывами к народным страстям мы никогда иначе не избавимся, как косвенно, через свободу торговли, которая постепенно и незаметно развяжет узы, соединяющие наши колонии с нами неправильными понятиями о наших интересах».

Но как раз момент наивысшего подъема английского промышленного капитализма был началом его постепенного упадка. 1873 год отмечает некий рубеж в экономическом и колониально-политическом развитии Англии. Осенью этого года в Вене разразился денежный кризис, который перебросился в Германию, где произошел полный крах; оттуда он распространился по всему континенту и в 1874—1875 годах захватил и Англию. С этого момента¹ по всей Европе начинается период депрессии, перемежающейся с сильными кризисами и лишь изредка прерывающейся недолгими подъемами; этот период длится

¹ Приводя цифры одного германского географа о колониальных приобретениях между 1876 и 1900 годами, Ленин («Империализм». Соч. Т. XIX, стр. 134—135) говорит: «...мы возьмем 1876—пункт, выбранный очень удачно, ибо именно к этому времени можно, в общем и целом, считать законченным развитие западноевропейского капитализма в его до-монополистической стадии». Это особенно ясно обнаруживается по отношению к Англии.

вплоть до начала 90-х годов, охватывая почти два десятилетия, а в Англии, особенно тесно связанной с мировым рынком, даже дольше.

Указанная выше цифра английского экспорта стала постепенно падать, дойдя до 1920 млн. золотых рублей в 1879 году, затем в течение 3 лет она вновь начала подниматься, дойдя до 2400 млн. в 1883 году, потом она опять снижается, немного поднимается, опять падает и повышается, доходит до 1490 млн. в 1889 году и лишь в следующем году переваливает за цифру 1873 года, дойдя до 2630 млн. золотых рублей. Затем она начинает вновь падать, спускаясь до 2160 млн. в 1894 году, и затем, кружась по спирали, наконец, доходит до 2550 млн. — той же цифры, на какой экспорт стоял 28 лет назад, причем, однако, в эту цифру впервые включен до тех пор не включавшийся вывоз судов и машин!

Англия темнo поражена каким-то недугом, и это сказывается на самом производстве. Конечно, последнее не останавливается и продолжает расти, но темпами, по сравнению с прошлым, весьма замедленными. Потребление хлопка, например, после ряда колебаний вверх и вниз лишь в 1880 году доходит до цифры в 12 млн. центнеров и лишь через 10 лет после этого переваливает через 14 млн., оставаясь на этой цифре, за исключением 2 лет, до начала нового столетия. Производство чугуна лишь в 1880 году переходит седьмой миллион тонн и, опять же за исключением 2 лет, продолжает вплоть до первых лет нового столетия оставаться на уровне 7—8 млн. тонн.

Промышленное развитие Англии явно застопорилось на 25 лет; лишь в новом столетии, благодаря реорганизации и появлению новых индустрий, оно вновь оживает. Но при этом нужно отметить следующее явление: при общем падении экспорта наибольшее падение обнаруживает экспорт в иностранные государства; напротив, экспорт в колонии не уменьшается, а даже увеличивается. Это видно из приводимой небольшой таблицы:

Специальный вывоз
(в средних цифрах за пятилетия)

Г о д ы	Всего (в млн. золотых руб.)	В иностр. государств. (в %)	В английские колонии (в %)
1870—1874	2 340	74,2	25,8
1875—1879	2 010	66,9	33,1
1880—1884	2 340	65,5	34,5
1885—1889	2 260	64,9	35,1
1890—1894	2 340	66,5	33,5
1895—1899	2 370	65,9	34,1
1900—1904	2 822	62,7	37,3

Совершенно естественно, что культурные и плодно населенные иностранные государства все еще брали больше товаров у Англии чем отсталые и малонаселенные или эксплуатироваемые колонии, по примечательно, что за обозреваемое 30-летие доля участия последних в импорте английских товаров возросла от немногим свыше одной четверти до свыше одной трети всей ценности его, в то время как соответствующая доля иностранных государств значительно упала.

Замедление темпов развития торговли, а риконшетом и развития промышленности привело к характерному явлению: в стране оказалось много свободных капиталов, искавших себе приложения.

Это видно из движения учетной ставки Английского банка, которая в среднем составляла $4\frac{3}{4}$ в 1873 г., а затем стала снижаться: $3\frac{3}{4}$ — в 1874, $3\frac{3}{4}$ — в 1875, $2\frac{5}{8}$ — в 1876, $2\frac{7}{8}$ — в 1877 г. и т. д., колеблясь, за исключением двух лет, вокруг 3 вплоть до начала нового столетия. Сообразно с этим повышается курс 3-процентных бумаг консолидированного государственного долга (так называемых консолей), который в пятилетие 1870—1874 гг. стоял в среднем на уровне немного свыше 92, а затем стал повышаться: $93\frac{3}{4}$ — в 1875 г., 95 — в 1876, $95\frac{3}{8}$ — в 1877, $95\frac{3}{16}$ — в 1878, $97\frac{1}{2}$ — в 1879 и т. д. до 100 — в 1881 г., а в дальнейшем даже выше, доходя до свыше 110 и не падая ни в одном году ниже 95—97. За это время, по причине той же промышленной депрессии, снижаются внутренние эмиссии и растут эмиссии заграничные и колониальные. В 1873 г. внутренние эмиссии составили 247 млн. зол. рублей, в 1874 — 241 млн., в 1875 — 175 млн., в 1876 — 161 млн. зол. рублей, в 1877 г., по случаю займа в связи с угрозой военного столкновения с Россией, объявившей тогда войну Турции, эмиссии сделали прыжок и достигли цифры в 211 млн., но затем они вновь падают: 183 млн. — в 1878 г., 157 млн. — в 1879 и 192 млн. — в 1880 г. За это время эмиссии для заграничных целей также падают вплоть до 1879 г. из-за экономического, а затем политического (восточного) кризиса от 423 млн. зол. рублей в 1874 г. до 189 млн. зол. рублей в 1878 г., но уже к следующему году они повышаются до 224 млн., а затем продолжают неуклонно расти, достигая в 1889 г. цифры в 992 млн. зол. рублей. К сожалению, у нас нет данных, чтобы судить, какая часть этих заграничных инвестиций шла в иностранные государства и какая в колонии.

Огромный рост железнодорожного и муниципального строительства в Канале, Ав-

стралии и Индии, а также развитие хлопковых и чайных плантаций в Индии и на Цейлоне заставляют думать, что туда шли в этот период большие средства. Во всяком случае, по приблизительному подсчету, в 1881 году на руках английских капиталистов находилось на 1450 млн. золотых рублей облигаций колониальных (правительственных и муниципальных) займов, на 1800 млн.— индийских правительственных и железнодорожных облигаций и приблизительно на 1 млрд.— колониальных железнодорожных и банковских бумаг. Всего же сумма вложений за пределами страны исчислялась в 12 500 млн. золотых рублей. Как указывалось выше, Англия уже и до того получала большие доходы с инвестиций за границей; ее чудовищные накопления за два века морской торговли и морского разбоя, торговли невольниками и эксплуатации — грабежа таких колоний, как Индия и Вестиндийские острова — создали в ней огромную массу свободных капиталов, которые и после завершения индустриализации имелись в избытке и находили применение за границей в виде займов, финансирования железных дорог и пр. Но ныне избыток возрос вследствие наступившего застоя в развитии торговли и промышленности, и отлив его за пределы страны носил явно нездоровый характер.

Вот это обстоятельство, с одной стороны, и рост значения колоний как рынков сбыта и инвестиций — с другой, нанесли чувствительный удар по самоуверенности фритредерского либерализма и его нигилистическому отношению к «колониальной системе». Так ли уж колонии мало важны, если одна Индия дает дохода на вложенный в ее бумаги капитал на сумму 80 млн. золотых рублей и поглощает больше четверти всей хлопчатобумажной продукции Англии? И подлинно ли фритред так обеспечивает торгово-промышленное развитие до бесконечности, как до сих пор думали? В последнем особенно стал сомневаться капитал тяжелой промышленности, который сейчас, в связи с большим железнодорожным строительством в колониях и в обеих частях Америки, стал выдвигаться на первое место в английской индустрии, постепенно оттесняя хлопок. В 1871 году в Соединенном Королевстве лишь 489 230 человек были заняты в металлургии и машиностроении против 1 446 260 в текстильной промышленности. В том же году 518 798 человек заняты были в горной промышленности. В 1881 г. в металлургии и машиностроении насчитывалось уже 901 954 человека против 1 337 500 в текстильной и 589 194 в горной промышленности. Еще через десять

лет, в 1891 г., число лиц, занятых в первых двух из упомянутых индустрий, уже перевалило за миллион, составляя 1 056 724, число лиц в горной промышленности повысилось до 724 526, а в текстильной число занятых лиц лишь немного поднялось — до 1 391 453. Но уже в начале нового столетия, в 1901 г., металлургия и машиностроение занимали 1 435 835 лиц, обогнав текстильную промышленность, в которой работали 1 301 885 человек; число лиц в горной промышленности тоже почти достигло миллиона, составив 906 541 человек. Прогресс тяжелой промышленности нашел отражение и в экспорте. В 1870 г. Англия вывезла хлопчатобумажных изделий и пряжи на 814 млн. зол. рублей, а металлургических изделий и машин — на 335 млн., что составило едва 48% от хлопчатобумажного экспорта. В том же году вывоз угля составил 56 млн. зол. рублей. Но уже через двадцать лет, в 1890 г., наряду с 744 млн. зол. рублей хлопчатобумажного вывоза Англия вывезла металлургических изделий и машин на 547 млн., что составило уже свыше 73% от первой цифры, а угля она вывезла на 190 млн. Еще через десять лет, в 1900 г., последнем году XIX столетия, вывоз хлопчатобумажных изделий составил 697 млн. зол. рублей, а вывоз металлургических изделий и машин — 572 млн., или свыше 82%; вывоз же угля повысился до 386 млн. зол. рублей.

Это перемещение в ценностном составе английского экспорта в сторону тяжелой промышленности имело тем большее значение, что как раз последняя, концентрируя большие массы капитала, а поэтому обладая и большим непосредственным удельным социальным и политическим весом, вместе с тем подвергалась большему давлению со стороны возникшей к этому времени иностранной конкуренции. Само собой разумеется, что капитал, представленный в этой промышленности, скорее других мог усомниться в единственности фритредерства. Мало того, связанная больше с производством средств производства и транспорта чем с производством предметов потребления, связанная также с производством разного вида вооружения, эта промышленность даже еще до эпохи империализма искала вовне уже не просто рынков сбыта, подобно текстильной, а более или менее обеспеченных, более или менее закрепленных (концессиями, подрядами и пр.) рынков для сооружения железных дорог, портов, гаваней, для поставок правительствам вооружений и, наконец, для добычи и вывоза из них сырья. Для этой промышленности колониальный или полуколониальный рынок, вроде турецкого или

южноамериканского, имел уже совсем иное значение. Капитал тяжелой промышленности был поэтому более склонен к пересмотру старой либерально-фритредерской практики и идеологии и переходу в стан протекционизма, милитаризма, империализма.

В 70-х годах, а еще более в следующем десятилетии английский либерализм и фритред переживал, таким образом, первый кризис. Первым глашатаям новых воззрений явился не кто иной, как тот же Дизраэли (вскоре получивший титул лорда Биконсфильда), который так неслестно отзывался о колониях, а еще раньше даже «сочувствовал» рабочему классу. Трудно думать, чтобы он уже в 70-х годах, когда кризис лишь начинался, мог превидеть все то развитие, которое мы описали выше; но в поисках платформы для воссоздания торийской партии, которая уже 20 лет сидела на оппозиционных скамьях и никак не могла дорваться до власти, он учуял возникавшее в высших сферах английско-

го капитализма настроение и, сочетая его с некоторыми стремлениями биржи, двора, колониального чиновничества, военщины и не в последнюю очередь крупной земельной аристократии (во владениях которой при ее же финансовом участии разрабатывались угольные шахты и железные руды и строились металлургические заводы), поднял знамя «империализма»¹, всебританского патриотизма и расширения и укрепления Британской империи. Это был лозунг, прямо противоположный лозунгам старого английского либерализма, и он возымел свое действие: отныне он становится кристаллизационным пунктом для всех указанных слоев английского общества, к которым в течение дальнейших десятилетий постепенно присоединяется наиболее важный из всех — слой капиталистов крупной тяжелой промышленности, магнатов отечественного и мирового рынка, строителей и руководителей гигантских объединений, трестов и прочих монополистических образований. Под либеральным знаменем остаются представители текстильной промышленности, судовладельцы, часть банковского капитала, финансирующая внешнюю торговлю, вся мелкая буржуазия и рабочий класс, заинтересованные в сохранении свободы торговли, обеспечивающей низкие цены на предметы потребления. С вилу и эта фаланга тоже очень сильна, но она разношерстна и с течением времени слабеет и тает в неравной борьбе с империалистической коалицией, которая мало-помалу привлекает на свою сторону прессу, пытающуюся ее богатыми рекламными и постепенно попадающую в руки гигантских капиталистических концернов, церковь, князья которой сами принадлежат к аристократии, верхнюю палату парламента, палату лордов, пабпрасную из аристократии и высшей плутократии, и т. д. Отныне между обоими лагерями разгорается борьба, которая тянется десятилетиями и кончается полным политическим разгромом либерализма.

Уже в середине 80-х годов последний получает первый чувствительный удар: под предлогом сохранения целостности Британской империи, будто бы угрожаемой гомеонским планом наделения Ирландии местным самоуправлением (гомрулем)², от

¹ Термин «империализм» имеет свою предисторию. Его придумал еще Наполеон III в целях противопоставления своей «всемиротворящей социальной империи» социализму, основанному на «разжигании политических страстей». Биконсфильд употребил его для своих демагогических целей отвлечения публики от либеральных лозунгов пацифизма и *laissez faire* путем противопоставления им идеала великой Британии, властвующей над огромным колониальным миром. В англо-бурской войне 1899—1902 годов, в которой на стороне Англии приняли деятельное участие и канадцы и австралийцы с новозеландцами, термин «империализм» претерпел некоторое изменение в смысле «демократизации» его содержания: он стал обозначать на языке его идеологов содружество самоуправляющихся колоний (доминионов) с метрополией, и в толковании Джозефа Чемберлена, выступившего в 1903 году с протекционистской агитацией, он конкретизировался в смысле экономической увязки метрополии со своими колониями путем видоизмененного таможенного союза в духе «Zollverein» на основе взаимных предпочтительных пошлин, наряду с более тесным политическим и военным сотрудничеством. Одновременно ввиду связи нового его применения с гнусной бурской войной он стал обозначать колониальную агрессию вообще, и в этом смысле много дебатировался в литературе II интернационала, старавшейся установить его отличие от старой колониальной политики. Указание на эти обсуждения мы находим в сокружительной критике Лениным учения Каутского и других в его «Империализме». Ленин был единственным, который установил правильное его содержание, обличив его экономическую и политическую сущность.

² От английского слова «Home rule» — собственное управление, автономия. Революционное движение ирландских националистов, сопровождавшееся аграрным и индивидуальным террором, бойкотом, отказом вносить арендную плату помещикам и платить налоги, бешеной обстрелами в парламенте, заставило Гладстона предложить для Ирландии весьма умеренную автономию после того, как такую меру за-

либеральной партии откалывается и переходит во вражеский лагерь ряд виднейших ее вождей во главе с герцогом Девонширским, богатейшим землевладельцем, участвующим в ряде горнопромышленных предприятий, и упомянутым Джоозефом Чемберленом. С этого момента несмотря на влияние и таланты самого Гладстона участь либеральной партии решена: в ее собственной среде, не покидая ее, а оставаясь в ней с подрывными целями, возникает группа, открыто себя называющая либерал-империалистами, во главе с лордом Розбери, зятем Ротшильда, и его друзьями Аскептом, Хэддейном и Греем, к которым после смерти Гладстона и переходит руководство партии.

Пребывание Дизраэли на посту премьера с 1874 до 1880 года создало перелом в английской внешней, колониальной и внутренней политике. В 1875 году он без ведома парламента, секретным образом, при любезной помощи Ротшильдов, приобретает для английского правительства за 40 млн. золотых рублей пакет акций Суэцкой компании (176 602 штуки из общего числа 400 тысяч) у свильно стесненного в деньгах египетского правителя (хедива) Измаила-паши. С финансовой стороны эта сделка была очень выгодна: Ротшильды понимали толк в таких делах, и Дизраэли тоже не был лишен коммерческого чутья. Но политическая сторона ее была еще значительнее: она передала под фактический контроль Англии Суэцкий канал, ближайшую и важнейшую дорогу в Индию и в Азию вообще, и создала для Англии положение, при котором она смогла предъявлять, по капиталистическим законам морали, как будто права на вершение судеб Египта, суверенного владельца канала. Вот почему эта сделка вызвала всеобщий восторг — даже в среде либеральных и фригредерских хлопчатобумажных фабрикантов, которым мысль об эксплуатации египетских хлопковых плантаций, естественно, весьма улыбалась. И действительно, рядом ловких биржевых маневров Ротшильдам, Гошенам и другим финансистам легко удалось дове-

думали консерваторы. Его попытки не удалась, разбиваясь всякий раз о сопротивление палаты лордов, отвергавшей без церемонии его законопроекты. Дряблый либерализм его и его ближайших преемников так и не преодолел этой обструкции, и лишь после революционного восстания в пасхальные дни 1916 года, о котором писал Ленин («Итоги дискуссии о самоопределении». Соч. Т. XIX, стр. 267—271), и после еще более широкого, всенародного вооруженного восстания 1919—1921 годов Ирландия получила широкую автономию, приближающуюся к независимости.

сти хедива до открытого банкротства, учредить над Египтом вместе с французскими коллегами международный финансовый контроль, затем ввести своих агентов в самое министерство, после чего низложить сопротивлявшегося хедива с престола и посадить на него беззольную куклу и, наконец, в 1882 году, спровоцировав восстание, воспользоваться нерешительностью своих французских партнеров, напасть и захватить Египет в свои руки. Последняя фаза была уже проделана преемником Дизраэли-Биконфильда либеральным Гладстоном, что было характерно для происшедшей в короткое время передвляжки в соотношения социально-политических сил.

В том же году на другом, южном конце того же африканского материка затевается новое колониальное предприятие. Там давно уже шла борьба между англичанами, рано захватившими Кап — важную для них станцию на тогдашнем морском пути в Индию, — и первоначальными колонистами его, голландскими бурами. Англичане выжили их из Капа на север, но продолжали их теснить все дальше, потому что вокруг Кимберлея, где буры обосновались, оказались алмазные россыпи. Но, поселившись окончательно по ту сторону р. Вааля (отсюда название их новой республики — Трансвааль), буры и тут оказались не к месту, так как, будучи уже однажды оттеснены от морского берега до перехода Вааля, они задумали связаться железной дорогой с бухтой Делагоа в португальских владениях. Недолго думая, правительство Дизраэли в 1875 году провозгласило аннексию Трансвааля и Капской колонии, осуществляя этим мечту местных колонистов о распространении британской власти над всей Южной Африкой. С этой же целью кабинет Дизраэли затеял завоевание земли зулусов, расположенной между Трансваалем и берегом к югу от Делагоа; последовала жесточайшая война с этими воинственными и сравнительно культурными племенами, объединенными под властью короля Сеттивайо. Война эта окончилась лишь в 1879 году полным разгромом зулусов и присоединением их территории к Британской империи. И здесь эпилог в этому империалистическому эпизоду выдан был Гладстоном: в конце 1880 года буры восстали, и посланные против них британские войска были в феврале следующего года разбиты наголову при Маждуб-хилле, причем погиб и сам командующий — генерал Колли. Только тогда Гладстон решился пойти на отказ от аннексии, но в заключенном им с бурами трактате он все же оговорил сюзеренитет Англии, английский контроль за внешними сношениями буров и право прохода английских войск через трансваальскую тер-

риторию. Фактически этим был установлен протекторат над бурами, который, однако, через три года пришлось смягчить удалением из трактата упоминания о британском сюзеренитете и сведением внешнеполитического контроля к запрещению бурам заключать договоры с иностранными государствами (кроме другой смежной бурской республики — Свободного Оранжевого государства) без согласия Англии. Таким образом, империалистическое жало все же было оставлено Гладстоном в англо-бурских отношениях.

В 1876 году по случаю исполнения 50-летия царствования королевы Виктории правительство Дизраэли преподнесло ей титул императрицы Индии. Особенно гордиться этим титулом не было основания: как раз в этом году в Индии свирепствовали необычайный голод и страшная чума, унесившие миллионы «счастливых» подданных новой императрицы в могилу. Этот театральный жест вызвал резкую критику среди отживавших свой век республиканцев и демократов, но и тут талантливый плут оказался исторически прав: слово «империя» отныне дает название всей совокупности английских колониальных владений, входит в политический обиход и становится эффективным жупелом в устах английских империалистов против либералов, «сторонников Малой Англии» (Little Englanders).

Уже через два года Дизраэли вскрывает перед публикой реальный смысл этого титула. Разражается после 25-летнего перерыва ближневосточный кризис в результате победоносной войны России против Турции и заключения пресловутого Сан-Стефанского договора, создавшего под протекторатом России великую Болгарию до Эгейского моря и почти до самых стен Константинополя. Англичане встревожились: Болгария — это будущее русское генерал-губернаторство, выход его в Эгейское море — это выход России в Средиземное море, через которое пролегает широкая английская дорога в Индию, а приближение России к Константинополю — это неизбежный захват ею заветных проливов, ведущих туда же, и ключевой позиции ко всей Передней Азии. А помимо всего прочего столь жестокое умаление Турции грозило огромными потерями английским капиталам, вложенным в турецкий государственный долг, в различные предприятия в Малой Азии и самом Константинополе и в обширную турецкую торговлю. С помощью прессы, мюзик-холлов, церковных амвонов и бесчисленных митингов Дизраэли поднимает патриотический шум, какого Англия даже в зенитные годы Пальмерстона не слыхала. Вся Англия клялась именем «Джинго» (выдуманное

мюзик-холлами слово для маскирования имени бога, которого благочестивые англичане остерегались упоминать всуе, отсюда новое обозначение патриотизма — «джингоизм», сродное французскому «пювнизму»), что у нее «вдоволь кораблей, вдоволь людей, а если потребуется, то и вдоволь денег». Парламент вотировал необходимую сумму на военные издержки: правительство послало флот в Дарданеллы и вызвало несколько полков из новопеченной Индийской «империи». Русскому правительству был направлен ультиматум: пересмотр Сан-Стефано и новый договор с Турцией при участии держав, заседающих в конгрессе, или война.

Царское правительство не устояло перед этим блефом и уступило. В 1878 году собрался международный конгресс в Берлине, и новым, коллективно выработанным шестью великими державами, включая Турцию, трактатом великая Болгария была превращена в очень малую Болгарию; Австрия, противница России, получила две турецкие провинции для того, чтобы помешать образованию Великосербии вместо Великоболгарии и получить голос в будущих судьбах Балкан против России, а сама Англия мимоходом прихватила себе остров Кипр в качестве награды за свои услуги Турции по спасению ее от алчности России. «Я приношу вам мир с почетом», — заявил по возвращении из Берлина восторженной лондонской толпе Дизраэли, награжденный еще в 1876 году за придуманную им Индийскую империю титулом лорда Биконсфильда.

Он ограбил безопасность Индии, обеспечил существование Турецкой империи, где было вложено столько английских капиталов, умножил владения Британии — и все это без единого выстрела, ценой не так уже дорого обходившейся театральной демонстрации. Попутно он указал на пользу Индии. Дизраэли стал героем, и его империалистические лозунги приобрели неслыханную популярность даже в пародных массах, несмотря на то что как раз в эти годы эти массы поставляли в среднем не много не мало 753 тыс. человек — взрослых и детей, мужчин и женщин — в «рабочие» дома и в другие учреждения общественного призрения в одной Англии с Уэльсом; мы оставляем при этом в стороне безработных, составлявших в 1880 г. 5,2 проц. даже среди организованных в профсоюзах квалифицированных рабочих, и 164 274 лиц, эмигрировавших из «счастливой» Англии, владычины Индии и Кипра, в поисках хлеба и крова.

Но и этим еще не исчерпывалась активность Дизраэли на кровавой заре британского империализма.

Чтобы создать диверсию против «накост-

ной англичанки», срывавшей ее «освободительную» миссию на Балканах, царская Россия тоже пошла на театральную демонстрацию, послав целых 20 тыс. человек на завоевание Индии и спарятив миссию во главе с генералом Столетовым в Кабул к афганскому эмиру для противодействия английским козням. Кабинет Дизраэли не особенно испугался угрозы завоевания Индии русским отрядом, но очень был обеспокоен возможностью возвращения русских в Афганистане, который всего за несколько лет до этого, в 1869 году, русский канцлер Горчаков признал находящимся вне сферы русского влияния. Кабинет решил послать свою собственную миссию в Кабул, чтобы противодействовать Столетову, но, подстрекаемый последним, эмир отказался ее принять, и Дизраэли решил расправиться с эмиром силой. Осенью 1878 года, через 3 месяца после окончания Берлинского конгресса, англо-индийские войска вторглись в Афганистан и началась война, которая привела к захвату Кабула и Кандагара и заключению договора о протекторате, но потом перешла в борьбу с всеобщим восстанием, имевшим весьма печальные последствия для захватчиков. В это время Дизраэли пришлось уйти в отставку, и его либеральному преемнику Гладстону пришлось ликвидировать афганскую путаницу. Англичане очистили Афганистан, отказались от права содержать в Кабуле посольство, но обязали эмира прекратить все сношения с Россией. Вдобавок либеральный кабинет захватил у афганцев несколько стратегически важных пограничных пунктов и перевалов.

Шесть лет, которые Дизраэли-Биконсфильд пробыл у власти, представляют, таким образом, почти непрерывную эпопею империалистических начинаний и эпизодов, в ряде случаев носивших явно выраженную печать биржевых интересов (Египет, Турция) и во всех случаях утверждавших новую доктрину об отношении к колониальной империи как важному рынку сбыта и источнику власти. Индия, до сих пор ценившаяся в качестве объекта финансовой, торговой и чиновничьей эксплуатации, приобретает новое значение как источник живой силы, пушечного мяса для английских войн: опыт, проделанный в 1878 году, был повторен также в Афганистане, а через 20 лет был применен в большем масштабе во время англо-бурской войны, а в еще большем масштабе — в мировой войне на всех азиатских и африканских фронтах.

* * *

Второй по возрасту и силе капитализм был французский, но ему не так повезло,

как его собрату по ту сторону Ламанша. Долгие столетия ему мешал в развитии застоявшийся феодализм, который, держа в крепостном состоянии крестьянство, не давал образоваться кадрам «свободного» наемного труда и своими чудовищными налогами и поборами и бесчисленными войнами за европейскую гегемонию разорял страну, задерживал накопление капитала и истощал возможности внутреннего рынка. К концу XVIII века Франция растеряла (в пользу Англии) все старые и богатые колониальные владения, снабжавшие метрополию неиссякаемыми источниками первоначального накопления. Грандиозная революция конца XVIII века смела феодализм, но создание массы мелкого крестьянства также отрицательно повлияло на рост наемного труда, а последовавшие войны, длившиеся почти четверть века, опустошили работоспособное мужское население и вообще задерживали строительство капиталистической индустрии несмотря на покровительственные меры, принимавшиеся Наполеоном против жестокой конкуренции англичан. Между тем денежное накопление совершалось в значительных размерах, отчасти путем грабежа, которым сопровождалась завоевательные походы Директории и Наполеона, отчасти благодаря массовым сбережениям трудолюбивых крестьян, с жадностью бросившихся на долгожданную землю. С прекращением войн, т. е. со времени Реставрации, промышленность Франции стала развиваться. К 1848 году, накануне февральской революции, добыча угля составляла около 3 млн. тонн по сравнению с 800 тыс. тонн в 1815 году, а выплавка чугуна составляла 400 тысяч тонн по сравнению со 120 тыс. тонн в 1815 году. Паровых двигателей насчитывалось в 1830 году не более 10 тыс. лошадиных сил, а в 1847 году их было более 61 тысячи. Особенно развилась текстильная промышленность, процветавшая и в прежние века, но в форме мануфактуры. В 1847 году в хлопчатобумажной промышленности насчитывалось уже 3,5 млн. веретен и 116 тыс. ткацких станков; по шерстяной промышленности продукция увеличилась вдвое по сравнению с 1815 годом, а шелкопрядильная промышленность занимала 90 тыс. станков в одном Лионском округе. Вся промышленная продукция, которая к концу Первой империи оценивалась в 480 млн. золотых рублей, достигла в 1847 году 1600 млн. золотых рублей. При Второй империи промышленность сделала дальнейшие успехи. Мощь паровых двигателей в стране достигла в 1869 году 320 тыс. лошадиных сил, добыча угля — 13,5 млн., а выплавка чугуна — 1,3 млн. тонн. Вывоз Франция (так называемый специальный)

составил в 1846 году около 700 млн. золотых рублей, а в 1869 году — 1230 млн. золотых рублей. При Третьей республике промышленность продолжала развиваться, хотя более медленными темпами. Добыча угля возросла до 20 млн. тонн в 1884 году и до 27,4 млн. тонн — десятию годами позже, а выплавка чугуна увеличилась до 1,8 млн. в 1884 году и до 2,0 млн. тонн в 1894 году. Специальный вывоз Франции составил 1293 млн. и 1231 млн. золотых рублей соответственно.

Легко, однако, видеть, что несмотря на свой рост французская промышленность сильно отставала от английской. Достаточно указать, что в 1894 году, чтобы не заходить дальше последнего из упомянутых годов, Англия добывала 188 млн. тонн угля, выплавляла 7,4 млн. тонн чугуна и вывезла собственной продукции на 2160 млн. золотых рублей. Такое отставание французской металлургии объяснялось не столько тем, что процесс индустриализации Франции начался с опозданием (Германия вступила еще позже на этот путь), сколько тем, что Франция была сравнительно бедна углем (в 1815 году она должна была возратить Германии захваченный ею при Наполеоне богатый угольный бассейн Саара) и что ее железная руда в Лотарингии, страдавшая избытком фосфора, при тогдашнем состоянии техники плохо плавилась, за что и была презрительно названа «minette» — «руденка». Вследствие этого еще в 1901 году после продолжительного процесса индустриализации на 6,4 млн. человек, занятых в индустрии (включая горную промышленность), приходилось 8,2 млн. человек, занятых в сельском хозяйстве, причем в самой промышленности легкая имела значительный перевес над тяжелой. Можно сказать, что вплоть до конца XIX столетия Франция была страной, производившей по преимуществу предметы потребления, причем под влиянием традиций страны, имевшей сомнительное счастье обладать самым роскошным и блистательным двором и самой утонченной и расточительной аристократией, залававшей тон на весь мир, эти предметы потребления принадлежали главным образом к категориям, доступным лишь «высшим» классам общества.

При совокупности всех вышеуказанных факторов создалось во Франции такое положение, что накопления в крестьянском сельском хозяйстве, в торговле, в промышленности, а также от огромного туризма, далеко превышая спрос индустрии, оседали неиспользованными в кубышках крестьянской и городской средней и мелкой буржуазии и в железных шкафах банков. Известно, по каким каналам эти избытки

потекли. Франция стала страной ссудного, т. е. ростовщического капитала, после того как опыт некоторых банков (особенно пресловутого банка Кредит мобильер, детища сенсимонистских эмигрантов и шарлотанской империи Наполеона III) в области промышленного строительства в грандиозных размерах окончился столь же грандиозным крахом, приведшим к разорению сотен тысяч мелких вкладчиков. Банки, которые являлись основными собирателями денежного меда из крестьянских и мещанских сот, вступили после этого на путь кредитных операций. Начиная с 50-х годов Франция все больше становится денежным рынком для правительств, городов, железнодорожных компаний и других, по существу монопольных, организаций, отечественных и иностранных, и твердопроцентные бумаги — ренты, облигации, бонны, заложные листы и пр. — становятся излюбленной формой помещения капиталов и сбережений для все большего круга французской мелкой буржуазии, а в дальнейшем и широких слоев капиталистов. К концу Второй империи, в 1869 году, во Франции было уже не менее чем на 17,2 млрд. золотых рублей различных твердопроцентных ценных бумаг, из коих на 4 млрд. было иностранных. В 1880 году было на 22,4 млрд., в том числе на 6 млрд. иностранных, а в 1890 году соответствующие цифры дошли до 29,6 и 8 млрд. золотых рублей.

За отсутствием данных мы не можем сказать, какой доход французские держатели извлекали в тот период из этих бумаг, но накануне войны, когда французская промышленность все же до известной степени успела развиться и поглотить значительные капиталы, сумма французских инвестиций за границей исчислялась в 20 млрд. золотых рублей и доход составлял от 800 млн. до 1 млрд. золотых рублей, что представляло от одной пятой до одной четверти всего национального дохода. Вероятно, и для 80 и 90-х годов, когда и национальный доход был ниже, пропорция от одной пятой до одной четверти была бы предположительно верна. Но если добавить еще отечественные инвестиции, которые вместе с иностранными в 1906 году составляли около 40 млрд. золотых рублей с доходом в 1800 млн., то пропорция, вероятно, была еще выше, дохода, побилимому, до одной четверти.

Такое своеобразное направление французского капитализма по линии ссудных операций и вложений в процентные бумаги придало ему и своеобразный ростовщически-хищнический и спекулятивный характер, для которого центром внимания являлась не промышленность и даже не торговля, а биржа с ее котировками, игрой

на повышение и понижение и аживотажем.

Леопольд, имея в виду эпоху гораздо более позднюю, употребил термин «ростовщический империализм» в отношении внешней и колониальной политики, проводимой ссудным капиталом, каким был французский; но и в эпоху Наполеона III и в первые десятилетия Третьей республики этот ростовщический момент уже имелся нередко налицо, хотя он самостоятельной роли еще не играл.

Между 1863 и 1867 годами Наполеон III завоевал для Франции остров Новую Каледонию в Тихом океане, а главное, приобрел для Франции собственную Индию в виде Кохинхины и Камбоджи, составивших вместе с позднее завоеванными или подчиненными Лаосом, Аннамом и Тонкином современный Французский Индокитай. Ему нужны были эти внешние успехи, чтобы показать, что и при нем не меркнет военная слава его великодушия и что он также может доставить Франции колониальную империю. Как мало толку, однако, было в этих заокеанских завоеваниях, видно из того, что Новая Каледония, богатая минеральными ресурсами, использовалась вплоть до наших дней лишь как место для ссылки преступников (вроде нашего острова Сахалина в царское время) и что лишь в новом столетии разработка хрома и никеля придала ей экономическую ценность. Индокитай также лишь в новом столетии стал приобретать некоторую ценность благодаря развитию рисовых плантаций (о какой-либо другой деятельности там французский капитал и сейчас еще не мечтает), а до этого он служил лишь местом для устройства на выгодных постах отставных политиков и чиновников.

Наиболее ярким эпизодом в деятельности Наполеона III, относящимся к периоду раннего империализма, была его знаменитая мексиканская экспедиция. И здесь основные мотивы были политические, внешнего и династического порядка. Клерикальная партия, долго находившаяся в Мексике у власти и основательно ограбившая во славу католической церкви народ и буржуазию, была в 1858 году свергнута либералами под предводительством Хуареса, который не замедлил экспроприровать церковь, обложить духовенство налогами, урезать его привилегии и изъять школы из его ведения. Патеры возопили к трону Наполеона, напские симпатии которого были хорошо известны. Они нашли живой отклик у императрицы и неменьший у герцога Морни, сводного брата и наперсника императора. Этот герой государственного переворота 2 декабря 1851 года, первый министр внутренних дел Наполеона III,

скрутивший страну после переворота, что называется, в бараний рог, был потом председателем палаты и покровителем Кредитной мобилье и биржи, на которой он сам играл с большим успехом.

Морни и императрица Евгения легко уговорили Наполеона, рисуя ему соблазнительную картину основания мексиканской империи под французским протекторатом и рекомендуя кандидата на престол в лице эрцгерцога Максимилиана, брата австрийского императора Франца-Иосифа. Но оказалось, что не одна Франция заинтересована в восстановлении порядка в Мексике: откликнулась также монархическая Испания, исконная ревнительница католицизма, которой мерещилось вторичное завоевание страны, находившейся некогда в ее владении; откликнулась также, что было еще хуже, Англия, которая тоже имела основание вмешаться, не по соображениям религиозного характера, но во имя спасения долговых претензий ее ростовщиков к правительству Мирамона. Налицо, таким образом, оказалось три интервента. Но когда партнеры увидели трудность предприятия и настойчивость Франции, предъявившей Хуаресу баснословные требования (кроме 75 млн. франков Жежеру еще 60 млн. франков возмещения убытков якобы пострадавшим французским гражданам и многое другое), они предпочли отстраниться, предоставляя французам действовать одним.

В 1862 году французская армия высадилась в Мексике. Через год столица и центральная часть страны были в ее руках. Из Европы был вызван Максимилиан и возведен на престол. Затем начались восстания на севере под предводительством Хуареса и на юге — под предводительством Порфирио Диаса. После трехлетней борьбы все предприятие рухнуло: на парижской бирже мексиканские бумаги полетели кувырком, парламентская оппозиция заговорила неслыханным по дерзости языком, и Наполеон III, утраченный взрывом, отозвал войска, предоставив Максимилиана своей судьбе. Повстанцы в 1867 году завладели всей страной, злосчастный император был расстрелян, и Хуарес вернулся к власти, восстановив прежний режим. Так окончилась эта авантюра, нанесяшая Наполеону удар, от которого он уже не оправился до конца своей карьеры. Но до этого момента она протекала под шумный аккомпанемент парижской биржи, где велась крупная спекуляция акциями фантастических компаний мексиканских серебряных рудников и плантаций и облигациями военных займов французского и мексиканского правительств. Дело лопнуло и было списано революцией 4 сентября 1870 года, свергнувшей бонапартистский

режим, в накладной расход по Второй империи; тем не менее Третья республика, когда время пришло, не замедлила вступить на тот же путь и теми же методами, хотя более удачно, продолжать колониальную политику Наполеона III.

Время это пришло довольно быстро. Скаandalный провал империи и смертельный испуг, пережитый всеми «благонамеренными» элементами буржуазного общества в связи с Парижской коммуной, вызвали на сцену роялистские партии обоих лагерей, бурбонского и орлеанистского, которые при поддержке клерикалов и биржи выступили кандидатами в спасители отечества. Завязалась борьба, в ходе которой буржуазные вожди республики, отстаивая новый режим, доказывали, что и они сумеют разрешить «национальные» задачи, и выдвинули программу восстановления военной мощи Франции и восстановления целостности ее, т. е. отвоевания отнятых пруссаками Эльзаса и Лотарингии. И действительно, уже в 1872 году, вскоре после заключения мира и за 3 года до выработки конституции, был проведен первый военный закон, установивший пятилетнюю военную службу для всех граждан за некоторыми изъятиями и создавший армию мирного времени численностью в 373 тыс. с лишком; в это время германская армия насчитывала 369 тысяч. Через 2 года была установлена семилетка строительства армии, и по истечении ее в 1881 году проведена была вторая семилетка с увеличением численности армии до 431 тыс.— до той цифры, которой в то время располагала германская. Тогда при установлении новой семилетки в 1887 году армия была увеличена на 41 тыс. с лишком— до 471 тыс., в то время как германская, будучи также увеличена на 41 тыс., была доведена до 468 тыс., а еще через 2 года французская армия насчитывала уже в мирное время 555 тыс. против 492 тыс. германской армии. Таким образом, в течение 20 лет с момента своего основания Третья республика насчитывала большую армию чем ее германская соперница, которой, между прочим, приходилось защищать 2 фронта¹.

¹ Цифры, касающиеся роста армий, обычно строятся в разных странах на различных основаниях и поэтому без определенных оговорок несравнимы. Настоящие цифры взяты мной из французских источников, а именно: из статьи Жюля Роша, в свое время очень известного политического деятеля, депутата, в патриотическом «Фигаро» от 11 марта 1913 года, т. е. почти накануне войны, когда Франция и Германия усиленно вооружались к грядущей борьбе. Рош указывал, что он свои цифры

Республиканские вожди чрезвычайно гордились этими достижениями, и в 1891 году тогдашний военный министр, до того дважды председатель совета министров Фрейсина говорил, указывая на численность и состояние армии: «Они доказывают, что республиканские правительства, несмотря на кажущиеся перемены политических форм, способны строить планы, рассчитанные на дальнюю перспективу, и при осуществлении национальных целей проявляют преемственность, которая не уступает никакой монархии». Республика была горда, что сравнилась с монархией в последовательности и энергии, с какой она построила армию; она хотела также показать, что не уступит ей и во внешнем блеске. И вот уже через 10 лет после своего основания республика вступает на этот путь. Обстоятельства ей благоприятствовали. До сих пор она была политически изолирована и боязливо озиралась на свою германскую соседку, где чрезвычайно быстрое финансовое и военное восстановление Франции вызывало желание начать новую превентивную войну до завершения реконструкции французской армии. Но в 1875 году, когда угроза германской военной надвинулась вплотную, Россия и Англия, которые за 4 года до этого спокойно дали разгромить Францию, энергично вмешались и спасли ее, а в 1878 году на Берлинском конгрессе она неожиданно очутилась в приятном обществе двух друзей, Солобери и Бисмарка, предложивших ей по собственной инициативе захватить Тунис, в Северной Африке, состоявший в номинальной зависимости от султана. До того Франция несколько колебалась, принимать ли ей вообще участие в конгрессе, собравшемся в столице недавнего победителя для ликвидации результатов русских завоеваний на Балканах: у нее не было никаких козырей, которые дали бы ей возможность играть самостоятельную роль, и ей предстояло либо выступить в пользу России, против могущественной Англии, которую тайно поддерживала Германия в

построил по одному и тому же принципу и по тождественным измерителям. Он же приводит цифры военных расходов в обеих странах, сводя их также к одинаковым измерителям. В переводе на русские золотые рубли они составляли: от 1872 до 1887 года Франция издержала на армию 3659,2 млн., а Германия—3042 млн., между 1887 и 1893 годами военные расходы первой составили 1735,2 млн., а второй—1744,8 млн. После этого периода Германия стала сильно обгонять свою соперницу: в 1904 году мирный состав германской армии равнялся 602 тыс. человек и военный бюджет дошел до 328 млн., а французская армия имела 550 216 человек и французский военный бюджет составил 244 млн. золотых рублей.

интересах своей австрийской союзницы, или соединиться с Англией и Германией против России. А между тем надо было учитывать, что Россия, как в 1875 году, могла бы в будущем оказать ей услуги, а может быть, даже, как это не раз происходило в прошлом, сблизиться с ней. В конце концов Франция решила послать в Берлин своих уполномоченных, главным образом потому, что в Турции у нее истари были значительные капиталовложения в государственные займы и железнодорожные и иные предприятия и ей полезно было быть на месте, где в связи с отторжением тех или других территорий будет решаться и судьба, по крайней мере, части этих денег¹. Англо-германское предложение способно было рассеять все сомнения относительно пользы пребывания в Берлине. Конечно, оно не было вполне бескорыстным. Англия, за кулисами конгресса сговорившаяся с Турцией об уступке ей острова Кипра, боялась протеста Франции и хотела заручиться хотя бы ее молчанием; Бисмарк же давно считал, что для Франции полез-

¹ Берлинский конгресс по настоянию английских и французских делегатов действительно постановил обязать вновь созданную Болгарию, также и Сербию, Черногорию и Грецию, получивших территориальные приращения за счет Турции, взять на себя доли турецкой задолженности в соответствии с размерами полученных ими областей. Точные размеры этих сумм должны были быть установлены державами после конгресса, но до этого никогда не дошло, несмотря на все старания лондонских и парижских ростовщиков, продолжавших еще в 1908 году в связи с тогдашним балканским кризисом напоминать об этой обиде. Причиной такого пераждения со стороны держав был саботаж со стороны России и Австрии, которые, несмотря на то что они получили куски турецкой территории, еще на самом конгрессе устами своих делегатов негодуяще заявляли, что они платить не намерены ростовщикам, занимавшимся «печальным ажиотажем», как говорил русский представитель Шувалов. Все же ростовщики не остались в большой обиде: они вынудили делегатов в особом заявлении к протоколу мирного договора «рекомендовать» турецкому правительству создать в Константинополе комиссию финансовых экспертов для обследования требований кредиторов и выяснения наилучших способов удовлетворить их с учетом финансового состояния Турции. Турция должна была принять эту «рекомендацию», и в 1881 году по соглашению с лондонскими и парижскими кредиторами был создан комитет из представителей банков под названием «Управление публичным долгом Турции», которому были переданы определенные источники государственных доходов, обеспечившие кредиторов с лихвой.

но было бы заняться колониальными авантюрами, так как это отвлекает ее от «вогезской бреши» и, давая в случае успеха удовлетворение ее самолюбию, смягчит ее жажду реванша; сверх того и Англия и Германия, заручившись дружбой и голосом Франции против России, рассчитывали на то, что интерес, внезапно проявленный Россией к Франции в 1875 году, надолго потеряет свою остроту, если Россия увидит Францию в стане своих противников.

Франция это понимала, но соблазн был очень велик. Тунис, который прилегал к Алжиру с востока и с большим удобством «округлял» это французское владение на африканском берегу, давно уже привлекал внимание французов, которые делали все, чтобы ослабить политические узы, связывавшие его с Турцией. Все же, опасаясь Англии, с подозрением относившейся ко всему, что могло усилить позиции Франции на Средиземном море, Франция не осмеливалась захватить его. При Наполеоне III французы начали «мирное проникновение» в эту страну, предоставляя займы тунисскому бею и соблазняя его блестящим примером его египетского коллеги, который когда-то также широко пользовался услугами европейских ростовщиков.

Но в то время выступили на сцену конкуренты англичане, а с 1867 года—и молодое итальянское королевство, только что достигнувшее объединения. Это был новый тип колониальной борьбы при помощи займов и концессий, приближавшийся к колониальной политике эпохи империализма; она напоминала несколько аналогичную борьбу в Египте. На этот раз французскому «ростовщическому империализму» больше повезло: в Берлине английская соперница добровольно уступила ей свои «права», и представитель Франции Ваддингтон, вернувшись с конгресса, мог доложить президенту республики, что «имеет Тунис в кармане». Но итальянская конкуренция оказалась сильнее, чем французы думали, и прошло 3 года, прежде чем они могли сорвать желанный плод. Вспомнив целый ряд «обид», нанесенных французам в 1871 году, и не получив «удовлетворительного» ответа на представленный ими бею длинный список жалоб, министерство Жюль Ферри решило приступить к активным действиям: воспользовавшись одним из обычных переходов кочующих тунисских племен, крумиров, на алжирскую территорию, оно в марте 1881 года снарядило «карательную» экспедицию и одновременно послало эскадру в Бизерту. Французский десант, высадившись почти без сопротивления, легко овладел городом, через две недели в середине мая был уже в столице и заставил бея подпи-

сать в своей летней резиденции в Вардо «договор», установивший французский протекторат над страной. «Франция вернула свое положение среди великих держав!» — воскликнул Гамбетта, узнав об этой «блистательной» победе. Вскоре общее восстание племен на юге привело к настоящей войне, которую пришлось вести с большими жертвами в течение 6 месяцев и которая вызвала во Франции такое возбуждение, что министерству Ферри пришлось уйти в отставку. Эту кампанию так и прозвали «кампанией биржи». Великие державы, кроме обиженной Турции и еще более обиженной Италии, вскоре признали протекторат. Франция лишь обязалась по требованию Англии не укреплять Бизерты, господствующей над одним из важнейших участков пути к Суэцкому каналу, что, однако, не помешало, чтобы Бизерта впоследствии была превращена французами в первоклассный военный порт.

Еще более важным нежели Тунис объектом внимания французского империализма был Египет, но тут успех оказался не на его стороне, как уже упоминалось выше. Современный Египет в значительной мере был созданием французских рук. Наполеон I, заняв его в 1798—1799 годах «по пути» в Индию, не только вновь открыл его в историческом смысле, не только ввел его в круг средиземноморской и общеевропейской политики, но и ликвидировал военно-феодалное господство мамлюков, наметив общий план реорганизации его на буржуазных основах. На основе этого плана паша Махмет Али воздвиг сильное феодально-капиталистическое государство с помощью главным образом французских советников, и после его смерти французское влияние осталось решающим несмотря на сильную конкуренцию англичан. Французы в лице сексимонистов — Анфантена и его друзей — возобновили даже древний план прорытия канала для соединения Средиземного с Красным морем; французы же в лице Фердинанда Лессенса с помощью парижского денежного рынка осуществили его (1859—1869) в конкуренции с другими инженерами и предпринимателями. Но не менее успешно, чем французские инженеры, ученые, администраторы, купцы, содержатели отелей и игорных домов, в Египте подвизались французские банкиры. Они снабжали большими средствами из чудовищных процентов хедивов, а в особенности честолюбивого и тщеславного, но далеко не бездарного Измаила-пашу, организатора колоссальных ирригационных работ, фабрик, школ и т. д. В конце концов Измаил-паша оказался банкротом, вынужден был в 1875 году, как выше упоминалось, про-

дать Англии принадлежавший ему пакет суэцких акций, признать международную финансовую опеку и франко-английский контроль и, наконец, отречься от престола.

Тогда началась глухая борьба между самими опекунами — французами и англичанами, — борьба, которая вскоре сосредоточилась вокруг вопроса о вытуплении против выплывшего в Египте национально-освободительного движения. Группа феллахских офицеров возглавила восстание против иностранных колонизаторов, и было образовано национальное министерство, ответственное перед вновь созданным парламентом. Во Франции правительство Фрейсине колебалось прибегнуть к решительным мерам, но либеральное правительство Гладстона в Англии, повинувшись финансистам и ланкаширским фабрикантам, учло благоприятный характер создавшегося вследствие отхода Франции положения, дало распоряжение о бомбардировке укрепляемого националистами порта Александрии и начало настоящую интервенцию. Высадившийся десант разбил плохо организованные египетские войска — столица Каир была взята, и Египет очутился безраздельно в руках англичан. Французы протестовали, взывали к международному праву, но безрезультатно: Европа с Бисмарком во главе не шевельнула пальцем, чтобы поддержать протест Франции, и Египет остался за Англией.

Победа английского империализма над французским поссорила обе державы на ряд лет. Это сильно отразилось на всей европейской политике держав и косвенно привело к возобновлению колониальной активности Франции и даже возвращению Ферри к власти. Франция стала искать в новых завоеваниях компенсации за утрату своих позиций в Египте, которые она с таким трудом сохраняла за собой в течение всего столетия, а Ферри, который в качестве руководителя левого республиканского правительства проводил радикальные реформы, как раз в колониальной экспансии усматривал метод укрепления республиканского строя. Не удивительно, что реакционные партии и биржа относились к нему весьма доброжелательно и поддерживали все его начинания. Но именно это сочувствие реакционеров делало его подозрительным в глазах других радикальных элементов, во главе которых стоял тогда Клемансо, к тому же усматривавших в его колониальном увлечении опасность для реализации идеи реванша, от осуществления которой он отвлекал военные и финансовые силы. Это отношение находило себе значительное оправдание и в том, что Ферри для обеспечения своего тыла не колебался использовать и благосклонность Бисмарка к подобным

Французским диверсиям в местах, отдаленных от западной границы Германии. Два года, в течение которых Ферри вторично стоял во главе правительства (1883 — 1885), были действительно годами если не дружбы, то во всяком случае весьма добрых отношений между Францией и Германией.

Положение Ферри было благоприятно еще и в другом отношении. Его колониальная деятельность отнюдь не доставляла удовольствия Англии, тем более что французы уже в то время располагали сильным флотом. Но руки у Ферри были развязаны, так как в то время Англия была отвлечена другими заботами. В 1883 году в результате захвата ею Египта в Судане, числившемся провинцией последнего, поднялось сильнейшее движение за национальную независимость, против иностранцев, в частности англичан, под религиозным флагом и под предводительством пророка «махди» Мохамед Ахмета. Совместно со своим помощником Османом Дигмой он в 2 года овладел Кордофаном, Дарфуром и другими провинциями, разбил наголову и истребил (вместе с ее начальником генералом Хиксом) английскую армию, пробился к берегу, захватив Суаким и Кассалу, и, наконец, взял штурмом столицу Судана Хартум, уничтожив его гарнизон вместе с командующим — генералом Гордоном.

В то же время англичане испытывали большие неприятности в Средней Азии со стороны русских, которые после своих неудач на Берлинском конгрессе на время оставили свои усилия на Ближнем Востоке и обратили свое внимание на Среднюю Азию. В 1884 году русские войска взяли Мерв, в следующем году они захватили Пендинский оазис, который афганцы считали своим, и приблизились к Герату. Англичан уже при вести о захвате Мерва охватила сильная, как впоследствии остряк Солсбери, «нервозность», а когда русские войска подошли вплотную к афганской границе, дело едва не дошло до объявления войны. Однако ни одна сторона не была готова к войне, и спор разрешился компромиссом, причем Россия удержала оазис.

Эти затруднения, в которые попала Англия в первой половине 80-х годов, благоприятствовали новой колониальной экспансии французов в Африке и в Индокитае. «Не замечаете ли вы, — обращаясь к палате Ферри в 1884 году, — что перед всеми великими нациями современной Европы с момента, когда они достигают промышленной мощи, возникает огромная, грозная проблема, составляющая самую основу промышленной жизни, —

проблема рынка? Не замечаете ли вы, как все великие нации одна за другой приходят к колониальной политике? Можно ли говорить, что эта колониальная политика является роскошью для современных государств? Нет, господа, эта политика — такая же необходимость, как самый рынок».

Африканская экспансия у французов стремилась к обходу английских позиций в Египте; пока же главное внимание Ферри было обращено совсем в другую сторону — в Индокитай, где некогда некая даэров Вторая империя. Едва образовав свое министерство, Ферри направил экспедицию в Тонкин, подошел к китайской границе, и в мае 1884 года Китай согласился на отказ от своих сюзеренных прав на Аннам и на признание французских «прав». Ферри торжественно возгласил эту победу в палате, когда пришло известие, что китайцы раздумали и, нанав на французский отряд, разбили его и преградили дальнейшее продвижение французов, заняв часть Тонкина собственными войсками. Неожиданно Франция оказалась в состоянии войны с Китаем, за которым, несомненно, стояла Англия. Не посвящая даже парламент в подробности положения, Ферри начал войну по всем правилам искусства, бомбардируя китайские порты и создавая рисовую блокаду, которая легко могла столкнуть Францию с Англией. Потребовались большие средства и жертвы, чтобы преодолеть сопротивление китайцев, и война затянулась бы на долгое время, если бы по секретной просьбе Ферри не вмешался Бисмарк, уломавший китайцев отказаться от сюзеренитета над Аннамом, не дававшего им ничего, кроме небольшой дани, и пойти на мировую с французами. В июне 1885 года был подписан мир, по которому Аннам был признан китайцами французским протекторатом, зато французы отказались от выдвигавшегося ими до этого требования военной контрибуции (первоначально 100, а потом 20 млн. золотых рублей).

Но Ферри уже не стоял больше во главе кабинета: радикалы под руководством Клемансо опять свергли его, обвинив его в сближении с Германией в ущерб «национальному» делу. Преемник Ферри, Бриссон, торжественно отказался от «дальних» экспедиций и колониальных авантур. Это, однако, не помешало ни удержанию завоеванных Ферри в Азии и Африке 2½ млн. кв. км. территории, ни возобновлению колониальной экспансии через несколько лет, когда союз с Россией создал Франции безопасность на ее восточном фланге, сделал излишним заигрывание с Германией и вдохнул в провинцистические и милитаристические круги Франции новый «пафос».

М. Ю. Лермонтов
1814 – 1841

ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В декабре 1825 года Лермонтову было 11 лет. Домашние разговоры о восстании декабристов были известны мальчику-поэту, обладавшему исключительной памятью и любовью к необычному. Воспоминания о деятелях 14 декабря, несомненно, поддерживались и семейными преданиями и чтением запрещенной литературы.

Мемуары Д. Милютина устанавливают, что среди учащихся Московского Благородного пансиона, где учился Лермонтов, были широко распространены произведения Рылеева и «декабристские» стихотворения Пушкина. Московский университет, куда затем перешел поэт, еще усилил его интерес к литературному наследию декабристов. Герцен и Огарев пропагандировали в студенческой среде идеи декабризма и распространяли тетрадки с запрещенными изданиями, причем они в этом отношении вовсе не были исключением. «Мы и наши товарищи, — рассказывает в «Былом и думах», — говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову, тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями, при всем том я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства»¹.

Судя по следам, оставленным в творче-

стве поэта, к Лермонтову вполне могут быть применены следующие герценовские слова:

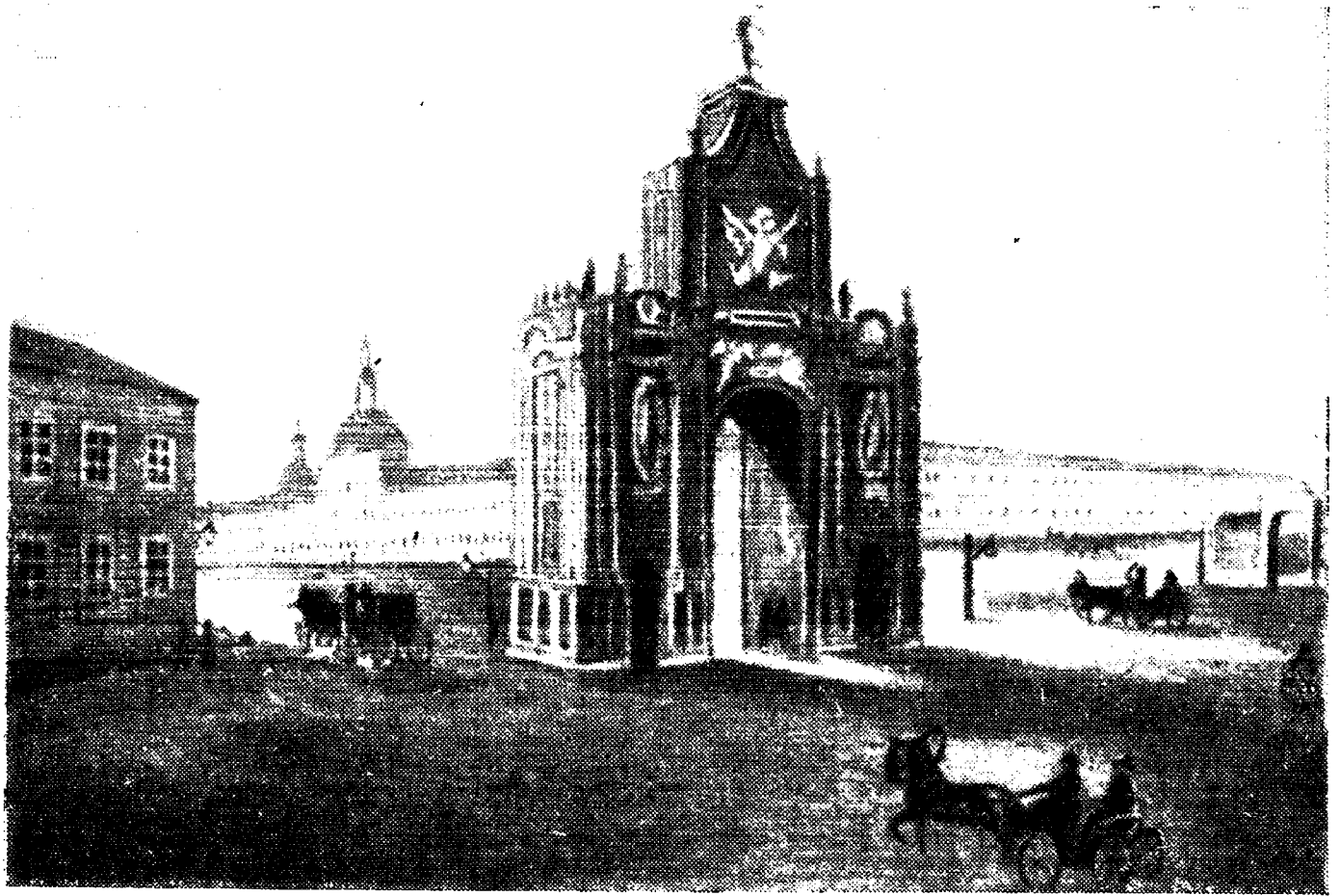
«Рассказы о возмущении, о суде, ужас в Москве сильно поразили меня; мне открывался новый мир... не знаю, как это сделалось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи»².

Лермонтов начал писать в 1828 году. Для формирования и выявления политических настроений поэта большое значение имеют следующие три года: 1829, 1830 и 1831. Произведения этих лет пропитаны ясно выраженным политическим свободолобием.

Юный поэт много и настойчиво думал о будущем России, о характере грядущих революционных потрясений и об их вероятном исходе. При оценке политических размышлений Лермонтова необходимо помнить, что ему в 1832 году минуло только 18 лет. В стихотворениях 1829—1832 годов выразились настроения и думы юноши, почти мальчика, — правда, гениального. Кроме того во времена Лермонтова резко изменился характер общественного мнения по сравнению с предшествовавшей декабристской эпохой. Старые программы отжили свой век, время дворянской революционности закончилось. Поли-

¹ А. И. Герцен «Былое и думы». Т. I, стр. 205. 1937.

² Там же, стр. 118.

Слева дом, где родился М. Ю. Лермонтов, на Красноворотской площади в Москве.

тическая мысль переживала трудную полосу. В рассматриваемые годы не определились еще тенденции развития новой, демократической идеологии. Лермонтову не на что было ориентироваться. Он мог только искать. Насколько трудны были поиски, показывает история политического и философского развития Белинского, а ведь Белинский был мыслителем и политиком по преимуществу, и ему его искания должны были быть легче чем Лермонтову, который прежде всего был поэтом. Несмотря на интенсивнейшие политические увлечения Лермонтов сам понимал, что к окончательным выводам он сможет прийти только через «мышления в годы». Нет ничего удивительного поэтому в том, что взгляды Лермонтова отличались неясностью, незрелостью, были пропитаны многими противоречиями.

Для Лермонтова главнейшим средством осмысления предполагаемых революционных событий в России была аналогия с событиями французской революции в соединении с воспоминаниями о пугачевском восстании. Такой аналогией, несомненно, является написанное в 1830 году «Предсказание»:

«Настанет год, России черный год,
 Когда царей корона упадет;
 Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
 И нища многих будет смерть и кровь;
 Когда детей, когда невинных жен
 Низвергнутый не защитит закон;»

Когда чума от смрадных, мертвых тел
 Начнет бродить среди печальных сел,
 Чтобы платком из хлижи вызывать,
 И станет глад сей бедный край терзать;
 И зарево окрасит волны рек:
 В тот день явится мощный человек,
 И ты его узнаешь — и поймешь,
 Зачем в руке его булатный нож:
 И горе для тебя! — твой плач, твой стон
 Ему тогда покажется смешец;
 И будет все ужасно, мрачно в нем,
 Как плащ его с возвышенным челом»¹.

Считается, что стихотворение это написано под впечатлением холерных бунтов 1830 года. «Чума», то есть холера 1830 года, в самом деле произвела сильное впечатление на Лермонтова. «В конце сентября холера еще более свирепствовала в Москве, — рассказывает Сушкова. — Тут окончательно ее приняли за чуму или вообще отравление; страх овладел всеми; балы, увеселения прекратились, половина города была в трауре, лица вытянулись, все были в ожидании горя или смерти, Лермонтов от этой тревоги вовсе не похоршел»². Эпидемия отразилась в его поэтических набросках «Чума в Саратове», «Чума» и др. Вероятно, известны были Лермонтову и случаи народных волнений на почве холеры. Однако мрачная обста-

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Изд. «Academia». Т. I, стр. 128.

² Е. Сушкова «Записки», стр. 130. Изд. «Academia».

новка мора и связанного с ним потрясения обострили определенный круг мыслей Лермонтова, но не были их первопричиной. По содержанию своему «Предсказание» связано не с холерой, а с размышлениями Лермонтова о характере революции в России. «Предсказание» представляет сжатое поэтическое изложение событий великой буржуазной французской революции (так, как понимал их Лермонтов), примененное к России. Предполагаемые этапы революционных событий в России рисовались Лермонтову в следующем виде: сначала свержение монархии, потом анархия, потом выдвижение военного диктатора вроде Наполеона. Такие же этапы прошла, по мнению Лермонтова, буржуазная революция во Франции конца XVIII века. Этот взгляд удержался у Лермонтова и в дальнейшем его развитии. Совершенно таким же образом рисует он картины французской революции в «Сашке» (1839 год). Более распространенное изложение «Сашки» является превосходным комментарием к «Настанет год, России черный год».

И в «Сашке» господство якобинцев и революционный террор изображены как анархия, как неистовство безумной черни. В «Сашке» говорится о возвышении Наполеона в том же духе, как в «Предсказании» говорится о выдвижении военного властителя.

Для правильной, исторической оценки взглядов Лермонтова нужно напомнить, что он был дворянским протестантом, дворянским бунтарем. Все дворянские революционеры-декабристы относились отрицательно к якобинскому периоду революции. Пушкин также не сумел справедливо оценить революционный террор и революционную диктатуру мелкой буржуазии во Франции. Даже Герцен называл Петра деспотом «по образцу Комитета общественного спасения» и сравнивал Павла с Робеспьером¹. В приведенном из «Сашки» отрывке ясно видно прямое воздействие пушкинского «Андре Шенье». Не следует поэтому делать вывода, что Лермонтов опасался предвидимой им перспективы революционных потрясений в России. Мрачный, роковой колорит «Предсказания» не должен нас вводить в заблуждение. Он просто выдержан в духе романтической школы. Лермонтов очень часто рисовал события и лица, которым сочувствовал, как нечто таинственное, грозное, ужасное, роковое. Свободу он также не раз сопровождал эпитетами вполне в духе «Предсказания». Напомним хотя бы из «Поля Бородинна»:

«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика как песнь свободы»².

В 1830 году голова Лермонтова была наполнена острыми политическими мыслями. Гениальный мальчик с чувством восторга мечтал о глубоких революционных потрясениях. Политически неопытный и никем не руководимый, он предполагал, что революция в России развернется аналогично событиям во Франции в конце XVIII века.

Революционные настроения Лермонтова усилились под влиянием июльской революции во Франции. Уже первый стихотворный его отклик на парижские события рисует пережитый им душевный подъем при получении известия о насильственном низвержении Бурбонов. В восторженном отклике Лермонтова вновь употреблены трагические, мрачные эпитеты, применяемые для описания событий народного восстания:

«10 июля (1830 г.).

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилось, победы мрачной знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг»³.

Лермонтов оценивает июльскую революцию как победу над самодержавием. Термин «самодержавие» свидетельствует об аналогии с положением вещей в России.

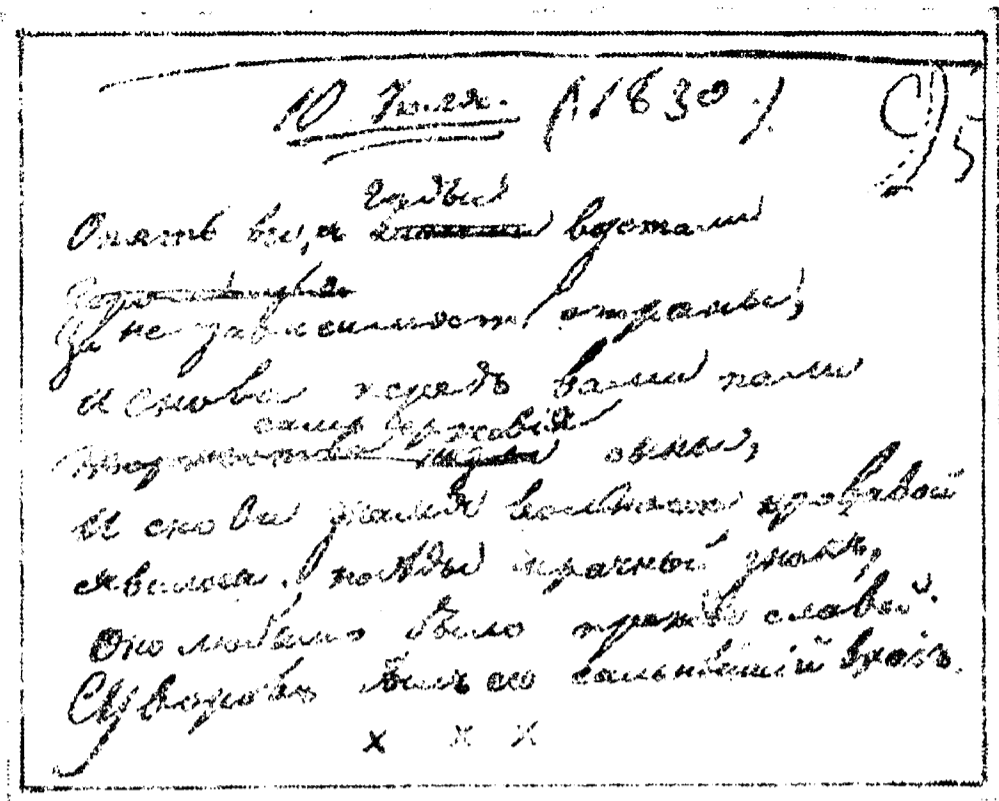
Июльской революции Лермонтов посвятил еще одно стихотворение, озаглавленное «30 июля (Париж) 1830 года» и дошедшее до нас в полном виде:

«Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унижить под ярмом. —
Но ты французам не узнал! —
Есть суд земной и для царей. —
Провозгласил он твой конец; —
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец. —
И загорелся страшный бой;
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой. —
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь. —
О! чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.
Когда последняя труба
Разрежет звуком слепой свод;
Когда откроются гроба,

¹ В очерке «О развитии революционных идей в России». Гл. III.

² М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 283.

³ Там же, стр. 139.

Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «10 июля (1830 год)».

И прах свой прежний вид возьмет;
 Когда появятся весы,
 И их подымет судия...
 Не встанут у тебя власы?
 Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
 Коль ныне стыд уж над тобой?
 Предмет насмешек ада, тень,
 Призрак обманутый судьбой!
 Бессмертной раною убит,
 Ты обернешь молящий взгляд,
 И строй кровавый закричит:
 Он виноват! он виноват! — »¹.

Стихотворение это очень важно, для оценки политической эволюции Лермонтова. Сочувствие революции, враждебность самодержавию выражены в нем ясно и ярко. Мало того, это стихотворение свободно от мрачных красок, в нем нет картины кровавой анархии, и в нем нет даже намека на неизбежность установления диктатуры типа наполеоновской. Тон его радостный, торжествующий. И понятно: ничей разум не может размышлять без опоры на реальную действительность. До июля 1830 года политическая мысль Лермонтова опиралась на преломленные через классово ограниченное сознание факты французской революции и пугачевского восстания и на впечатления о холерных бунтах. Политической среды в настоящем смысле этого слова он не имел. В ряде стихотворений Лермонтов жалуется на одиночество, на то, что его не понимают. Естественно, что политическое воодушевление поэта должно

было породить фантастические картины. Но как только мысль юности смогла хоть сколько-нибудь опереться на действительный опыт, на действительные факты, его представление о революции становится значительно более реальным. Разбираемое стихотворение свидетельствует, какие замечательные успехи могла бы сделать политическая мысль Лермонтова, если бы поэт попал в благоприятные условия развития.

В 1830 году Лермонтов вслед за выражением восторга по адресу июльских событий во Франции стал призывать к революционной борьбе в России, причем о борьбе за свободу на своей родине он писал не в мрачных красках «Предеказания», а с светлым воодушевлением стихов о французском восстании. Таков «Новгород» (3 октября 1830 года):

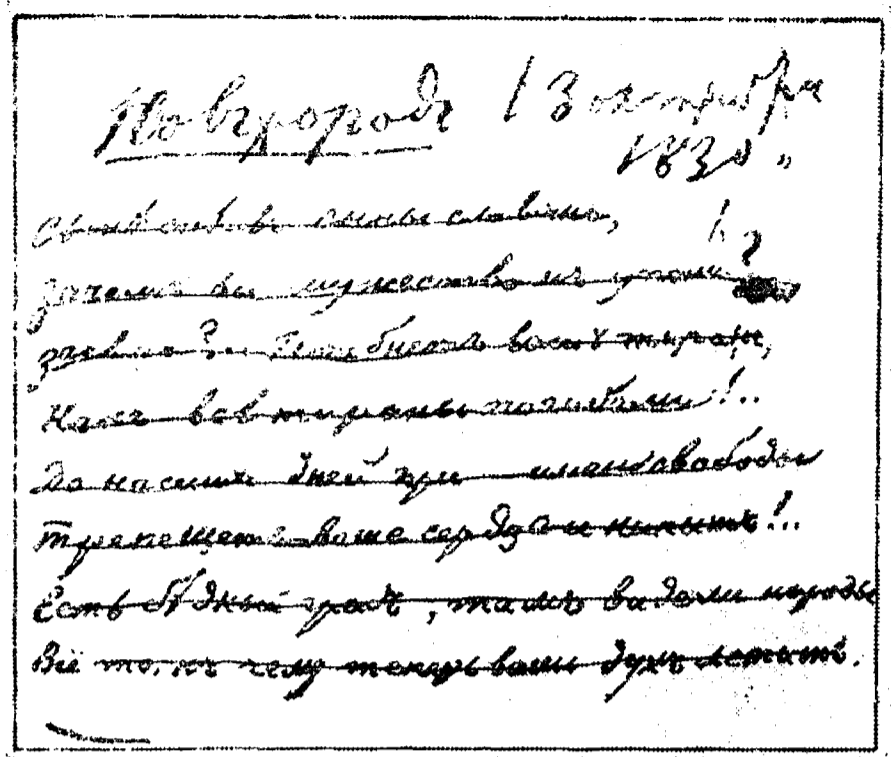
«Сыны снегов, сыны славян,
 Зачем вы мужеством упали?
 Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
 Как все тираны погибали!..
 До наших дней при имени свободы
 Трепещет ваше сердце и кинит!..
 Есть бедный град, там ввели народы
 Все то, к чему теперь ваш дух
 летит»².

В 1830—1831 году политическое воодушевление и бодрость прочно держатся у Лермонтова. Они звучат в сатире «Пир Асмодея» (речь второго демона) и в зашифрованном стихотворении «О, полно извинять разврат»:

«О, полно извинять разврат!
 Ужель злодеям шит порфира?»

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 146.

² Там же, стр. 162.

Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «Новгород».

Пусть их глушцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.

Изгнанием из страны родной
Увались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челою.

Ты шел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый пра земле боязни,
Ты шел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою»¹.

К кому бы ни было обращено это стихотворение, оно полно политического мужества и достоинства: лучше изгнание или даже казнь чем подчинение «тирану», то есть самодержавцу, чем отказ от политического свободолюбия и независимости.

Политические интересы и политическое воодушевление Лермонтова этих лет нашли себе отражение не только в лирике, но в поэмах и драмах. Круг политических и социальных идей Лермонтова выступает в них даже более определенно чем в лирике. Первым из произведений большого жанра, насыщенных революционными идеями, является незрелая, но вполне законченная поэма «Последний сын вольности» (1830 год). Сюжет ее — борьба Вадима Новгородского против Рюрика. Вадим был

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 274.

традиционной фигурой для выражения политически оппозиционных и революционных настроений. В 1793 году выпала трагедия Княжнина «Вадим Новгородский». Пьеса подверглась немедленному запрещению со стороны Екатерины II, увидевшей в ней вызов самодержавию. В период подъема декабристского движения замысел произведения о Вадиме увлекал Пушкина и Рылеева. Точно так же постоянный интерес в декабристских кругах вызывали исторические воспоминания о гражданском устройстве средневековых русских республик Новгорода и Пскова. Рылеев советовал Пушкину, сосланному в Михайловское: «Ты около Пскова: там задушены последние вольности русской свободы; настоящий край вдохновения — и мужели Пушкина оставит эту землю без поэмы»². Интерес Лермонтова к Новгороду и к Вадиму вполне соответствовал декабристским традициям. «Последний сын вольности» — антиабсолютнистская поэма. Видно, что ненависть к самодержавию у Лермонтова — не случайное настроение:

«Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, как их любовь,
Бедою вечною грозит»³.

Лета, обольщенная Рюриком, восклицает:

«Проклятье на него! — злодей...
Наш князь!..»⁴.

² Переписка Пушкина. Под редакцией Салтова. Т. I, стр. 166.

³ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. III, стр. 124.

⁴ Там же, стр. 125.

Лермонтов—студент Московского университета (1830 — 1831 год).

(С портрета работы Заболотского).

А мать Леды в стонческом отчаянии выражает несомненную мысль самого автора о ничтожестве граждан при самодержавном правлении:

«Закон судьбы песокрушим,
Мы все ничтожны перед ним...»

Характеризуя самодержавие, молодой Лермонтов проявлял политическую наблюдательность и оригинальность политического мышления. «Последний сын вольности» не является, конечно, подлинно историческим произведением. Это — поэтическое иносказание, опирающееся на романтические представления о прошлом России. Превратив Рюрика в носителя принципа самодержавия, Лермонтов отмечает, что одним из методов его господства был обман масс и то, что мы вправе назвать на современном нам языке политической демагогией:

«Своей дружиной окружен
Перед народ являлся он,
Свой победы исчислял,
Лукавой речью убеждал!
Рука искусного льстеца
Играла глухою толпой;
И благородные сердца
Томились тайною тоской...»¹

Эти черты самодержавия Лермонтов нашёл, конечно, не в летописном сообщении о Вадиме. Он списал их с Николая I, укреплявшего свой престиж и свой режим военными победами и лживой демагогией. Недаром в официальную формулу, употреблявшуюся для характеристики политики

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. III, стр. 123.

Николая I, было внесено слово «народность»: православие, самодержавие и народность. Слово это реально обозначало только крепостное право, но ему было придано внешнее выражение, прииспещённое для удовлетворения патристически-националистических чувств.

В «Последнем сыне вольности» мы найдём характерное и для лермонтовской лирики сочетание темы политической свободы с темой национальной независимости. Это сочетание, как уже было отмечено, явилось результатом западноевропейских политических и литературных влияний, воспринятых ещё декабристами. Однако политическую актуальность для России, победившей Наполеона, имела только анти-самодержавная тема. «Последний сын вольности» передаёт не романтическую древность, а настроения людей, переживших поражение декабристов и сохранивших их вольнолюбивые традиции. Поэма дышит непримиримой враждой к автократии, превратившей все население страны в рабов. Она воспекает вражду «до конца» к «князьям», она призывает умереть в борьбе, если нельзя сохранить свободную жизнь.

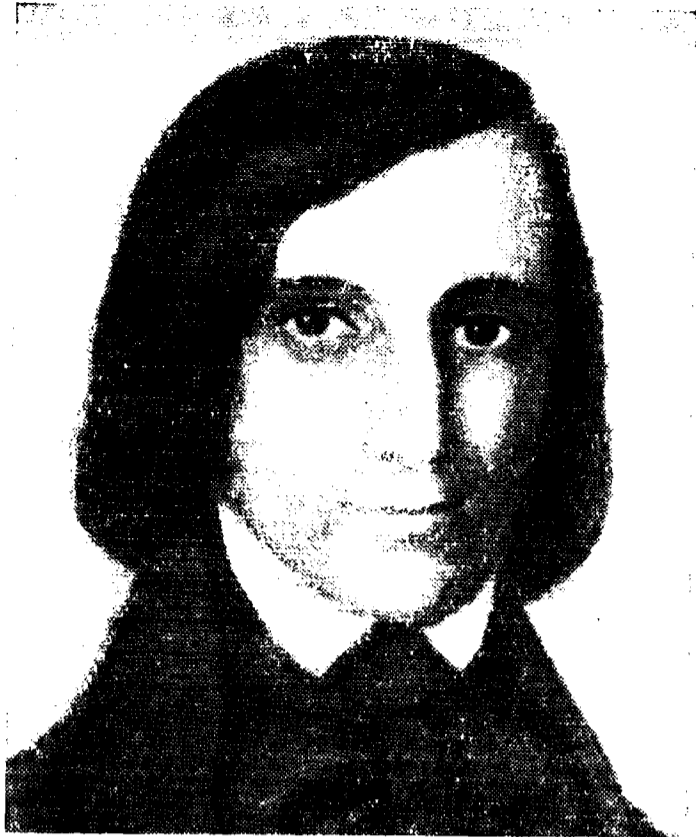
«Последний сын вольности» хорошо передаёт состояние свободолюбивых людей, составлявших ничтожную горсть среди массы подчинившихся рабскому положению. Когда Рюрик, Трувор и Синяв, нарушив договор, захватили власть в свои руки, против узурпаторов поднялось только тридцать юнцев. Они храбро бились за свободу, но одолеть врагов не могли. Из тридцати храбрых осталось только шесть, охваченных сознанием безнадежности борьбы.

Сознание безнадежности было обусловлено не силой «варягов», а дряблостью, политическим вырождением их трусливых современников, потерявших былые доблести. Юноши, жалея об участи поруганной Леды, не подымались на защиту пограничной свободы:

«Жалея юноши об ней,
Проклятья тайные неслись
К властителю; — ах! не нашлись
В их душах чувства прежних дней,
Когда за отнятую честь
Мечом бойца платила месть»².

В конце концов верными витязями свободы остаются лишь двое — Вадим и седой левец Ингалот. Вадим вызывает на смертный бой Рюрика. Он обращается к славянам с пламенной предсмертной речью, по призыву к согражданам, потерявшим былое свободолюбие, был напрасен:

² Там же, стр. 126.

Н. В. Станкевич.

в этот период трагически-романтическим преувеличением положений и характеров.

Центральное место среди персонажей «Испанцев» занимает еврей — символ самого гонимого, самого презренного, самого бесправного существа, с точки зрения средневековой идеологии.

Фернандо сначала не знает, что он еврей. Безвестный сирота, воспитанный испанским дворянином, он, стремясь соединиться с любимой девушкой, встречает первое препятствие в своем низком происхождении. Эмилия говорит своей мачехе:

«Поверьте, благородство не в бумагах,
А в сердце».

С точки зрения феодальной, дворянско-крепостнической морали, это заявление — бунт против законов божеских и социальных. И Фернандо в самом деле бунтует:

«...благодарность! — благодарность!..
За что? — за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден
Я в низком состоянии, что обязан
Всем, всем тому, кого душою выше»¹.

Требую согласия на брак с Эмилией. Фернандо — бродяга, найденный — произносит великое и крамольное слово «равенство», в XVIII веке взорвавшее феодальную иерархию во Франции, слово, повторенное Радищевым и декабристами в России... Лермонтов вполне последователен в употреблении этого слова. Люди равны между собою, не только низкородящийся по сравнению с более знатным,

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. IV, стр. 5.

но даже еврей — парий, расово нечистый, проклятый, с точки зрения феодально-христианской идеологии, — равен испанцу, дворянину и католику!

«Как будто бы еврей уж не люди!
Наш род древней испанского — и их
Пророк рожден в Ерусалиме!»² —

размышляет Поэми. Она верит — и ее устами говорит сам автор, — что восторжествоует в конце концов равенство, национальное, религиозное, гражданское:

«Гонимый всеми, всеми презираем
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше — все не
наше. —

Но час придет, когда и мы восстанем!..»³.

Фернандо, еще не зная, что он сам — по рождению еврей, говорит, обращаясь к Монсею:

«Дай руку;
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца;
Ты человек...»⁴.

«Человек» — понятие отвлеченное. Человек, рассматриваемый абстрактно, равен другому человеку. Это равенство — понятие буржуазного гражданского общества. Для подлинного равенства необходимо не только юридическое равноправие, но еще уничтожение классов. В буржуазном устройстве понятие равенства скрывает классовые различия и потому представляет эксплуататорское общество в приукрашенном виде. Но по отношению к сословно-феодальному обществу понятие гражданского равенства обладает огромной взрывчатой силой. Люди друг другу равны: Фернандо, найденный и еврей, может свободно любить Эмилию, дочь дворянина и христианина. Но если так, то все сословные перегородки подлежат уничтожению — они не выдерживают суда разума и истории — вместе с законами церкви и абсолютизмом, освящающими и увенчивающими сословный строй. Отвлеченное понятие равенства открывает двери для буржуазной демократии. «Испанцы» и «Последний сын вольности» связаны не только хронологически: они связаны по существу, той связью, которую им придал XVIII век в Европе, Радищев и декабристы — в России. Генеральный мальчик, хранивший в своих бумагах рукописи обоих названных произведений, оказывался хранителем огня, который Николай I напрасно думал залить кровью, заглушить репрессиями.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Там же, стр. 69.

Идейные мотивы, побудившие Лермонтова написать «Испанцев», имели далеко не абстрактное, не экзотически-романтическое значение. Русский ключ к ним дан в лермонтовском замысле трагедии о молодом поповиче или мешанине, вынужденном окончить жизнь самоубийством. Этот ключ открывает двери в тайники политического мышления Лермонтова, посившего в этот период оформленно революционный характер.

Отвлеченно романтическому представлению о равенстве предстояло в России пройти весьма важное конкретно историческое испытание. Человек, твердящий о равенстве, но равнодушно проходящий мимо крепостного права, выявил бы себя пустым фразером — и только. Лермонтов же был весьма последователен в своих зреющих революционных убеждениях. От отвлеченного он спустился к конкретному, от учения о гражданском равенстве, примененного в художественной форме к испанским евреям, он перешел к русскому мужику. Лермонтов осудил крепостное право и выступил против него с трагическим неистовством в двух пьесах «Menschen und Leidenschaften» (1830 год) и «Странный человек» (1831 год). В груди Юрия («Menschen und Leidenschaften») бунтуют страсти, «жесткие, мятежные, противные законам»¹. Юрий разочаровался вообще в «людях». Он вынес горькие уроки не только из своих семейных взаимоотношений и любовных переживаний: Юрий переживал разочарование политическое и социальное. Юрий — фигура автобиографическая, тем обязательней для нас внимательней взглянуть в содержание надежд, крушение которых он переживает

И. Герцен.

Н. П. Огарев.

с таким мученьем. «Я не тот Юрий, которого ты знал прежде, — обращается наш герой к своему другу Заруцкому, — не тот, который с детским простосердечием и доверчивостью кидался в объятия всякого, не тот, которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства, у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым румянцем. О! друг мой! — того юношу давным-давно похоронили. — Тот, который перед тобою, есть одна тень; человек полуживой, почти без настоящего и без будущего, с одним прошедшим, которого никакая власть не может воротить»². «Любовь мою к свободе человечества, — говорит он дальше, — почитали вольнодумством»³. Целаром Лермонтов указывает, что страсти Юрия «противны законам». Это сказано очень точно. Противны законам не любовь его, не семейные раздоры, а вольнодумство, содержащее в себе мечты о земном всеобщем братстве и мечту о свободе. То и другое — не фраза, не риторический оборот, не надстройка над любовными и семейными неурядицами, а точное название обуревавших Лермонтова страстей.

Поэт искал перехода от отвлеченных мыслей о правильных людских взаимоотношениях к оценке действительного положения вещей в России. Уже в «Menschen und Leidenschaften» есть очень колоритная сцена, рисующая нрав Марфы Ивановны Громовой

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. IV, стр. 146.

² Там же, стр. 130.

³ Там же, стр. 131.

как крепостной помещицы. Поваренок разбил кружку.

«Как ты это сделал, мерзавец! — кричит Громова. — знаешь ли, что она 15 рублей стоит? Это деньги я у тебя из жалованья вычитаю — как ты ее уронил, — отвечай же, болван?.. Ну — что ж ты? Говори!»

(Мальчишка хочет говорить).

Как? Ты еще оправдываться хочешь... Эх, эх! брат — в плети его, в плети на конюшню...»¹.

Антикрепостнические идеи особенно сильно звучат в пьесе «Странный человек» (1831 год). В ней есть сцена, хотя в художественном отношении еще не зрелая, как и вся пьеса, но важная по содержанию, очень смелая, революционная по своему существу. К Белинскому, одному из действующих лиц пьесы, приходит ходок от крестьян с просьбой откупить их у жестокой помещицы.

Выслушав рассказ о зверских издевательствах этой помещицы, Белинский восклицает:

«Да что, в самом деле, кто-нибудь из соседей, или исправник или городничий не подадут на нее просьбу? — на это есть у нас суд. Вашей госпоже плохо может быть».

Мужик. Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком. Тяжко, барин! тяжело стало нам!... Рассказывают горничные: раз барыня рассердилась, так, вишь, пожинками так и кольнула одну из девушек... ох! больно... а как бороду велит щипать волосок по волоску... батюшка!... ну!... так тут и святых забудешь... батюшка!... (падает на колени перед Белинским) о! кабы ты нам помог?... купи нас! купи, отец родной! (рыдает).

Владимир (в бешенстве). Люди! люди! — и до такой степени злодейства доходит женщина, творенье природы столь близкое к ангелу... о! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть, сечь, выщипывать бороду волосок по волоску!.. о боже!.. при одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил негами каждый сустав этого крепостца, этой женщины!.. один рассказ меня приводит в бешенство!..»².

В сцене этой много деталей, показывающих, что мальчик-поэт вполне зрело представлял себе значение крепостного права для политического и социального строя страны. Крепостной раб не может найти защитника, потому что вся администрация,

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. IV, стр. 140.

² Там же, стр. 210—211.

включая и судебную, целиком базировалась на крепостничестве как на своем основании. Крепостной не мог обратиться в суд не только вследствие почти непреодолимых юридических преград, но и потому, что судья был подкуплен помещиком его же — крестьянским — оброком. Владимир Арбенин, главный герой пьесы, возмущается не злоупотреблениями властью со стороны помещицы, а социальным строем страны, при котором только и были возможны такие злоупотребления. «О мое отечество! мое отечество!» — восклицает он.

Лермонтов жил воображением в романтически приподнятом и нередко в романтически иллюзорном мире. Любимые им книги рисовали отвлеченные страсти, отвлеченный и экзотический, романтически преобразованный мир. Лермонтов в самом деле, как это отмечали все исследователи, очень много внимания уделял личным переживаниям. Были периоды, когда содержанием своей внутренней жизни Лермонтов склонен был придавать гиперболизированные, чуть ли не космические размеры. В «Странном человеке» Владимир Арбенин, возмущаясь раскрывшейся перед ним картиной крепостного права, в то же время утверждает, что страдания одинокой особенной личности глубже, нестерпимей чем страдания мужиков:

«Владимир. Есть люди, более достойные сожаления, чем этот мужик. Несчастья внешние проходят, — но тот, кто носит всю причину своих страданий глубоко в сердце, в ком живет червь, пожирающий малейшие искры удовольствия... тот, кто желает и не надеется... тот, кто в тягость всем, даже любящим его... тот! — но для чего говорить об таких людях? — им не могут сострадать: их никто, никто не понимает».

Это рассуждение вызывает негодующую реплику Белинского:

«Опять за свое! О, эгоист! как можно сравнивать химеры с истинными несчастьями? Можно ли сравнивать свободного с рабом»³.

Нельзя не признать справедливости этого замечания Белинского. Точно так же нельзя это признать и того, что автор, вложивший в уста своему персонажу такую реплику, понимал первостепенное значение политических и социальных вопросов по сравнению с узко индивидуальными переживаниями, как бы трагичны они ни были. Замкнутость в себе — значит уйти от мира. Тесный круг эгоистической личности уводит от борьбы за улучшение участи страдающих и угнетенных. Такая мысль была политической мыслью. Она родилась в результате интенсивных размышлений о социальных и гражданских

³ Там же, стр. 211.

судьбах своего отечества и человечества. Не случайно Лермонтов называет Владимира Арбенина, наделенного гениальным дарованием, не великим человеком, а странным человеком. Он странный человек потому, что слишком много занят своей особой в стране, народ которой был поработан и политически и социально.

Все это показывает, сколько реального и земного было в творчестве Лермонтова. В нем с самого начала литературной деятельности обнаруживаются задатки писателя-трибуна. Время сделало его романтиком. Но соприкосновение с революционной политической и социальной мыслью увлекало его на путь обличительного реализма. Недовольство ювенил-писателя вызывает и крепостное право и поколение сытых и равнодушных, лишенных идеала бездельников, «дряни александровского поколения», всерьезной на поверхность после поражения декабристов. «Вхожу в гостиную, — говорит Владимир, — там играют по 5 копеек в мушкет. Я посмотрел: почти ни слова не сказал. Мне стало душно. Не понимаю я этой глупой карточной работы: нет удовольствия ни для глаз, ни для ума, нет даже надежды, обольстительной для многих, выпрять, опустошить карманы противника. Песенное полоторство, стремление к ничтожеству, пошлое самовыказывание завладело половиной русской молодежи; без цели таскаются всюду, навоят скуку себе и другим...»¹.

Интересно отметить, что именно в 1831 году, году интенсивнейших революционных настроений и социальных размышлений, Лермонтов предполагал перевести работу над «Демоном» из плана высокого романтизма в план реалистический и сатирический: «Метод. Написать длинную сатирическую поэму «Приключения Демона», — записывает он у себя в тетради. Намерение это осталось неосуществленным, но оно очень показательное.

Политические и социальные идеи произведений Лермонтова обуславливались соединением декабристских традиций с умственной атмосферой Москвы и в особенности Московского университета начала тридцатых годов. В Москве сильнее чем в Петербурге сохранились отголоски декабризма. Произведения Рыльева и запрещенные стихи Пушкина гуляли по рукам и среди учащихся Благородного пансиона и среди студентов.

Передовая часть студенческой молодежи шестидесятых годов смотрела на себя как на продолжателей декабристов. Она была воодушевлена гражданскими

В. Г. Белинский.

(С портрета К. Горбунова. 1837 год.)

чувствами. «Мы были уверены, — писал Герцен, — что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылевым, и что мы будем в ней»².

Лермонтов не был исключением в студенческой среде. Воспринятые им предания о декабристах и знакомство с бесцензурной литературой, увлечение Байроном и Шиллером вполне подготовили его для того, чтобы идеи, воодушевлявшие студенческую молодежь, были восприняты им сочувственным образом.

Одновременно с Лермонтовым в Московском университете учились Станкевич, Белинский, Герцен, Огарев. Вокруг каждого из них группировались молодые люди, одаренные талантами, с живыми философскими, общественными и политическими интересами. Идеальная жизнь студенческой среды определялась не казенным преподаванием, а искажениями этих начинающих деятелей.

Лермонтов одинаково с ними отрицательно относился к плохим профессорам, он участвовал в их общих оппозиционных выступлениях, в том числе и в obstructии профессору Малову («маловской истории»), приобретшей общественное значение и даже политический оттенок. Перемещение идейного центра философской, общественной и независимой политической мысли в Москву, относительно более свободной от непосредственного давления императорской бюрократии, благоприятствовало образованию в университете и журналистике ячеек новой общественной идеологии, продолжающих, с одной стороны,

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. IV, стр. 194.

² Герцен «Былое и думы». Т. I, стр. 204.

К. Ф. Рылов.

традиции декабристов, а с другой — открывающих пути уже различинно-демократической мысли. К тому же 1830 год, год, когда Лермонтов перешел из университетского пансиона в число студентов, был богат политическими событиями. Эпидемия холеры развязала общественную самодеятельность. Правительство не могло управиться с холерой без содействия общества. Холерные беспорядки наводили на размышления о прочности социального строя в России, напоминали грозные картины движения Пугачева, предвещали их повторение в будущем. В Россию докатывались сведения о революционных потрясениях во Франции — все это действовало на умы и стимулировало развитие политической мысли. «Два листа» «Journal des Débats» (с известиями об июльской революции. — В. К.), — писал Герцен, — ... я перечитал сто раз, а их знал наизусть...

Славное было время, события неслись быстро. Едва худощавая фигура Карла X успела скрыться за туманом Голируда, Бельгия вспыхнула, трон короля-гражданина качался; какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе. Романы, драмы, поэмы — все снова сделалось пропагандой, борьбой...

Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами, за генералом Лафайетом и за генералом Ламарком, мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется радикальных, и хранили у себя их портреты от Манюеля и Бенжамена Констана до Дюпон де Лера и Армана Кареля.

Середь этого разгара, вдруг, как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о варшавском восстании...»¹.

Вот откуда черпал Лермонтов общественно-политическую идеологию своего творчества: политическое вольнолюбие, мечты о гражданском равенстве, отрицательное отношение к крепостному праву, интерес к вопросам революции.

Насколько идеи и настроения Лермонтова были типичны для передовых кругов московского студенчества, показывает сравнение его творчества этого периода с юношеской драмой Беллинского «Дмитрий Калинин». Исследователи давно уже отметили сходство сцен, обличающих крепостное право, в пьесе великого критика и «Странном человеке» Лермонтова. «В один и тот же 1830—31 год, — писал С. А. Венгеров, — в одной и той же литературной форме, одно и то же крайне редко тогда встречавшееся чувство негодования и возмущения крепостным правом выразили из всей русской литературы два юных чембарца...» Венгеров объяснял это «до жуткости странное совпадение» общностью прототипов некоторых персонажей Лермонтова и Беллинского. Педелеко от Чембарца жила помещица семья Мосоловых, отличавшаяся необычайно жестоким обращением с крестьянами. Д. А. Мосолов был в 1840 году задушен за невероятный деспотизм и разврат крепостными женщинами при помощи трех лакеев; его родная сестра, помещица села Полян, была в 1850 году сожжена крестьянами, не выдержавшими ее долгого произвола. Когда Лермонтов и Беллинский были студентами, Мосоловы невозбранно петствовали в своих владениях. «Подвиги» их были широко известны чембарцам, следовательно, и обоим юношам-писателям. И у Беллинского и у Лермонтова тиранкой является женщина. Вероятно, оба они воспользовались своими наблюдениями над Мосоловой. Однако родство между юношескими драмами Лермонтова и трагедией Беллинского неизмеримо шире чем общность прототипа одного из персонажей. Общие идеи, общие настроения, сходные положения с пьесой Беллинского имеются не только в «Странном человеке», но во всех трех ранних пьесах Лермонтова. Тесную связь (персонаж Беллинского) напоминает не только злая барыня из «Странного человека», но и старуха Громова из «Menschen und Leiden-schaften».

Практика крепостного права была такова, что всякий, писавший об его ужасах, должен был изображать сходные явления: самодурство и произвол, эксплуатацию и прямой грабёж, мордобой и сечение на

¹ А. И. Герцен и «Былое и думы». Т. I, стр. 230, 231.

юношине. Неизмеримо важнее эмпирического сходства между отдельными положениями и деталями общность идейных позиций Лермонтова и Белинского, обнаружившаяся в их пьесах. Только потому, что оба они были противниками крепостного права, оба смотрели на него как на преступное унижение прирожденного человеку достоинства, они могли одинаковым образом воспользоваться известным им примером Мосоловой. И у Лермонтова и у Белинского отрицательное отношение к крепостному праву было проявлением, может быть, не достаточно еще оформленного, но одинакового общественно-политического умонастроения. Оба протестуют против законов божеских и человеческих, оправдывающих тиранство и рабство. Оба выступают страстными апологетами равенства и свободы. Внутреннее единство существует не только между «Страшным человеком» и «Дмитрием Калининным», но между «Дмитрием Калининным» и «Испанцами», написанными, казалось бы, на совершенно различные темы. В пьесе Белинского отпущенник, сын лакея, любит дочь богатого помещика, в пьесе Лермонтова подкидыш, еврей, любит дочь испанского дворянина. Одинаковая ситуация рождает одинаковую трагическую развязку. Драматургически оба произведения родились из подражания романтическим трагедиям Шиллера, но увлечение Шиллером было проявлением одной и той же умственной «московской» атмосферы. Поэтому реплики Дмитрия повторяют не только неистовую форму, но изложенное уже выше содержание реплик Фернандо: Дмитрий восклицает: «Когда законы противны правам природы и человечества, правам самого рассудка, то человек может и должен нарушать их. Неужели я потому только не имею права любить девушку, что ее отец носит на себе пустое звание дворянина и что он богат, а я без имени и беден? Она меня любит: вот неотъемлемое право и мне отвечать ей тем же!»¹. Те же самые мысли, почти теми же словами, вырвался в стихотворной форме Фернандо, облаченный в испанский костюм. Возлюбленная Дмитрия Софья утверждала, «что права происхождения, предки суть не что иное, как предрасудки, постыдные для человечества, что единственно одни достоинства личные должны давать права на почести и славу». Герои и Лермонтова и Белинского обращают свой протест не только против земных законов, но и против божеских. Они обвиняют бога в неустойчивости мира, их богоборческие тирады совершенно одинаковы по своему смыслу: «но если он

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 52.

(бог) точно вездесущ, — говорит Юрий в своем монологе («Menschen und Leidenschaften»), — зачем не препятствует ужасному преступлению, самоубийству; зачем не удержал удары людей от моего сердца?.. зачем хотел он моего рождения, зная мою гибель?.. Где его воля, когда по моему хотению я могу умереть или жить?.. О! человек, несчастное, брошенное создание... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности...»².

С теми же обвинениями к небесам обращается и Дмитрий Калинин. «Неужели то премудрое, милосердное существо, — кричит он в бешенстве, — которое мы называем богом, посылает людей на землю, как колодников на каторгу?.. В таком случае можно ли сказать про человека, что он есть образ и подобие бога его сотворившего? Можно ли сказать, чтобы это шизкое, презренное существо было произведено на свет высочайшей премудростью? При том, ежели эта высочайшая премудрость, по свойственному ей всеведению, знала впредь, что люди рано или поздно должны будут дойти до крайней степени нравственного унижения, что они никогда не могут быть счастливыми, то для чего же она производила их?»³.

Фернандо горит мстью, мсть — единственно доступная для него форма непримиримого протеста. «А если решусь жить — то это для мщенья, и мщенья самого ужаснейшего!..» — говорит Дмитрий. Фернандо закалывает Эмилию, чтобы она не досталась ненавистному человеку, Дмитрий — Софью. Фернандо умирает на костре, Дмитрий, бежав из тюрьмы, сам поражает себя кинжалом, но оба остаются до конца внутренне свободными. Последние слова Дмитрия: «Свободным жил я, свободным и умру!» Испанец, присутствовавший на суде Фернандо, свидетельствует:

«...его пытали долгу.

Вопросы делали — он все молчал, ни слова

Они же вырвали у гордого Фернандо — И скоро мы увидим дым и пламя!»

«Дмитрий Калинин» и юношеские драмы гениального поэта — не только результат одинакового подражания Шиллеру, но и свидетельство увлечения однородными идеями.

В «Странном человеке» есть сцена, подтверждающая, что Лермонтов был хорошо знаком и с бытом и с содержанием теоретических вопросов, дебатировавшихся

² М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. IV, стр. 178.

³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 83.

в передовых студенческих кружках. Сцена эта рисует комнату студента Рябинова. «Бутылки шампанского на столе и довольно много беспорядка». Студенты говорят о московской театральной жизни. Негодуют, что «Разбойнички» Шиллера были поставлены не в полной редакции. Обсуждают игру Мочалова. Читают стихи. Спорят по общественным вопросам, причем спор затрагивает проблему «народности» и проблему путей исторического развития России, решая которые бывшие студенты тридцатых годов к началу сороковых разделились на западников и славянофилов:

«В и ш н е в с к и й. Господа! когда-то русские будут русскими? —

Ч е л я е в. Когда они на сто лет подвинутся назад, и будут пресвящаться и образовываться снова-здорово.

В и ш н е в с к и й. Прекрасное средство! — Если б тебе твой доктор только такие рецепты прописывал, то, я бьюсь об заклад, что ты теперь не сидел бы за столом, а лежал бы на столе! —

З а р у ц к о й. А разве мы не доказали в 12 году, что мы русские? — такового примера не было от начала мира! — мы современники, и вполне не понимаем пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам! ура! господа! здоровье пожара Московского?»¹.

В реплике Чилева, несомненно, присутствует зародыш будущего славянофильства; из ответа Вишневецкого и Заруцкого видно, что Лермонтов относился к националистическим крайностям иронически. Ответ Вишневецкого и заключение Заруцкого содержат в себе мысли западников и патриотов, взор которых был устремлен не

в прошлое, а в настоящее и будущее. В самом деле, смело было показывать, что русские потеряли — или еще не обрели — своего национального лица тогда, когда они сыграли такую колоссальную роль в европейской истории.

Лермонтов любил Москву с ее напряженной для того времени общественной и идейной жизнью. Самое название древней столицы ассоциировалось с эпопеей отечественной войны, со славной победой над Наполеоном и зарождавшимися революционными течениями:

«Москва, Москва!.. люблю тебя как
сын,
Как русский, — сильно, пламенно и
нежно!..»².

Лермонтов был участником напряженных умственных исканий передового студенчества. Несмотря на аристократическую приверженность к светской жизни, несмотря на склонность к индивидуалистической замкнутости Лермонтов любил студенческую московскую жизнь. Да это и не могло быть иначе: в Москве Лермонтов осознал себя писателем, ощутил в себе призвание гениального поэта и не мог не интересоваться бившей вокруг напряженной идейной жизнью.

Анализ творчества Лермонтова дает убедительные доказательства тесных связей, существовавших между поэтом и «Молодой Россией» 30-х и 40-х годов. Вот почему его литературное наследие является превосходным историческим материалом для суждения о настроениях умов молодого поколения его эпохи, а вместе с тем искания, мысли и чувства эпохи объясняют характер политических мотивов и творчества поэта.

¹ М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. IV, стр. 206.

² М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. III, стр. 366.

ПАТРИОТИЗМ В. Г. БЕЛИНСКОГО

«Любовь к отечеству, могущество народного духа и богатство в материальных средствах — действительно сильные орудия».

«Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества» (БЕЛИНСКИЙ).

1

Революционный патриотизм Белинского, его чувство национальной гордости за великий русский народ особенно ярко проявились в его взглядах на процесс общественного развития в России и исторические судьбы русского народа.

Эта проблема, занимавшая умы передовых людей русского общества на протяжении всего XIX века, была в центре идейной борьбы 30—40-х годов прошлого столетия.

Царское правительство устами своего министра просвещения Уварова, одного из «творцов» теории самодержавия, православия и великодержавной народности, объявило, что эти «истинно русские охранительные начала» составляют «последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества». Из этих трех начал, с помощью которых царизм мыслил «умиротворить» Россию и задушить всякие

проблески освободительного движения, исходила вся официальная правительственная политика в области просвещения, науки и литературы. Гонения на просвещение, науку и литературу прикрывались лицемерными декларациями о необходимости их распространения для «благоденствия» России. В то время, как свидетельствует в своем «Дневнике» весьма далекий от всякой революционности известный цензор профессор Никитенко, «требовали, чтобы литература процветала, но никто бы ничего не писал ни в прозе, ни в стихах; требовали, чтобы учили, как можно лучше, но чтобы учащие не размышляли. Требовали от юношества, чтобы оно училось много и притом механически, но чтобы оно не читало книг и никак не смело думать, что для государства полезнее, если его граждане будут иметь светлую голову вместо светлых пуговиц на мундире».

Царское правительство, приведшее к гибели Пушкина и Лермонтова, отдавшее в солдаты Полежаева и Шевченко, объявив-

шее умалишенным Чаадаева, вынудившее эмигрировать Герцена, затравившее Белинского, расправлялось и непосредственно и при помощи своих агентов в литературе со всем передовым, честным и мыслящим в русской литературе.

Против реакционного полицейско-охранительного направления в общественной мысли и литературе (Уваров, Шишков, Булгарин, Греч, Кукольник, Сенковский и др.) выступили велел за великими русскими писателями: Пушкиным, Лермонтовым, Грибоедовым — первые русские просветители, вышедшие из кружков Герцена и Станкевича — Белинского.

Просветители, принадлежавшие к так называемому западническому направлению в русской общественной мысли 30—40-х годов, ненавидели крепостничество и все его порождения и проявляли горячее сочувствие к участи народных масс; они отстаивали необходимость для России пойти по пути западноевропейского, капиталистического развития, требовали развития в России промышленности, цивилизации и просвещения по западноевропейскому образцу.

Многие представители западничества, например Кавелин, Анненков, Боткин и другие, были буржуазными просветителями, далекими от революционного демократизма: они не верили в возможность народной революции и установления демократической власти, считая русский народ инертной массой. Среди буржуазных просветителей были люди, которые все надежды на прогресс России связывали с проникновением в Россию иностранного капитала и западноевропейской культуры. Эти люди, огульно оханвавшие все историческое прошлое русского народа, отрицавшие его культуру, предлагавшие целиком и полностью заимствовать у Запада его порядки, получили от Белинского кличку «гуманистических космополитов».

Отдельные «космополиты», выходящие из дворянской знати и холопствующих перед ней слоев мещанства, считали неотъемлемыми свойствами русского национального характера такие «качества», которые великами пытались привить русскому народу правящий класс крепостников: лень, грязь в быту, нежелание учиться, медлительность и консерватизм, приверженность к предрассудкам и т. д. Эта гнусная клевета на русский народ была разоблачена Белинским уже в 40-х годах прошлого века.

Но, разоблачая «космополитов», Белинский с самого начала своей общественно-политической и литературной деятельности встал в непримиримо-враждебную позицию и по отношению к славянофилам, которые проповедывали особый, «самобытный» путь развития для России. Славянофилы идеализировали допетровскую Русь,

считали необходимым сохранение патриархально-крепостнических порядков и допускали необходимость распространения просвещения в народе лишь в ограниченных пределах, с тем чтобы образованное «общество» и народ не разучились вовсе понимать друг друга.

Однако царскому правительству претила даже та «искусственная середина», которую хотели отыскать славянофилы между западноевропейским просвещением и патриархально-крепостническими устоями русской жизни. Николай I, напуганный французской революцией 1830 года, познакомившись со статьей славянофила И. В. Киреевского «XIX век» в журнале «Европеец», самовольно запретил журнал и лишил Киреевского права печатать свои произведения в журналах, ибо «изволил найти», что Киреевский, «рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное; под словом просвещение понимает свободу, что деятельность разума означает у него революцию, а искусно отысканная середина, не что иное, как конституция»¹.

Царское правительство не могло допустить того, чтобы в литературе кто-либо размышлял и рассуждал. Поэтому репрессии иногда сыпались и на голову славянофилов, хотя они и выступали в защиту монархического образа правления и незыблемости устоев «русской жизни». Дело доходило до того, что под подозрение ставились даже произведения В. А. Жуковского. Начальник III отделения Дубельт писал в своем заключении о произведениях Жуковского: «Вопросы его сочинения духовные слишком жизненны, политические слишком развернуты, свежи, нам одновременны, чтобы можно было без опасения и вреда представить их к чтению юной публики. Частое повторение слов: свобода, равенство, реформа, частое возвращение к понятиям: движение века вперед, вечные начала, единство народов, собственность — кража и тому подобным, останавливают на них внимание читателя и возбуждают деятельность рассудка»².

Славянофилы фанатически верили в ими же самими созданную легенду о том, что русскому народу присущи от природы мистицизм и религиозная созерцательность, смирение и любовь к своим владыкам, приверженность к традициям и старине. Славянофилы, идеализируя эти сфабрикованные ими же «качества» русского народа, освящали, таким образом, реально суще-

¹ Цитируется по М. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», стр. 73.

² Там же, стр. 202.

ствовавшие патриархально-крепостнические порядки, освящали смирительные цепи, надетые крепостниками на угнетенный народ.

Несмотря на искреннее сочувствие многих славянофилов (И. Киреевский, К. Аксаков и др.) народным массам и их стремление к прогрессу они, выступая против изменения крепостнических основ общественной жизни в России, объективно становились пособниками реакционно-охранительской политики и идеологии «самодержавия, православия и народности». Об этом свидетельствует взгляд славянофилов на крепостное право. Жестокостей крепостничества они не одобряли, но когда речь заходила об освобождении крестьян, то они считали, что для этого ...не настало время, что с этим лучше подождать, чтобы не нарушить патриархальной крестьянской общины и не создать в России пролетариата. Самый передовой из славянофилов — И. В. Киреевский, которого Николай I со страху даже зачислил в революционеры, писал: «Крепостное состояние должно со временем уничтожиться... Но в теперешнее время я думаю, что такая всеобъемлющая перемена произведет только смуты, общее расстройство, быстрое развитие безнравственности и поставит отечество наше в такое положение, от которого сохрани его бог»¹.

До последних своих дней несмотря на отдельные попытки установить корректные полемические отношения со славянофилами Белинский оставался непримиримым врагом их «квасного патриотизма». Он резко выступал против того, чтобы просветители, «западники», участвовали в одних журналах со славянофилами и искали почву для примирения с ними.

Известно, что в освободительном движении в России и в передовой, оппозиционной литературе разночинец становится центральной фигурой после падения крепостного права в 60-х годах XIX века. Но уже в 40-х годах Белинский своими выступлениями против казенного полицейско-охранительного направления в литературе, против славянофилов, против «космополитов» — будущих идеологов либеральной буржуазии — формирует революционное сознание появляющегося в русском обществе слоя разночинцев.

В. И. Ленин в своей статье «Из прошлого рабочей печати в России» писал об этом: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знамени-

тое «Письмо к Гоголю», подводящее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесценной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»².

Разбирая славянофильские и «космополитические» взгляды на процесс исторического развития России и ее судьбы, Белинский критикует их теоретические основы. Славянофилы, пишет Белинский, уарились в фантастическую народность, крайние «западники» — в фантастический космополитизм. Каждое из этих направлений в русской общественной мысли пыталось дать философское обоснование своей позиции при помощи идеалистических и мистических теорий.

Белинский правильно подчеркивает, что славянофильские «теории» об особом самобытном пути развития России основаны на «туманных, мистических предчувствиях победы Востока над Западом, которых несостоятельность слишком ясно обнаруживается фактами действительности». Он говорит о том, что славянофилы, справедливо критикуя пошлый и поверхностный характер «подражательства европеизму» со стороны русского дворянства, впадают в метафизику, когда «процесс развития принимают за его результат, хотят видеть плод раньше цвета и, находя листья безвкусными, объявляют плод гнилым», то есть объявляют весь строй Западной Европы гнилым, более низким по сравнению с крепостническим строем России и т. д.

Наряду с этим Белинский дает острую критику «космополитизма», показывая, что в основе этого течения, враждебного всему русскому, лежит идейный разрыв между народными массами и образованным меньшинством. Последнее, по мнению «космополитов», настолько оторвано от первых, что живет совершенно самостоятельной жизнью в кругу интересов, созданных западноевропейским влиянием; народ же по природе своей якобы враждебен всему передовому, образованному, ибо оно идет от Западной Европы.

2

Белинский, далекий от всякого «самохвальства и фанатизма» славянофилов в отношении русского народа, по достоинству высоко оценивал русскую национальность, предсказывая ей достойное будущее. Он указывал, что русская национальность проявляется вовсе «не в лаптях, не в армяках, не в сарафанах, не в сивухе, не в бородах, не в курных и нечистых избах, не в безграмотности и невежестве,

¹ Цитируется по В. Семеновскому «Крестьянский вопрос в России». Т. II, стр. 242. 1888.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 341.

не в лихоимство в судах, не в лени ума»¹. Неотъемлемыми качествами русского народа, утверждает Белинский, являются «бодрость, смелость, находчивость, сметливость, переимчивость», «крепость и здоровость духа», «отсутствие мистицизма и религиозной созерцательности», способность к широкому размаху в жизни и деятельности, трудолюбие, мудрость, героизм в борьбе с чужеземными захватчиками и т. д.».

«...Русский народ, — пишет Белинский в статье о народной поэзии, — богатый элементами разума и эстетического чувства, в то же время отличается и необыкновенною сметливостью, смысленностью, практическою деятельностью ума, остроумием, аналитическою силою рассудка»².

Белинский высоко ценит героизм русского народа, проявленный им в борьбе за национальную независимость, за очищение русской земли от чужеземных захватчиков: немецких ливонских рыцарей, польских панов, татар, шведов, «двунадесяти языков», вторгшихся под водительством Наполеона на землю наших предков.

Белинский отдает дань глубокого уважения храбрости, честности и благородству украинского народа и искренно возмущается насилиями, которые чинили над ним польские паны, прославившиеся своим вероломством, клятвоотступничеством и предательской жестокостью в отношении украинцев, которых они называли «быдлом», «мужиками» и «холопами». «...Эти мужики и холопы, — пишет Белинский, — поступали с большей честностью, благородством, рыцарственностью и великодушием, чем благородные магнаты польские, хваставшие перед малороссами своим «гонором» и своею «эдукацией»³.

В письме к Гоголю Белинский считает неотъемлемыми чертами русского народа то, что он глубоко атеистичен и враждебен самодержавию и «народности».

Белинский высоко ценит не только героическое прошлое русского народа, его народную поэзию и первоклассную литературу, но и его трудовую деятельность, покрывшую после преобразований Петра I необъятную русскую землю городами, портами, заводами, каналами. Все эти успехи русского народа, говорит Белинский, ана-

лизируя русскую историю, вызваны тем, что после Петра Великого русский народ из народности стал национальностью.

В 30-х и начале 40-х годов национальность представлялась Белинскому некоей надысторической, мистической субстанцией, независимой от исторических условий жизни народов.

«Сущность всякой национальности, — пишет Белинский в 1840 году, — состоит в ее субстанции. Субстанция есть то непреходимое и вечное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит через все фазы исторического развития»⁴. Здесь явно выступает влияние гегелевской философии истории.

Антинаучная сущность идеалистических воззрений на национальность как на что-то «мистическое, неуловимое и загробное» достаточно подробно вскрыта в трудах классиков марксизма. «Нечего и говорить, — указывает товарищ Сталин в своей статье «Марксизм и национальный вопрос», — что «национальный характер» не есть нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но поскольку он существует в каждый данный момент, он накладывает на физиономию нации свою печать»⁵.

По мере того как Белинский расстается с «философским колпаком Егора Федоровича» и отступает от реакционных сторон философии Гегеля, он приходит к выводу о том, что национальность формируется в процессе исторического развития.

В отличие от народности, которая понимается Белинским как племенное образование, в котором люди живут в состоянии естественной непосредственности и патриархальности, национальность, понимаемая как «совокупность всех духовных сил народа», формируется только тогда, когда определенные исторические, географические и климатические условия позволяют «национальному духу» определенного народа проявить свою самостоятельность в отношении других народов. Так, по Белинскому, «Россия до Петра Великого была только народом и стала нацией вследствие движения, данного ей преобразователем»⁶.

Но и тогда, когда Белинский рассматривает нации как историческое образование, относя их формирование ко

¹ В. Г. Белинский. Соч. Т. XII, стр. 266. М. 1926. Под редакцией В. С. Спиридонова.

² В. Г. Белинский. Соч. Т. IV, стр. 320.

³ В. Г. Белинский. Соч. Т. XII, стр. 412.

⁴ В. Г. Белинский. Соч. Т. XII, стр. 262.

⁵ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 6. Партиздат. 1937.

⁶ В. Г. Белинский. Соч. Т. XII, стр. 263.

времени зарождения капитализма (XVI—XVIII века), он не доходит до материалистического понимания истории, не дает правильного научного определения национальности.

Национальность даже в позднейших работах Белинского понимается им лишь как продукт развития общечеловеческого духа, как коллективное сознание человечества, выражающееся в специфических национальных чертах характера различных народов. У Белинского речь идет только об общем психическом складе и отчасти об общем языке людей определенной национальности, но отнюдь не об исторически сложившейся общности территории и экономической жизни.

Однако Белинский, не дошедший до научного определения национальности, высказывает глубокие мысли о соотношении национального и общечеловеческого. Произведения литературы и культуры национальны, говорит Белинский, потому что они обладают общечеловеческим содержанием, потому что они живут теми же идеями, которыми живет все человечество. Но для того чтобы человечество освобождалось от своей непосредственности и патриархальности, от своей зависимости по отношению к природе, оно должно быть объединено в национальности; заимствуя у других народов плоды их материальной и духовной цивилизации, народ перерабатывает их и совершает свой прогресс национальным образом; распространение цивилизации и просвещение вовсе не делает один народ похожим на другой.

«Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности,—лишет Белинский.—Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми»¹.

В патриотическом чувстве Белинского нет места ни национализму, ни псевдопатриотическому бахвальству.

«Любить свою родину,—говорит он,—значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому»².

¹ В. Г. Белинский. Соч. Т. XII, стр. 394.

² В. Г. Белинский. Соч. Т. VI, стр. 10.

Белинский — просветитель и зачинатель революционной демократии — требовал создания в России промышленности, торговли, науки, искусства и т. п. по западноевропейскому типу. Но он был очень далек от слепого подражания Западу: подобно Чаадаеву, он жестоко высмеивал русских либералов — западников, копировавших каждое слово, сказанное в Западной Европе (Чаадаев называл русских либералов «бессмысленными мошками, ослепленными лучами солнца Запада»).

Белинский был западником потому, что в западноевропейской цивилизации он справедливо видел огромный прогресс в сравнении с отсталой, крепостнической российской действительностью и приближение к тому идеалу человечества, о котором он мечтал, то есть к идеалу социализма.

Он резко выступал против отождествления национального с простонародным.

В «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский еще считает, что есть основания отождествить в России национальное и простонародное, ибо он полагал, что в России еще нет литературы, отражающей жизнь, быт и нравы русского народа. Впоследствии Белинский отошел от этой точки зрения, считая, что национальными, русскими произведениями надо считать не те, где речь идет о курных избах и кулачных боях, а в первую очередь те, в которых поэтически воспроизведена картина русского «образованного общества»: «Евгений Онегин» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова и другие.

Это отнюдь не означает какого-либо поправления Белинского или поворота его в сторону дворянской эстетики. Это говорит лишь о том, что Белинский справедливо считает подлинным приобретением всего русского народа распространяющиеся в его образованных слоях просвещение и созданные гениями русской литературы произведения.

В противоположность славянофилам он требует не возвращения образованных слоев тогдашнего общества к низкому уровню культуры простонародья, а распространения складывающейся в русском обществе цивилизации на широкие народные массы. В противоположность «космополитам» он считает низкий уровень культуры, безграмотность и невежество современного ему простонародья не органически присущими русскому народу пороками, не его субстанциональными чертами, а пороками, принятыми ему так же, как и курные нечистые избы, в которых он живет, бороды, сивуха, лапти и армяк. Русский народ с охотой «расстается», говорит Белинский, с преданиями длиннополой старины и с охотой усваивает себе все новое и лучшее,

как бы о том ни жалели «квасные патриоты» из славянофилов.

Белинский не закрывает глаза на такие отрицательные стороны современного ему русского быта и нравов, как «затворничество женщины, кнутобойство, привычку зарывать в землю деньги и ходить в лохмотьях из боязни обнаружить в себе богача, азиатизм в образе жизни, лихоимство, невежество, рабство в понятиях и чувствах». Он подчеркивает, что все это было привито веками крепостничества и татарского гнета, и отмечает, что в результате преобразований Петра Великого Россия начинает освобождаться от этих наносных влияний, от так называемой «дурной народности».

В подцензурной печати Белинский не мог прямо ставить вопроса о ликвидации крепостничества как радикальном средстве уничтожения «привитых пороков» русской национальности. Но его постоянные намеки на засилье варварства, на отсутствие и в послепетровской России подлинного развития промышленности, администрации, просвещения, на унижение человеческого достоинства, несовместимое с цивилизацией, — ставят освобождение русской национальности от «привитых пороков» в зависимость от уничтожения крепостного права.

В знаменитом письме к Гоголю 15 июля 1847 года, подводящем итог всей литературной деятельности Белинского, этот вопрос разрешается радикально.

«Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности»¹, — провозглашает Белинский. Самым важным национальным вопросом для России он считал немедленное уничтожение крепостного права.

3

В центре мыслей Белинского о судьбах русского народа было стремление к ликвидации вековой отсталости крепостной России и сознание в России более высокой цивилизации чем в странах Западной Европы. В этом свете Белинский анализирует исторический процесс развития России и преобразований Петра Великого. Белинский, горячо любивший великий русский народ и восхищавшийся его героическим прошлым, ярко показывает, что в результате господства жестоких и невежественных владык к концу XVII века Россия несмотря на величие и мощь русского народа оказалась в числе сравнительно отсталых стран Европы.

¹ В. Г. Белинский «Письма». Т. III, стр. 231.

Белинский разоблачает славянофильские теории о верности и беспрекословном повиновении народа властям в допетровской Руси; он указывает на факты «народных мятежей» по случаю упадка курса денег, на «стрелецкие бунты», «крамолы» и т. д. Он опровергает также и славянофильскую концепцию о том, что татарскому игу Русь поддалась из-за «смирения», притупленного якобы русскому народу. «Татарам поддались мы совсем не от смирения (это было бы для нас не честью, а бесчестьем, как и для всякого другого народа), а по бессилию, вследствие разделения наших сил родовым кровавым началом, положенным в основание правительственной системы того времени»², — пишет Белинский. Иоанн Калита, Симеон Гордый, Дмитрий Донской, Иваны III и IV не смирением, а мечом положили конец татарскому владычеству, говорит он там же.

Но жизнь русского народа до петровских преобразований была односторонней и изолированной. Россия того времени была полна самых кричащих противоречий. «Бессилие при силе, бедность при огромных средствах, бессмыслие при уме природном, тупость при смывленности природной, унижение и позор человеческого достоинства и в обычаях, и в условиях жизни, и в судопроизводстве, и в казнях, и притом унижение человеческого достоинства при христианской религии: вот первое, что бросается в глаза при взгляде на общественный и семейный быт России до Петра Великого»³, — пишет Белинский.

К концу XVII века, ко времени воцарения Петра Великого, перед Россией стал вопрос: либо она станет колонией передовых в техническом и военном отношении стран, либо она должна ликвидировать свою веками сложившуюся отсталость. На это указывает и Белинский, считая, что «...без реформы Петра Россия, может быть, сблизилась бы с Европой и приняла бы ее цивилизацию, но точно так же, как Индия сблизилась с Англией»⁴.

России, говорит Белинский, не требовалось начинать ликвидацию своей отсталости и вводить западноевропейскую цивилизацию с азов: она могла воспользоваться уже готовыми результатами цивилизации. Она должна была и могла учиться и математике, и фортификации, и инженерному искусству, и навигации еще тогда, когда в народных массах России царили безграмотность и невежество.

Белинский отмечает, что после петров-

² В. Г. Белинский. Соч. Т. X, стр. 404.

³ В. Г. Белинский. Соч. Т. XII, стр. 273—274.

⁴ Там же, стр. 281.

ских реформ Россия двинулась вперед. Укрепились военная и техническая мощь России. «Каналы и дороги начали прорезывать девственную почву земли Русской, зашевелилась торговля; застучали молоты, захлопали стены; зашевелилась промышленность!»

Вторым следствием петровских реформ было создание в России образованного общества дворян. «Нижние слои общества», т. е. мещане, ремесленники, торговцы, промышленники, в результате реформ Петра вышли из неподвижного состояния; соперничество с иностранцами вызвало в них стремление к развертыванию своей деятельности, к нововведениям и к грамоте.

Наконец, третьим, самым важным, по Белинскому, следствием реформы было создание русской литературы, проникнутой духом народа и отразившей жизнь общества того времени. В эту литературу входят десятки замечательных произведений, начиная с оды Ломоносова «На взятии Хотина» и кончая «Евгением Онегиным» Пушкина.

Все эти изменения в экономике и культуре России, последовавшие за преобразованиями Петра, отнюдь не лишили русский народ его самостоятельности и национальной индивидуальности, отнюдь не привели к утрате им своего национального лица.

Белинский видит в той многосторонности, с которой русское общество использует результаты цивилизации различных национальностей, не столько его слабую, сколько сильную сторону; он видит в этом залог того, что русский народ, уже создавший ко времени Белинского первоклассную литературу, способен выразить в своей национальной культуре более богатое и многостороннее содержание чем другие народы.

Но если Белинский дает справедливо высокую оценку петровским преобразованиям, то вместе с тем он идеализирует их и преувеличивает их значение, приписывая преобразование этих реформ исключительно личности Петра и не доходя до понимания их классового характера.

Высоко расценивая преобразования Петра Великого, Белинский сожалеет о том, что после Петра развитие России под властью слабых и порочных царей (исключение Белинский делает только для Екатерины II) отклонилось от намеченного Петром пути, что Россия после Петра перешла «темную годинку» и не могла двигаться вперед. Белинский начиная с «Литературных мечтаний» не раз сетует о том, что Россия не идет по стопам Петра в полной мере, что просвещение захватило только верхи общества, а народ остался

при прежней полудикой жизни, что между «обществом» и народом огромная пропасть. Причины отсталости русского общества, оторвавшегося от патриархальности, но не пришедшего к европеизму, Белинский видел в господстве крепостного права.

Уже в 1831 году в драме «Дмитрий Калинин» Белинский подверг русское крепостничество обличительной критике.

В 30-х годах, стремясь к уничтожению крепостничества, он не предлагал еще революционных методов борьбы с ним; наоборот, он всецело надеялся на реформу «сверху», на освобождение крестьян и распространение просвещения по инициативе «мудрого правительства».

В письме к Д. П. Иванову в августе 1837 года он говорит о том, что прежде чем дать народу свободу, надо распространить среди него просвещение, чтобы избежать анархии и уничтожения созданной дворянством культуры.

В своих статьях 1838—1839 годов о Бородинской битве Белинский прославлял царское самодержавие как «мудрого водителя России», ведущего ее по пути Петра. Но и тогда, когда он не доходил до понимания классового, крепостнического характера царизма, он не переставал считать крепостное право неразумной и недостойной человека формой общественного бытия.

В 40-х годах, становясь на позиции революционного демократизма, Белинский изменяет свой взгляд на пути уничтожения крепостного права, считая, что наиболее вероятный способ его устранения — насильственная революция. Правда, он не оставляет надежд на возможность «реформ» сверху и с интересом следит за деятельностью назначенной царем комиссии по «облегчению положения крестьян», но не верит в то, что эти реформы могут радикально изменить положение крестьян. Об этом ярко свидетельствует его знаменитое письмо к Гоголю. Отмечая тот факт, что правительство чувствует рост стихийного возмущения крестьян, Белинский издевается над его «робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостного клута треххвостной плетью»¹.

В письме к Анненкову в декабре 1847 года Белинский пишет, что в попытках правительства разрешить вопрос об освобождении крестьян проявляется дворянский, классово корыстный подход царского правительства к делу реформы: «...правительство, — пишет Белинский, — решительно хочет дать свободу крестьянам без земли, боясь пролетариата, и в то же время не

¹ В. Г. Белинский «Письма». Т. III, стр. 231.

хочет, чтобы дворянство осталось без земли, хотя бы при деньгах»¹.

Статьи Белинского и в особенности его письма начиная с 1840 года проникнуты обличительной критикой русского самодержавно-крепостнического строя, враждебного русскому народу и тормозящего его прогресс.

4

«Мы люди вне общества, — пишет он Е. Аксакову 23 августа 1840 года, — потому что Россия не есть общество! У нас нет ни политической, ни ученой, ни литературной жизни. Скучка, апатия, томление в бесплодных порывах — вот наша жизнь. Что за жизнь для человека вне общества? Что может быть хуже, спрашивает Белинский, чем «государство, в котором есть богатые элементы для жизни, но которое спелено в тисках железных и представляет собою образ младенца в английской болезни. Гадко, гнусно, ужасно! Нет больше сил, нет терпенья»².

Но у Белинского нет места унынию, нет места пессимизму. Он уверен в том, что Россия будет передовой страной мира. «Мы будем и юристами и Римлянами в юриспруденции, — пишет он, — но мы будем и поэтами, и философами, народом артистическим, народом ученым, и народом воинственным, народом промышленным, торговым, общественным»³.

Белинский доказывает, что существовавшие в России самодержавно-крепостнические порядки должны уступить место более прогрессивному строю. Не называя капитализма по имени, он считает его наступление в России неизбежным, рассматривая капиталистическую стадию общественного развития как исторически закономерный этап, через который должна была пройти Россия.

Несомненно, что в этом вопросе Белинский был гораздо ближе к истине чем его современник А. И. Герцен, считавший русского мужика более прочной основой для социализма чем западноевропейского рабочего.

Когда Белинский говорит во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» о том, что в России реформа после 1812 года свершила свое дело и что «настало для России время развиваться самобытно из самой себя», то он имеет в виду необходимость развития в России отечественной промышленности, отечественной цивилиза-

ции, отечественного просвещения. При этих условиях, полагает Белинский, Россия, воспринимая все достижения западноевропейской цивилизации, не позволила бы странам Западной Европы приобщить себя к цивилизации на манер Индии, то есть превратить Россию в колонию.

Злейшие враги марксизма — народники, — тенденциозно искажая смысл высказывания Белинского о необходимости для России «развиваться самобытно из самой себя», объявили его чуть ли не родоначальником народничества, приписывая ему теорию о том, что Россия должна пойти капиталистическим, самобытным путем развития на основе крестьянской общины.

Даже Плеханов допустил ошибку, когда заключил, что у Белинского под конец жизни появилась склонность к славянофильским иллюзиям.

Не говоря уже о том, что Белинский ни где ни одним словом не восхвалял русской крестьянской общины и не видел в ней основы социализма, мы должны отметить, что в предсмертном письме Анненкову Белинский прямо указал на необходимость и неизбежность капиталистического развития России.

Но при этом Белинский отнюдь не возлагал своих надежд на буржуазию и выискивал ее мешанскую ограниченность, филистерство и ханжеские проповеди о «равенстве», якобы устанавливаемом после ее прихода к власти. В рецензии на «Парижские тайны» Э. Сю он пишет: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судятся одинаким судом по вине, наказываются одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию выплутть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату»⁴.

В своих письмах Боткину из-за границы в 1847 году он говорит, что в западноевропейском владычестве капиталистов «все мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости».

В отличие от буржуазных просветителей типа Анненкова и Боткина, впоследствии ставших идеологами либеральной буржуазии, Белинский вслед за Герценом решительно вскрывал неизлечимые язвы капиталистической цивилизации. Он мечтал о том, чтобы в России на месте крепостничества установилось не господство торжести

¹ В. Г. Белинский «Письма». Т. III, стр. 314.

² В. Г. Белинский «Письма». Т. II, стр. 154.

³ В. Г. Белинский. Соч. Т. IV, стр. 321.

⁴ В. Г. Белинский. Соч. Т. VII, стр. 471.

крупных капиталистов, а строй свободных, культурных и самоуправляющихся граждан (крестьян, ремесленников, разночинцев и т. д.). Он страстно желал, чтобы из рук реакционного самодержавия власть была передана не в руки капиталистов («горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма...» — говорил он), а в руки всей массы «третьего сословия».

5

Истинный патриотизм Белинского при решении вопроса о современном ему положении России сказался прежде всего в глубоком сочувствии народным массам России, независимо от их национальности, в непреодолимой ненависти к самодержавию, православию и великодержавному шесту. Белинский пользовался всякой легальной возможностью, для того чтобы выразить это сочувствие умелым народным массам.

Так, в рецензии на книгу Пелавина «Самоеды» он бросает прямой вызов господствовавшей в крепостной России политике великодержавной народности; он пишет по поводу книги Пелавина: «...Вотль и стон голодных, ограбленных и пригваленных дикарей непрерывно носится над дикой тундрой. Нужно... глубоко проникнуться сочувствием к угнетенным и негодованием против корыстолюбивых и трубых угнетателей, чтобы в столь безыскусственной, но живой и поражающей картине представить, с одной стороны, бесконечное унижение и страдание, а с другой, возмутительное насилие, ни перед чем не останавливающееся»¹.

В обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он называет замечательной и превосходной статью С. А. Маслова «Жар и жатва хлеба», где автор нарисовал ужасающую картину лепней страды, когда женщины целыми днями жнут в поле, отрываясь от работы только для того, чтобы накормить иссохшей грудью брошенного на меже без приютира ребенка, а нередко тут же, в поле, разрешаются от бремени мертвыми младенцами.

Белинский считает распространявшееся в «образованном обществе» презрение к низшим сословиям болезнью выскочек, порождением невежества и грубости.

Выступая против дворянской эстетики, приходящей в ужас от «наводнения литературы мужиками», Белинский говорит: «Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в

природе — человек. А разве мужик — не человек? Но что может быть интересно в грубом, необразованном человеке? Как что? Его душа, ум, сердце, страсти, склонности, — словом, все то же, что и в образованном человеке»².

Он доказывает, что природа в одинаковой степени щедро наделяет все сословия своими дарами и вовсе не от природы одни люди образованы, другие — невежественны; различие между образованными и невежественными зависит от общерешенных условий существования («средств к развитию») и воспитания.

Истинное назначение образованных слоев русского общества, по Белинскому, состоит не в том, чтобы отгораживаться от народа и смотреть на необразованных людей как на существа низшей породы, а в том, чтобы распространять просвещение в низших классах общества, помогать нуждающимся и предупреждать нищету, защищать народные массы от их угнетателей.

В своем знаменитом письме к Гоголю Белинский бичует те произведения (в частности «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя), где вымещаются тяжелые условия жизни простонародья, и требует не насмешки и назидательного тона по отношению к крестьянам, а сочувствия и заботы о людях, которые «потому не умываются, что, поверив своим бабам, сами себя не считают за людей». Он резко осуждает реакционную проповедь о том, что «должно пороть и правого и виноватого», подчеркивая при этом, что «чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления».

На всем протяжении своей деятельности в 40-х годах, иногда прямо, иногда в силу цензурных условий замаскированно, Белинский нападает на самодержавие, православие и великодержавный гнет, показывая, насколько они враждебны русскому народу. Он саркастически бичует правительственную идеологию «православия, самодержавия и народности», показывая, что за ними кроются кутья, кнут и матерщина, и требует, чтобы они были заменены в России развитием промышленности, общественной, литературы и науки. Белинский призывает русских писателей и всех образованных людей русского общества, сочувствующих народу, быть его вождями, защитниками и спасителями от русского самодержавия, православия и народности.

В своих произведениях Белинский не раз клеймит рядящихся в тогу русских патриотов подлых приспешников самодержавия. Так, он раскрывает пуганое лицо журналиста — агента II отделения Ф. Бул-

¹ Рецензия эта входит в подготовленный к печати XIII том собрания сочинений Белинского. Она найдена и включена в этот том его редактором В. С. Спиридоновым.

² В. Г. Белинский. Соч. Т. XI, стр. 95.

партия, который обвинил всех подлинных патриотов в измене России, тогда как сам изменил России, пойдя против нее под знаменами Павлова (впоследствии он вновь принял русское подданство). «Нет, м. г., — пишет Белинский, — я глубоко убежден, что всякая измена есть дело гнусное, подлое, нечеловеческое; я глубоко бы презрел человека, который бы, например, из злобы к русскому, сперва летал бы под французским орлом, а потом бы перешел опять к русским... На святой Руси не было, нет и не будет ренегатов, т. е. этаких выходцев, бродяг, пройдох, этак расстриг и патриотических претакелей, которые бы, ярая двойною присягою, понатали в двойную цель и, избавляя от негодяя свое отечество, пятали бы своим братством какое-нибудь государство»¹.

Белинский требует радикального изменения положения русского общества, «в котором кишат и рвутся наружу свежие силы, но, слаженные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию».

Клеймя полчищско-крепостнические порядки царской России, Белинский везде и всегда проявлял высокое чувство национальной гордости за героический, трудолюбивый и мудрый русский народ.

Чувство национальной гордости Белинского было полной противоположностью «квасному патриотизму» славянофилов, бахвалившихся как раз тем, что, по Белинскому, было достойно уничтожения, т. е. патриархально-крепостническими порядками и правами.

Белинский всегда и везде показывал, что фанатизм и бахвальство славянофилов, кичащихся перед Западом какими-то «вечными» началами жизни в России и мистическим «особым» свядом русской жизни, приносят русскому народу только вред. Предлагать России оставаться на том уровне, на котором она находилась в экономическом, государственном и культурном отношении к 40-м годам прошлого века, могли только люди, в которых не было ни грама подлинного патриотизма.

«Истинный патриотизм, — говорил Белинский, — заключается не в притворении отечеству качеств, которых оно, быстрыми шагами идущее к совершенству, не усело еще себе усвоить, но в благородных и бескорыстных усилиях приблизить время, когда оно в самом деле достигнет возможного совершенства»².

Так же чужд Белинскому и «безнацио-

нализм» так называемых «космополитов», которые приписывали русскому народу только самые отрицательные качества и потому предлагали отказаться от русской национальной культуры.

Кавелин рассказывает, что Белинский выражал уверенность в том, что «Россия лучше сумеет... разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа»³.

«Да, в нас есть национальная жизнь, — писал Белинский, — мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому, что это слово, эта мысль будет сказана ими»⁴.

Исходя из такого глубокого понимания патриотизма, из искренней любви к народу, сочетаемой с непреодолимой ненавистью к его угнетателям, Белинский всеми силами стремился к уничтожению крепостного права, к созданию в России высокой материальной и духовной цивилизации, к распространению просвещения в широких народных массах, к установлению строя, основанного на свободе и независимости человеческой личности, т. е. демократического строя. Он горячо верил в то, что русский народ покажет миру героические образцы борьбы за счастье человечества, а освобожденная Россия займет подобающее ей место среди всех стран мира. Пророческие мысли Белинского сбылись. На развалинах царской России, где свирепствовала крепостническая реакция, где народные массы стонали под игом феодальной и капиталистической эксплуатации, — великий советский народ, в первых рядах которого шел революционный рабочий класс под знаменем Ленина — Сталина, построил социализм.

Впервые в истории человечества создан строй, обеспечивший счастливую и свободную жизнь миллионам трубящихся, созданная в мире материальная и духовная цивилизация, создано передовое, социалистическое общество, служащее маяком и надеждой всего трудящегося человечества.

Великий народ патриотов социалистической родины, готовый под знаменем Ленина — Сталина отстаивать, укрепить и умножить завоевания Великой социалистической революции, высоко чтит память славных мыслителей, борьб за счастье человечества, истинных патриотов русского народа, в первых рядах которых стоял неустойчивый Виссарион.

³ А. Пыпин «Белинский, его жизнь и переписка», стр. 209.

⁴ В. Г. Белинский. Соч. Т. X, стр. 401.

¹ В. Г. Белинский. Соч. Т. II, стр. 305—306.

² Из статьи «Взгляд на главные явления русской литературы», входящей в XIII том собрания сочинений Белинского.

Н. Ползикова-Рубец

ЭККУРСИИ И ВНЕКЛАССНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПО ИСТОРИИ („ФРАНЦУЗСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ“)

Детская экскурсионно-методическая станция Ленинградского горОНО в этом учебном году решила получить опыт подготовки и использования экскурсий в классной работе. Мне как экскурсоводу станции было поручено представить этот опыт в двух VIII классах 1-й школы Октябрьского района Ленинграда, где я преподаю историю. Темой экскурсии выбрали «Искусство Франции в период расцвета и упадка абсолютизма» на материале французской выставки Государственного Эрмитажа¹. Сформулирована тема экскурсии так: «На картинах, скульптуре, гобеленах и мебели показывается: 1) искусство времен Людовика XIV (Версаль); 2) искусство времен Людовика XV, как новый этап в развитии идеологии французского дворянства; 3) искусство нарождающейся французской буржуазии». Проводится экскурсия после 60-го урока². Урок

60-й является вторым уроком в теме «Абсолютная монархия во Франции в XVII—XVIII веках», разбитой на два урока: «Абсолютизм Людовика XIV» и «Франция первой половины XVIII века».

После экскурсии я решила дать учащимся домашние письменные работы, а разбор работ и занятие с кинолентой провести во внешкольное время.

К урокам в школе была сделана специальная выставка. Как всегда, я обратилась за помощью в Эрмитаж. Методический кабинет нашей школы оформил выставку на специальных листах синего картона, а все написанное, подобранные мною, выполнил от руки белой краской художник Б. В. Пятницкий — преподаватель 30-й школы Октябрьского района. Я специально упоминаю об этом, так как очень важно, чтобы наглядный материал был хорошо и красиво оформлен. Наша школа никакими специальными средствами на создание такого рода пособий не обладает, однако администрация всегда идет навстречу преподавателям, и в нашем методкабинете уже есть довольно много таких выставок.

¹ См. «Об учебных экскурсиях по истории и Сталинской Конституции для начальной и средней школы на 1938—1939 учебный год». Изд. ДЭТС ЛенгорОНО.

² См.: «Программный материал по истории для VIII—X классов средней школы».

На нашей выставке мы поместили 17 снимков. Под каждым снимком дана развернутая подпись.

Первый снимок изображает деталь украшения приемной короля в Версале — эмблема Людовика IX: лицо, обрамленное солнечными лучами, над земным шаром, покрытым гербами Бурбонов — лицами посреди двух рогов изобилия.

Далее, портрет Людовика XIV работы Риго и под ним подпись: «Государство — это я» — и отрывок из «Мемуаров» Сен-Симона: «Величие и достоинство королей не столько в скинтри, который они держат, сколько в том, как они его держат».

Затем следует восковой слепок с Людовика XIV и картина Ван-дер-Мейлена «Людовик на коне» с подписью:

«Змею, урда — все, что кажется
ужасным,
Искусство переняв, являет нам
прекрасным».
Буало «Поэтика».

Рядом с ними помещена еще одна картина Риго: портрет Боссюэ. Под ним читаем: «Представители церкви всем своим авторитетом, а Боссюэ и красноречием, содействовали укреплению абсолютной монархии. Боссюэ утверждал: «Королевский трон — не человеческий трон, но трон самого бога».

Виды Версаля: дворец, фонтан и ряд парковых видов — сопровождают выдержкой из «Мемуаров» Сен-Симона:

«У короля манья насловать природу».

И тут же: «Королевская резиденция, Версаль — пышная рамка для культа личности короля».

Под картиной Ван-дер-Мейлена «Выезд короля» вывешены яркие цифры, свидетельствующие о невероятной пышности таких выездов: 300 карет, 4 тысячи придворных, 36 тысяч дворян.

Миныйя «Великодушье Александра». Подпись к нему гласит: «Шарль Лебрен, бывший тогда законодателем художественного вкуса в живописи, знал, собственно говоря, только одного героя: Людовика XIV, которого он одевал, впрочем, в античный костюм» (Плеханов, т. XIV). Эти слова Плеханова можно отнести и к картине Миныйя.

Очень интересно фаянсовое блюдо для бритья с изображением диска, в центре которого на пустом сундуке сидит Людовик XIV. В каждом луче упоминание о позорящем короля деянии. Сбоку надпись на французском языке: «Солнце затмилось 12 мая 1706 г.».

Под портретами аристократа и аристократки написано: «Наши художники ошибаются, когда они изображают на своих

картинах львов как страшных и безобразных чудовищ... Они должны были бы, скорее, представить их вам в образе этих возмужалых господ, знатных и благородных, в образе этих прекрасных дам и девиц, которых вы видите так прекрасно одетыми и украшенными, так хорошо причесанными и напухренными, столь сияющими золотом, серебром и драгоценными камнями. Они-то и есть... самые настоящие дьяволы; они-то как раз и есть самые большие враги ваши» (Ж. Мелье «Завещание»).

Работа Ромина де Хох «Зверства войск Людовика XIV в Нидерландах» показывает зверства французских королевских войск в Голландии, действовавших по заранее обдуманному плану — «съесть страну».

На выставке представлены также портрет Людовика XV работы Патье с подписью «После меня хоть потоп», картины Ватто («Танец под деревьями») и Грезз («Семейная сцена», «Сыновье почтение»).

Такова наша выставка. Теперь переходим к урокам.

Давая 53-й урок — «Установление абсолютизма во Франции» — и подводя итог деятельности Ришелье, я проследжила учащимся вспомнить, какие французские короли содействовали росту абсолютной монархии, и перечислить то место, где Энгельс дает оценку укреплению феодальной монархии (Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445).

Следующий урок мы начали с того, что повторили, какие элементы находили себе поддержку в королевской власти, о каком «беспорядке» идет речь, кого надо понимать под буржуазией при Людовике XIII. Один из учеников рассказал подробно о деятельности Ришелье, подчеркнул меры, принятые им для укрепления королевской власти. Другой учащийся должен был обрисовать часть программы Ришелье, рассчитанную на поддержку буржуазии. Остальной материал я уложила в несколько вопросов и перешла к новому уроку.

На этом уроке я рассказываю о наставлении короля своим наследникам и привожу следующую выдержку: «Когда государь вынужден принимать закон от своих подданных — это худшее несчастье, в какое только может впасть лицо нашего королевского сана. Голова одна рассуждает и решает, отправления других членов состоят в исполнении приказов, которые им даны... Божья воля требует, чтобы всякий, кто поддился подданным, повиновался без рассуждения».

Наряду с этим я подготавливаю материал для противопоставления Людовика XV (на 3-м уроке) Людовику XIV, рассказываю о трудоспособности последнего и привожу его

высказывание: «Только под условием труда и ради труда можно царствовать».

О культуре личности короля говорю очень кратко, пользуясь материалами, приводимыми Тэнем в «Старом порядке». Эти же материалы есть в «Истории нового времени» Ж. Лакур-Гайе (СПБ. 1894). Можно взять хотя бы следующую выписку: «Требовалось 3 человека, 2 пробы, 4 поклона и сложный церемониал, длившийся несколько минут, чтобы король мог выпить стакан воды».

«Когда король считал нужным обещать и соблюдением всех установленных церемоний, по обеим сторонам его стола становилось по 7 телохранителей с карабинами за плечами, 15-й стоял на часах возле золотого ковчега с королевским прибором с салфеткой, 16-й сопровождал дворянина, когда он подавал королю пить, по бокам короля стояло два швейцарца, вооруженных бердышами, позади его капитан отряда телохранителей, придворный священник подымал крышку ковчега, когда прислуживающий дворянин брал салфетку...»

Всякое действие короля, начиная с вставания утром и отхода ко сну вечером, совершалось публично.

В общем здесь можно подобрать очень много материала.

Личный штат короля — 4 тысячи человек. Большинство их — дворяне. Отдельные умные представители аристократии прекрасно понимали политический смысл этого: занять празное дворянство, купить его «жалованиями» и «пенсиями». Такое дворянство уже не страшно королю.

Перехожу к рассказу о ненависти короля к Парижу (воспоминания детства о Фронде) и к созданию Версаля в безводном месте. Здесь пользуюсь шитом нашей выставки.

Версаль строился целых 15 лет — 1670—1885 годы — руками крепостных и солдат. Работало здесь 90 архитекторов. Ленотр создал парк площадью в 5 квадратных километров. В нем разбросано 150 фонтанов, из которых многие являются группами в 10—15 фигур. Привожу свидетельство мадам де Севинье, придворной дамы, о фурах с телами погибших при постройке рабочих, которые вывозились попочам из Версаля. И отсюда прямо перехожу к источникам, откуда абсолютная монархия черпала средства.

Во второй части урока я говорю о том, что Людовик XIV и Кольбер прекрасно понимали значение науки и искусства на службе королевской власти, и называю имена Буало, Корнеля, Расина и Мольера (большую помощь в данном случае оказала работа преподавательницы русского языка Л. А. Соколовой, которая дала на внеклассных занятиях очень яркое пред-

ставление о классицизме). Затем рассказываю о деятельности Кольбера.

Второй урок начинаю с кратко повторения предшествующего урока. Весь бытовое материал, экономия времени, при опросе опускаю. Можно быть совершенно уверенным, что его запомнили все.

Начинаю урок с выяснения причин ненависти короля к Голландии (республиканский строй, свобода печати и слова). Вспоминаем способы ведения войны, грабеж и огромную добычу, обогащавшую офицерский состав армии. Отсюда и стремление дворян к войнам.

Дальше я даю общезвестный материал. Дойдя до рассказа об издании брошюры, я говорю о гравюре, о том, что это несравненно более дешевый способ пропаганды идей чем живопись, способ, дающий возможность с одной медной или деревянной доски получать десятки репродукций, и что в Голландии давно уже возникла политическая гравюра и художники-граверы этой страны первыми выступили с изображением ужасов войны в противовес официальным батальным художникам. Показываю две фотографии с правур де Хоха, помещенные на нашей выставке.

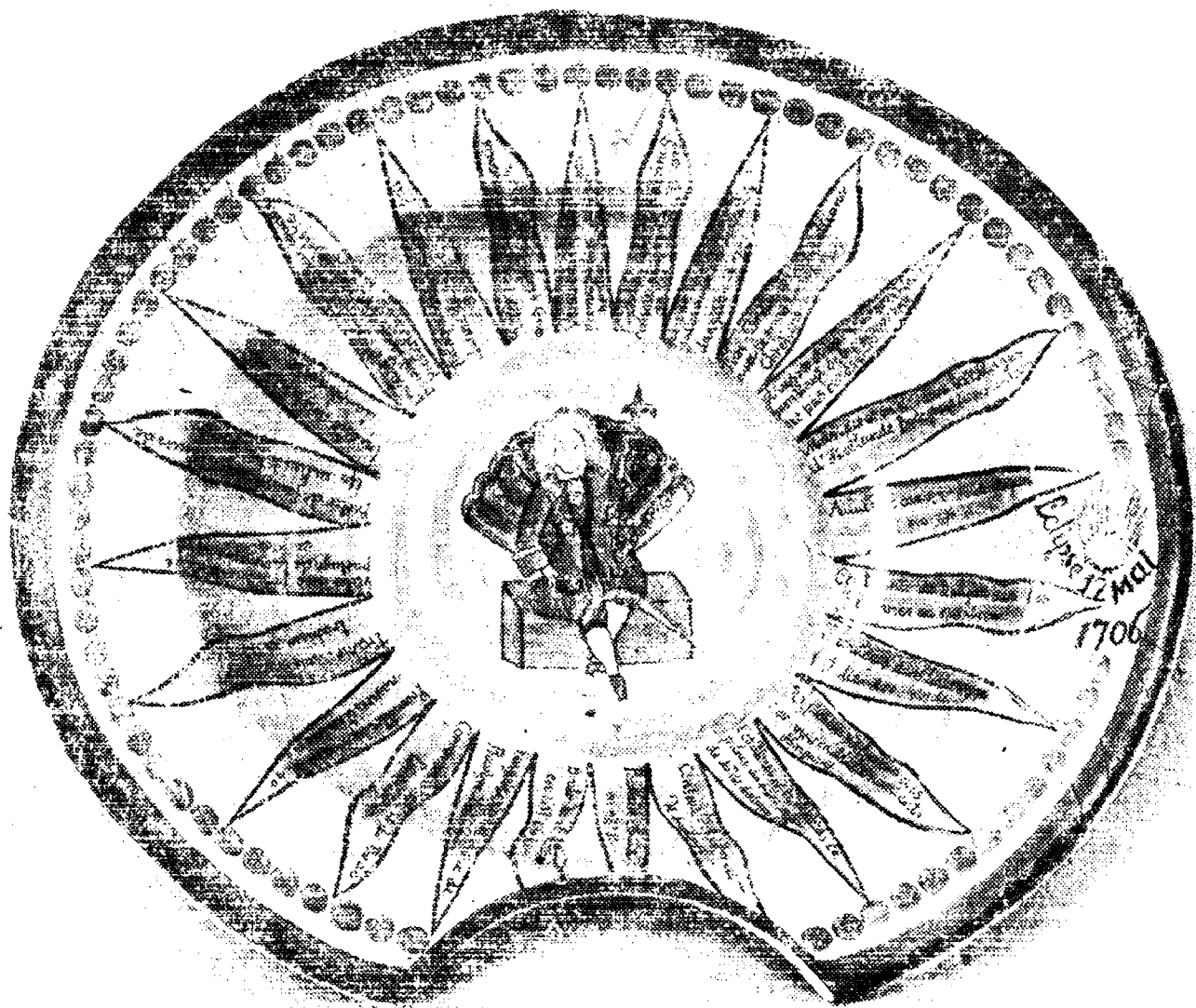
Дальше опять идет общезвестный материал.

Для иллюстрации пубельных последствий отмены нантского эдикта даю табличку, иллюстрирующую упадок промышленности.

Факты обнищания страны не могли не быть замеченными современниками. Привожу цитаты из писем и статей современников: военного инженера, строителя крепостей, участника 53 осад вражеских крепостей, маршала Франции Вобана и сельского священника Мелье, уморившего себя голодом в глухой деревушке Франции, которые говорили словами, полными ненависти о тех, кто существовал за счет народа.

Затем я перехожу к рассказу о крестьянских восстаниях.

О восстании 1675 года в Бретани я говорю очень кратко, так как о талле, налоге на соль и остатках сеньеральных прав ученики знают из предшествующих уроков по истории Франции. Восстание носило крестьянский характер: жгли замки, требовали запрещения охоты помещиков, шло урожай в поле, уничтожения голубятен, предоставления крестьянам права стрелять в голубей и уничтожения баналигетов. В восстании была новая черта — попытки заручиться помощью Голландии, — что и дало повод правительству обвинить крестьян в государственной измене. Виселицы были расставлены по всем дорогам; восстание было залито морем крови.

Бюджет для бритья, изображающее «затмение» «короля-солнца».

Затем переходим к восстанию камизаров и бунтам в связи с волнами 1708 и 1709 годов и знакомимся с историей востанний городских низов.

Вслед за тем рассказываю о смерти Людовика XIV в 1715 году. При известии об его смерти люди плакали от радости, поздравляли друг друга. Людовик XIV оставил стране огромный дефицит, сумма которого равнялась доходам Франции за 18 лет.

Кончаю урок цитатой крупного буржуазного историка А. Н. Савинова, считавшего, что век Людовика XIV является «одним из самых убедительных указаний бесплодности абсолютистского порядка».

На следующем уроке после отроса переходжу к последнему уроку этой темы — «Франция первой половины XVIII века» — Людовик XV (1715—1774 годы).

Передаю на парты книгу с репродукцией портрета Людовика XV художника Риго. Придворный живописец изобразил короля-ребенка сидящим на троне. Ничего детского во всем облике короля нет. Художник изобразил не ребенка, а короля Франции. Перед нами типичный придворный портрет. По этой репродукции я даю представление о придворном парадном портрете. На экскурсии эта классная работа будет углублена и закреплена.

Экскурсия шла по определенному пла-

ну: начинали с осмотра конной статуи Людовика XIV работы Жирардона, являющейся воплощением идеи «государство — это я». Затем рассматриваем придворный парадный портрет Людовика XIV Риго.

Портрет Риго и скульптура Жирардона позволили развернуть тему об идеализации оригинала в парадной живописи XVIII века. При сохранении портретного сходства все индивидуальные дефекты исчезали: нет следов оспы на лице короля, хотя мы знаем, что она была. Величественность позы, грация жеста достигались огромной выучкой: не даром учитель танцев был одним из главных педагогов в системе дворянского образования.

Портреты придворных дам и кавалеров позволяют дать учащимся ряд конкретных представлений об одежде, быте и модах высшего дворянства.

Свита короля состояла из 4 тысяч человек, в услужении у него было 36 тысяч дворян. У дворян этих не было другого дела, кроме участия в многочисленных церемониях и празднествах двора. Это был совершенно паразитический класс.

В этом месте я расширяю материал первого урока, стремясь закрепить представления о дворянской монархии, о паразитизме дворянства как класса.

С картины худ. Шардена.

к Версалю. Общая идея — «апокалипсиса-солнца». Король в Версале — юный солнечный бог Аполлон в эллинистической скульптуре с чертами лица Людовика XIV. Эмблема «короля-солнца» во всех деталях дворцового убранства, на картинах изображался Людовик XIV то в виде Марса, то в виде героев античности. памятник сплошной лести и агитации монархии. Людовик XIV и Кольбер сумели поставить на службу абсолютной монархии художников Франции во главе с Лебреном, директором Академии живописи и скульптуры, основанной в 1648 году.

Плеханов говорил, что Лебрен, в сущности, знал одного героя — Людовика XIV. Это относится ко всему искусству расцвета французского абсолютизма. Ярким образцом этого является огромное полотно Анньера, соперника Лебрена. — «Великодушные Александр и его друг Нарцисс». Жена Дария и ряд женских фигур выражают скорбь, печаль, мольбу о пощаде. Но всем правилам академического искусства эти чувства плут нарастающей гаммой от правого угла картины, достигая наибольшей силы выражения в старухе, матери Дария, склонившейся перед победителем. Все персонажи расположены, как на сцене, лицом к зрителям. В чертах молодого Александра можно было увидеть чер-

ты короля. В сущности, это — прославление великого героя Людовика XIV.

Ван-дер-Мейлен, художник батальной живописи, представленный в Эрмитаже несколькими картинами, рисует нам войну как парад. Сражение где-то далеко, на заднем фоне, а впереди гарцует король на чудесном коне.

В Эрмитаже нет гравюр, рисующих подлинную войну. На экскурсии мы вспомнили де Хоха. Вот почему я его и показывала до экскурсии. Снова возвращаемся к Версалю.

Все убранство дворца, вплоть до дверных замков и других мелких бытовых вещей, делалось художниками. Показываем три шпалеры. Все три сделаны по картинам художников. Говорим о сложной технике работы художника-ткача, который работал с изнанки, глядя на свою работу в зеркало, перетянул нитками краски, создавая целые картины.

Данная шпалера, сделанная с картин Лебрена и Ван-дер-Мейлена, является изделом гобеленовой мануфактуры, купленной Кольбером у Гобелена.

Стоит упомянуть о факте сожжения таких шпалер и переплавки мебели из серебра в конце царствования Людовика на металл для монеты.

Мебель типа Буль (знаменитый мебельщик 1642—1732 годов), особенно столы, украшенные черепахой, золотом и

«Паралитик».

С картины худ. Греза.

перламутром, показывают роскошь двора и высокую степень мастерства ремесленников. Мебель выдержана в общем стиле построек — торжественном и сдержанном.

Подходим к фаянсовому блюду для бритвы. Рисунок и надпись о солнечном затмении символизируют затмение мнимой славы «короля-солнца».

Учащиеся сами могут сопоставить этот памятник с известными им произведениями — брошюрой о сожжении голландских деревень и «Вздохами поработенной Франции». Эта вещь — как бы антитеза словам Буало:

«И подвиги его чья воспост так лира,
Что звон могучих струн все скалы
сбвнет мира».

Но струны бряцали в честь старого короля, а стон народа тревожил его покой в стенах Версальского дворца.

Переходим к следующему царствованию. Начинаем с раннего произведения Ватто — «Савояр с сурком». На фоне зимнего пейзажа дан савояр, ищущий признания при помощи дессированного сурка. Сюжет резко контрастирует с тем, что мы до сих пор видели: он взят из жизни низов. Объясняя, что Ватто родился в Валансьене, на севере Франции, и, несомненно, испытал на своем творчестве влияние голландских художников. Смотрим его картину «Затруднительное предложение». Кавалеры и

дамы нарядны, но торжественности в них нет никакой. Самое содержание картины несерьезно: это какая-то шутка кавалера, поставившая в затруднение даму. Кто эти люди? Несомненно, высшее дворянство. Они приятно проводят время в парках среди игр и забав. Интересно ли художника каждый из этих людей? Несколько. Они все лишены индивидуальности: это парные куклы. Социальный заказ превратил его, великого реалиста, в художника «галантных празднеств».

Плеханов рекомендует сравнить Буше с Лебренем, чтобы почувствовать, какое расстояние отделяет дворянскую монархическую Францию Людовика XV от такой же Франции Людовика XIV.

Буше, «первый живописец короля», берет и мифологические сюжеты, но он чужд всякой идеологии: сюжет должен быть легким, занимать людей, живущих в салонах.

В одной из витрин находятся две пилаги с рукоятками, усыпанными бриллиантами. Они как бы символизируют перерождение меча, оружия феодала, которое он не раз понимал прегив короля, «равного между равными», в оружие раблепного придворного.

Следуя дальше, останавливаемся перед картинами художников — представителей буржуазии.

На первом месте Шарден. Учащимся сра-

зу бросается в глаза интерес к новым сюжетам, взятым из обыденной жизни: прачка стирает белье, а рядом ребенок пускает мыльные пузыри; маленькая девочка в присутствии старшей сестры и матери читает предобеденную молитву. Эти люди, представители мелкой буржуазии, изображены в своих жилищах, окруженные самыми обыденными вещами своей домашней обстановки. Но сделано это с огромным мастерством.

Шарден в своей живописи как бы утверждает новый класс — буржуазию. Он мастерски доказывает, что его прачки, матери скромных семейств, представляют не менее интересный сюжет для художника чем маркизы Ватто. Он прославляет труд, скромную жизнь, посвященную заботе о детях, и т. д.

Грез пытается не только показать буржуазный мир, но и поучать, морализировать: «добродетель» можно найти лишь в мире буржуазии и отнюдь не на ее верхах.

Возьмем «Паралитика». В центре картины беспомощный больной, все члены его многочисленной семьи заняты только им: зять приносит ему еду, дочь читает вслух и даже маленький внук старается развлечь дедушку, отлавая ему своего любимого щенка. По свидетельству Дидро, когда картина была выставлена, надо было ждать очереди, чтобы к ней подойти. Сам Дидро называл ее «великой вещью».

Таково было мнение одного из умнейших представителей предреволюционной буржуазии. Однако Грез и Шарден не смогли удовлетворить революционную буржуазию: ей уже нужно не прославление семейной добродетели и не показ благополучного существования честных тружеников, а мотивы гражданской доблести, героики.

Во времена Греза над умами властвовал Вольтер, который сам говорил, что «дело идет не о том, чтобы произвести революцию, как во время Лютера и Кальвина, а о том, чтобы осуществить ее в умах людей, призванных быть правителями» (1769 год, письмо Аржантелю). Вольтер считал, что «если бы бегства не было, его необходимо было бы выдумать» в качестве узды для народных масс. Великолепная скульптура Гудона, изображающая Вольтера в кресле, стоит по середине зала, и на ее анализе мы, собственно, и кончаем экскурсию. Немощное тело глубокого старика и полные жизни и остроты ума глаза Вольтера надолго запоминаются учащимся¹.

¹ Изложить подробно ход экскурсии не позволяет объем статьи, а потому при-

* * *

После экскурсии, в начале следующего урока, я дала учащимся темы для домашних письменных работ:

«Характерная особенность портретов Людовика XV и отличие придворного искусства этого времени от искусства времен Людовика XIV»; «Связь между литературой и изобразительным искусством»; «Что нового вносит буржуазное искусство XVIII века, и почему это новое мы расцениваем как положительное явление».

На первую тему в обоих классах было получено 18 работ. Познакомившись с ними, я убедилась в том, что экскурсия дала ученикам очень много. Из 18 учеников только 4 получили «посредственно», так как не дали выводов, хотя материал и изложили очень точно.

Вторая тема показала, что второй этап французского искусства усвоен хуже. Искусство времени Людовика XV было воспринято не как менее торжественное, а как простое, реалистичное. Из 16 работ здесь тоже 4 были оценены как посредственные. Так как третья тема была дана лишь в одном классе, то на эту тему работы написали всего пять учащихся, из них трое представили прекрасные работы. Четвертую тему получило 11 учащихся. Эти работы лишней раз подтвердили, что второй этап усвоен хуже.

Я просила учащихся вторично просмотреть выставку и подумать, нет ли ошибок в их работах. Многие их сразу нашли.

После этого учащиеся при помощи аллюскопа познакомились с совершенно новым материалом, который я не имела возможности показать в классе. Просмотр киноленты сопровождал мой заранее продуманный рассказ, чтение отрывков из литературы по истории, цитат из поэтических произведений.

Последнее звено нашей работы по теме «Французский абсолютизм» — задача письменных работ. Работы группируются по темам. В связи с каждой темой я говорю об общих достоинствах работ и называю учащихся, давших отличные работы. Затем анализирую и объясняю ошибки. Кончаю общей оценкой работ каждого класса. На этом работа заканчивается.

Полагаю, что мне более или менее удалось слить в одно целое уроки, экскурсию, письменное задание и занятия внешкольного типа.

Хотелось ограничиться главными вехами. В частности опущены выдержки из Буало, Корнеля и Расина, которые дают очень яркое представление об эпохе.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Могилевич и

М. Айрапетян

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПОДГОТОВКЕ ВОЙНЫ 1914—1918 ГОДОВ

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА». Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 годов, серия 2-я, 1900—1913 годы. Том XX, ч. 1-я, 14 мая—13 августа 1912 года. Государственное издательство политической литературы. 1939. 481 стр. 12 руб.

1

«Зеленый итальянский посланник, на днях возвратился из кратковременного отпуска. Он пробыл несколько дней в Риме, представлялся королю Виктору-Эммануилу и виделся с министром иностранных дел. По его впечатлениям, в Риме хотя и смущены тем, что война неожиданно для Италии приняла столь затяжной характер... но там никто не сомневается в благоприятном исходе настоящей борьбы. По сему поводу, как говорит г. Бароли, король весьма картинно выразился: «Заняв берег Триполитании, мы прижали легкие турок, и они должны погнаться». Выражение бесспорно картинное, но по существу едва ли верное, ибо легкие Турции, даже по отношению к главному театру военных действий, находятся совсем не на африканском побережье»¹.

Это сообщение российского посланника в Белграде Гартвига министру иностранных дел Сазонову от 21 (8) мая 1912 года открывает серию документов рецензируемого XX тома, посвященных итало-турецкой войне 1911—1912 годов.

Авантюра итальянского империализма в Триполи и Киренаике, которую Ленин называл «усовершенствованной, цивилизованной человеческой бойней, избиением арабов при помощи «новейших орудий»², была, как известно, начата в сентябре 1911 года. Первоначальные расчеты итальянского империализма состояли в том, чтобы молниеносным сокрушительным ударом в

кратчайший срок окончить начатую им войну. Однако весь последующий ход военных операций в Триполи смещал карты итальянского командования. Италия столкнулась с упорным противодействием турецко-арабских войск. «Арабы,— писал Ленин,—сопротивлялись отчаянно»³. Оккупировав город Триполи и другие прибрежные пункты Триполитании (Хом, Дерна, Бенгази), итальянским войскам не удалось в течение 8 месяцев сколько-нибудь значительно продвинуться в глубь страны.

Весной 1912 года война приняла затяжной характер.

«Если итальянцы,— писал Гартвиг,—до последнего времени не могли проникнуть в глубь страны, то отныне, с наступлением тропического лета, они не в силах будут двинуться ни на шаг вперед. Выносить подобную жару могут только местные уроженцы. В Иране, при более умеренных климатических условиях, европейцы гибнут в то время когда персы следуют за караваном с обнаженной и при том выбритой головой под палящими лучами солнца в 56° Реомюра»⁴.

Отчаявшись в быстром завоевании Триполитании, Италия, чтобы сломить сопротивление Турции, приказала своему флоту бомбардировать главный город Сирии Бейрут и Дарданеллы. Одновременно Италия оккупировала острова Додеканес в Эгейском море. Тем самым она получила средства давления на турецкое правительство.

«Таким образом,—писал 21 мая 1912 года российский поверенный в делах в Риме Поггенполь,—самый богатый и цветущий из турецких островов Эгейского моря перешел теперь вполне в руки Италии, а главный город его Родос, известный своей прекрасной гаванью и сильно укрепленный, как с моря, так и с суши, сделался верной базой для дальнейших военных действий на море...

Повидимому, итальянское правительство решилось, пользуясь своим неоспоримым преимуществом на море, завершить завоевание островов Sporadского архипелага, чтобы в момент окончания войны иметь, что вернуть Турции взамен отречения ее от Киренаики и Триполитании. В настоящее время более десяти других островов заняты уже итальянцами... Решительными действиями в Эгейском море итальянцы надеются окончательно отрезать африканские владения Турции от метрополии и

¹ Документ № 49 (см. рецензируемый том, в дальнейшем даются ссылки только на номер).

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 201.

³ Там же, стр. 202.

⁴ № 49.

произвести известное моральное воздействие на османское правительство»¹.

Появление итальянских войск в восточной части Средиземного моря вызвало сильное беспокойство в Париже и Лондоне и привело к обострению противоречий между империалистическими державами. Англия и Франция не намерены были допускать усиления Италии в Средиземном море и подвергать угрозе свои коммуникационные линии. «Считаю долгом обратиться внимательно вашего превосходительства, — писал Петтенполь Сазонову, — на... факт значительного охлаждения в отношениях между Италией и Францией... здешний французский посол отзывался очень резко о политике настоящего итальянского кабинета и относится весьма отрицательно к занятию итальянцами островов на Эгейском море... присоединение островов к Италии г. Баррер считал бы несовместимым с интересами Франции в Средиземном море, так как оно нарушило бы то равновесие сил в Средиземном море, над созданием которого так долго и упорно работало правительство Республики»². А 6 июня 1912 года французский президент Пуанкаре в беседе с российским послом в Париже Извольским заявил: «Франция не должна забывать, что Италия все-таки является членом противоположной политической комбинации; поэтому французское правительство должно прежде всего заботиться о том, чтобы Италия не приобрела в Средиземном море преобладающего положения. При настоящем соотношении флотов достаточно одной мобилизации французских морских сил, чтобы остановить со стороны Италии всякую враждебную попытку. «Вы можете быть уверенными, — сказал с особой силой г. Пуанкаре, — что Франция и впредь твердо намерена сохранить то же превосходство в Средиземном море над Италией»³.

В правительственных кругах Англии итальянская оккупация Эгейских островов вызвала не меньшее беспокойство. В связи с этим российский посол в Лондоне Бенкендорф сообщал в российское министерство иностранных дел, что в Англии «мысль о распространении Тройственного союза на Средиземное море и превращения итальянской Триполитании в общую базу... стала кошмаром»⁴. В Англии, по словам российского министра иностранных дел Сазонова, «опасаются, что если Италия, разойдясь с Францией, вновь теснее сблизится со своими союзницами, то Три-

поли в итальянских руках может стать для последних удобной военно-морской точкой опоры в Средиземных водах»⁵.

Противоречия между Францией и Италией с одной стороны, Англией и Италией — с другой настолько обострились, что первый лорд адмиралтейства Черчилль и премьер-министр Асквит спешно отправились на остров Мальту, где встретились с генерал-резидентом в Египте Китченером и обсуждали вопрос о положении английского флота в Средиземном море. «При этой встрече, — писал российский дипломатический агент в Каире, — имелось, по-видимому, в виду рассмотреть некоторые вопросы относительно изменившегося, вследствие итало-турецкой войны, положения в Средиземном море... Здесь газеты утверждают, что, так как в виду событий в Средиземном море положение острова Мальты совершенно изменилось, Великобритания пришлет сюда до 30 тысяч войск, чтобы перенести свой операционный базис за Средиземное море, ближе к Суэцкому каналу, имея в виду защиту своих интересов не только в Египте и Судане, но также в Южной Африке, в Индии и даже в Австралии»⁶.

Итало-турецкая война обострила противоречия не только между двумя враждебными империалистическими группировками: Тройственным союзом и Тройственным согласием, — но и внутри каждой из этих коалиций. Намерение российского военно-феодалного империализма воспользоваться ослаблением Турции для того, чтобы вновь поставить вопрос о проливах (известный демарш российского посла в Константинополе Чарыкова в октябре 1911 года), недовольство России противодействием Англии и Франции в вопросе о проливах — все это создало серьезное беспокойство в Париже и Лондоне. Многие политические деятели Англии и Франции в этот период выражали опасения относительно лояльности России к Тройственному соглашению. Трещина, создавшаяся в франко-русском союзе, была настолько серьезна, что в Париже летом 1912 года раздавались голоса о желательности допустить Россию к проливам, открыть русским морским силам выход из Черного моря для восстановления нарушенного Италией равновесия в Средиземном море.

Само собой разумеется, что Франция серьезно и не помышляла о разрешении вопроса о проливах в благоприятном для царской России смысле и не шла дальше призрачных обещаний, которые, по расчетам французского империализма, должны

¹ № 41

² № 43.

³ № 143.

⁴ № 53.

⁵ № 105.

⁶ № 122.

были удержать Россию в системе Тройственного соглашения. Но Англия в этот период не желала даже что-либо обещать России в вопросе о проливах и посоветовала французам не обострять отношений с Италией, с которой можно после окончания войны выгодно договориться. Впоследствии выяснилось, какие выгоды подразумевали английские империалисты. Как известно, признав позднее захват Италией Триполитании и Киренаики, английские империалисты добились соглашения Италии на изменение конституционного режима в Египте, что еще более укрепило власть Англии в этой стране. Английский империализм заключил с Италией сделку за счет колониальных народов Триполитании и Египта.

Между тем уже летом 1912 года Италия, истощенная затяжной войной, спешила поскорее реализовать планы в Африке, тем более что на Балканах назревали серьезные события.

«Италия, — писал советник российского посольства в Риме, — напрягает все свои платежные средства. Выпуск значительного количества новых кредитных билетов, равносильный многомиллионному внутреннему займу, и предпринимаемые с разных сторон стоящими в близких отношениях к правительству частными банками весьма осторожные шаги в видах выяснения вопроса о возможности негласного получения денег во Франции являются верными симптомами начинающихся денежных затруднений»¹.

Война в Триполи вызвала резкое недовольство широких трудящихся масс Италии. Среди итальянских рабочих все усиливались антивоенные настроения. «Начатая без определенного плана, война ведется также и теперь. Военные действия итальянцев имеют скорее характер отдельных предприятий, чем проведения строго обдуманых мер. Это чувствуют все, и таковое сознание в значительной степени способствует проявлению того чувства усталости, о котором, сами того не подозревая, говорят итальянские министры и общественные деятели, уверяющие, что «война не утомила Италию»².

В июне 1912 года итальянское командование предприняло решительные действия против турецко-арабских отрядов в Занзурском оазисе, в 60—70 верстах к юго-западу от города Триполи. Операции итальянских войск после длительной борьбы с турецко-арабскими войсками, наконец, увенчались успехом. Одновременно в июле 1912 года флотилия итальянских ми-

ноносцев прорвалась через Дарданельский пролив. Все это были попытки Италии оказывать давление на Турцию и ускорить заключение мира на выгодных для себя условиях.

Между тем Турция беспомощно металась между обими империалистическими группировками: Тройственным союзом и Тройственным соглашением. Она неоднократно обращалась к державам с просьбой о помощи и посредничестве. Однако ни одна из них не желала оказывать Турции помощь и сориться с Италией. Наоборот, каждая из империалистических стран стремилась извлечь из создавшейся обстановки наибольшие выгоды для себя. Германия и Австро-Венгрия боялись окончательно оттолкнуть Италию в лагерь Антанты. Франция была связана с Италией секретным соглашением 1901 года, фактически санкционировавшим итальянские притязания в Триполи. Россия еще в 1909 году в Ракониджи заключила сделку с Италией, по которой обязалась относиться благожелательно к итальянским интересам в Триполи и Киренаике взамен обязательства Италии относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о проливах. Англия, лихорадочно готовившаяся к войне с Германией, была заинтересована в том, чтобы привлечь Италию на свою сторону. К тому же война одного из участников Тройственного союза с Турцией должна была, по расчетам английского империализма, привести к ослаблению Германии.

Изолированная Турция вынуждена была под давлением империалистических держав в конце концов согласиться на итальянские условия. В июне 1912 года в Швейцарии были начаты итало-турецкие переговоры о заключении мира, которые временно приостановились в связи со сменой кабинета в Турции 23 июля 1912 года, а затем возобновились 18 августа 1912 года. 18 октября в Лозанне был подписан итало-турецкий договор, санкционировавший итальянский захват Триполитании и Киренаики. Этим переговорам, связанным с заключением Лозаннского мира, будет посвящена вторая часть XX тома, готовящегося к печати Комиссией по изданию документов эпохи империализма.

2

Пока шла война в Африке, назревал новый конфликт на Балканах. Война Италии против Турции значительно ослабила последнюю и усилила захватнические стремления национальной буржуазии балканских государств, стремившихся к расширению за счет других стран. Основ-

¹ № 197.

² Там же.

ное устремление помещичье-буржуазных правительств балканских государств было направлено к захвату европейских владений Османской империи. Борьба за Македонию, Фракию, Албанию составляла содержание захватнических планов балканских государств. Завоевательная политика прикрывалась «национальными идеалами». Этому способствовало широко развернувшееся в 1912 году в Османской империи национально-освободительное движение балканских народностей, находившихся в течение пяти столетий под турецким игом. Турецкая Македония, населенная болгарами, сербами и греками, с конца XIX века была ареной непрерывных восстаний, которые жестоко подавлялись абсолютистским режимом султана Абдул-Гамида.

В своей борьбе за захват владений Османской империи правительства балканских государств пытались опереться на ту или другую империалистическую «великую» державу. Как только пути буржуазии того или иного балканского государства расходились с той или иной великой державой, она переходила в противоположный лагерь. Это была политика национального эгоизма, проводимая буржуазией балканских стран, шедшей на ту или другую политическую комбинацию в целях осуществления своих завоевательных планов. «Буржуазия угнетенных наций,— писал Ленин,— постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих: во внутренней политике она использует эти лозунги для реакционных соглашений с буржуазией господствующих наций... во внешней политике она старается заключать сделки с одной из соперничающих империалистских держав ради осуществления своих грабительских целей (политика мелких государств на Балканах и т. п.)»¹.

В свою очередь империалистические государства в борьбе за господство на Балканском полуострове были заинтересованы в существовании на Балканах слабых государств, вынужденных искать поддержки и покровительства той или другой коалиции великих держав. Широко развернувшееся национально-освободительное движение на Балканах, переизрастающее с династическими интересами и завоевательными стремлениями балканских правительств, было широко использовано европейскими державами для осуществления своих империалистских замыслов.

13 марта 1912 года при поддержке России был подписан сербо-болгарский договор о «дружбе и союзе». Вскоре же после

подписания этого договора была заключена конвенция между Болгарией и Сербией. По этой конвенции, Болгария обязалась выставить в случае военных действий против Турции 200-тысячную армию, а Сербия — 150 тысяч войск. 29 мая 1912 года был подписан договор между Грецией и Болгарией, по которому оба государства обязывались оказывать друг другу помощь в случае нападения на них Турции, а также в случае систематического нарушения Турцией «прав, вытекающих из договоров и международного права»².

Таким образом был создан балканский блок под покровительством России, направленный своим острием против Австро-Венгрии и Турции.

В мае 1912 года в Албании вспыхнуло восстание против Турции, охватившее ряд округов (Шпек, Призрен, Дибра, Малессия, Штип, Дьяково). Повстанцам удалось разбить турецкие регулярные части. Турция, находившаяся в войне с Италией, вынуждена была пойти на уступки албанским вождям и «даровала» Албании целый ряд льгот: религиозных, школьных и т. п. Это вызвало сильное недовольство Сербии, Греции и Болгарии, потребовавших от Турции проведения реформ в Македонии. Однако Турция отклонила требования балканских правительств. Воспользовавшись сложившейся обстановкой, Сербия, Болгария, Греция, Черногория спешат привести в действие свои планы вооруженного выступления против Турции. Воинственный угар распространяется среди правящих кругов и генералитета балканских государств.

В июле 1912 года российский посол в Риме сообщал министру иностранных дел Сазонову:

«Вскоре после моего приезда в Рим меня посетил болгарский посланник г. Ризов. Пасколько мне известно, этот дипломат пользуется влиянием в своем отечестве и доверием болгарского правительства...

Италийско-турецкая война породила в нем самые розовые надежды, и он думает, что для Болгарии настал момент вступить в окончательную борьбу с Турцией. По его словам, Македония волнуется и с нетерпением ожидает свержения магометанского ига. С другой стороны, Болгария никогда не была вооружена так, как теперь, и ее военные силы достигли своего апогея. Турция же ослаблена войной с Италией. Со всяким днем, по мнению Ризова, соотношение болгаро-турецких сил должно измениться в пользу Турции, и

¹ В. И. Ленин, Соч. Т. XIX, стр. 41.

² № 100.

если, — прибавил мой собеседник, — мы теперь не нападём на Оттоманскую империю и не вырвем у нее Македонию, то осуществление нашей заветной мечты должно быть отложено надолго»¹.

Таким образом, балканские государства с минуты на минуту готовы были ринуться в бой против Турции с целью раздела ее европейских владений.

Союзники России — Франция и Англия — не только не препятствовали образованию балканского союза, а, напротив, рассчитывали использовать его в будущем в войне против Австрии и Германии. Французский и английский генеральные штабы строили свои расчеты на том, что в случае будущей войны армии балканских союзников свяжут значительную часть австро-венгерских и германских вооруженных сил на востоке и отвлекут их от операций на западе, облегчив тем самым англо-французским войскам разгром армий Тройственного союза. Однако ни Англия, ни Франция не желали, чтобы балканский союз был использован Россией против Турции, так как они имели в Турции крупные экономические интересы и не желали допустить Россию к проливам. Не получив поддержки Франции и Англии и опасаясь, что балканская война может привести к выступлению Австро-Венгрии и Германии, Россия стремилась отсрочить момент вооруженного выступления балканских союзников и убедить их, что они не должны рассчитывать на помощь России в ближайшее время. В июле 1912 года российский посол в Риме Крупенский, получив инструкции от министерства иностранных дел, «старался умерить энтузиазм болгарского дипломата, уверяя его, что вся Европа, — и Россия не менее других стран, — желает сохранения status quo и, в случае войны с Турцией, Болгария не будет ею поддержана»². Однако ничто уже не могло предотвратить надвигавшуюся войну против Турции. Россия, создавшая балканский союз, не смогла справиться с теми силами, которые были ею же вызваны к жизни. Значительная часть российской буржуазии не желала сдерживать свои захватнические аппетиты из-за неблагоприятной для России международной обстановки и стремилась всеми силами разжечь войну против Австрии и Турции и захватить турецкую Армению, Босфор и Дарданеллы.

В июле 1912 года Гучков предпринял поездку в Болгарию и Сербию и науськивал правительственные круги и воен-

щину этих стран на войну против Турции и Австрии³.

События, назревавшие на Балканах, крайне обострили противоречия между империалистическими странами и усилили борьбу за господство в юговосточной Европе. С особой остротой встали противоречия между Австрией и Италией, стремившихся к утверждению своей гегемонии на Адриатическом побережье. Италия, завязшая в войне с Турцией, пристально следила за действиями Австро-Венгрии в Албании и не желала допустить ее господства на Адриатическом побережье. «...на Балканах, — писал Ленин, — «интересы» Италии и Австрии не совпадают. Италия хочет урвать еще кусок — Албанию, Австрия этого допустить не хочет»⁴.

В октябре 1912 года балканская война, подготовленная всем ходом развития противоречий между империалистическими державами с одной стороны, балканскими странами и Турцией — с другой, разразилась несмотря на все и всяческие бумажные «заклинанья» так называемых великих держав.

3

Ценным разделом вышедшего в свет XX тома «Международных отношений в эпоху империализма» являются документы о китайской революции и реорганизационном займе в Китае, которые впервые представлены с исчерпывающей полнотой. Эти документы чрезвычайно образно обрисовывают тогдашнее положение Китая как типичной полуколониальной страны, находившейся под гнетом иностранного финансового капитала. Внешняя задолженность Китая империалистическим державам достигла в 1912 году почти полутора миллиардов долларов. Финансовое господство империалистических держав над Китаем осуществлялось через кредитную блокаду финансового консорциума Англии, США, Франции, Германии, к которым присоединились впоследствии Россия и Япония. Китайская революция, происшедшая в 1911 году под непосредственным влиянием русской революции 1905 года, привела в движение широкие трудящиеся массы Китая. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года, — писал Ленин, — окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застою, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁵. Империалистические державы, поддерживавшие феодаль-

¹ № 256.

² Там же.

³ №№ 365, 378, 381.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 384.

но-крепостнические пережитки в Китае, в ответ на китайскую революцию приостановили финансирование Китая и поставили кабальные условия заключения займа: контроль над таможенными доходами, табачным и соляным налогами, назначение инструкторов и т. п., т. е. финансовое закабаление страны. «Главная цель, преследуемая нами участием в китайском реорганизационном займе... — установление иностранного контроля над китайскими финансами», — признавался в августе 1912 года временно управлявший министерством иностранных дел Ператов в своем письме к российскому посланнику в Пекине Крупенскому¹.

«Речь идет главным образом о финансовой агентуре на пятилетний срок и соляной монополии, учреждаемой по примеру китайских морских таможен виде самостоятельного учреждения под управлением иностранцев... Предложение встретило категорический отказ со стороны китайцев, причем Сиун даже заявил, что никогда не осмелится предложить на рассмотрение народных представителей подобный проект, который был бы немедленно отклонен и вызвал возмущение в провинциях»².

Китайское правительство отказалось принять кабальные условия реорганизационного займа. «...пекинский кабинет, — писал Сазонов Крупенскому, — отказался принять условия реорганизационного займа, поскольку он связан с учреждением финансовых агентов и реформой соляного налога, и просит о вылаче денежных авансов за счет займа в 10 мил. фунтов стерлингов, который имел бы быть заключен на менее тяжелых основаниях»³.

Правительство Юань Ши-кай, выражавшее интересы реакционной части китайской буржуазии, склонной к сделке с иностранным империализмом, не решалось вначале согласиться на условия, выдвинутые финансовым консорциумом.

«Можно, мне кажется, быть уверенным, — писал 23 июля 1912 года российский посланник в Пекине, — что как Юань Ши-кай, так и остальные лица, стоящие во главе правительства, вполне сознают необходимость для Китая внешнего займа и готовы были бы для заключения такового согласиться на установление иностранного контроля и надзора, но не решается высказать это открыто из-за опасения возбудить негодование палаты представителей и китайской интеллигенции, особенно на Юге, что, при неимении у правительства

достаточно прочного авторитета и сильной власти, привело бы к его падению»⁴. И в действительности, условия займа, предъявленные финансовым консорциумом Китаю, были настолько кабальными, что в июле 1912 года российский посланник в Лондоне Бенкендорф цинично писал Сазонову: «Что же касается китайского займа, то сознаюсь, что я сильно склоняюсь к английской политической точке зрения. Этот заем хорошее дело, это узда. Таковая необходима. Свобода Китая, с этой точки зрения и с точки зрения любой предусмотрительной политики, никуда не годится»⁵.

Владимир Ильич Ленин, разоблачая политику империалистических держав в Китае, писал в 1912 году:

«Известно, что великая китайская республика, с такими жертвами созданная передовой демократией народных масс в Азии, испытывала в последнее время самые тяжелые финансовые затруднения. Шесть «великих» держав, которые считаются цивилизованными, а на деле проводят самую реакционную политику, составили финансовый консорциум (товарищество), приостановивший заключение займа Китаю!»

Дело в том, что революция в Китае вызвала среди европейской буржуазии не энтузиазм к делу свободы и демократии, — на такие чувства способен пролетариат, но неспособны рыцари наживы — а стремление разграбить Китай, начать раздел Китая, оттягать земли у Китая. «Консорциум» шести держав (Англии, Франции, России, Германии, Японии, Соединенных Штатов Америки) старался довести дело до банкротства Китая, чтобы обессилить и подорвать республику»⁶.

Наряду с финансовым давлением империалистические державы пытались принудить китайское правительство к капитуляции посредством непризнания республики. В этом свете заслуживают внимания следующие сообщения:

«Лу Чжен-сян, — телеграфировал Сазонов 1 июля 1912 года российскому посланнику в Пекине, — обратился ко мне с телеграммой по поводу своего назначения, давая заверения в желании поддерживать дружбу между обоими государствами и выражая надежду на безотлагательное признание Россией республики. Не касаясь последнего вопроса, я отвечаю поздравлением и уверением, что разделяю его желания дружбы»⁷.

«Японский посланник, — сообщал 29 июля 1912 года Крупенский, — на запрос из

¹ № 443.

² См. рецензируемый том, стр. 260, прим. 6.

³ № 254.

⁴ № 355.

⁵ Приложение 1.

⁶ В. И. Ленин. Т. XVI, стр. 354.

⁷ № 249.

Токио высказался в смысле несвоевременности признания теперь китайского правительства»¹.

Владимир Ильич Ленин, вскрывая подоплеку этого непризнания китайской республики, писал в 1912 году:

«Передовая и цивилизованная Европа не интересуется обновлением Китая. Четыреста миллионов отсталых азиатцев добились свободы, проснулись к политической жизни. Четвертая часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе.

Цивилизованной Европе дела нет. До сих пор даже французская республика не признала еще официально китайской республики!..

Чем же объясняется это равнодушие Европы? Тем, что повсюду на Западе царит империалистическая буржуазия, на три четверти уже сгнившая, готовая продать любому авантюристу всю свою «цивилизацию» за меры «строгости» против рабочих или за лишнюю пятачок на рубль прибыли. На Китай эта буржуазия смотрит только как на кусок добычи, которую... будут рвать японцы, англичане, немцы и т. д.»².

Большого интереса также заслуживают документы относительно длительного торгового, происшедшего между Россией и Японией с одной стороны и представителями финансового консорциума с другой стороны, о присоединении обеих держав к финансовому консорциуму. После долгих переговоров российский и японский империализм согласился участвовать в финансировании (читай: финансовом закабалении) Китая, добившись внесения в протокол заседания консорциума оговорки, что займы китайскому правительству не будут употребляться в ущерб интересам России и Японии в Манчжурии и Монголии. Многочисленная переписка, приводимая по этому вопросу, ярко вскрывает резкую борьбу, происходившую между Россией и Японией с одной стороны, Англией, Соединенными штатами Америки — с другой за господство в Китае³.

4

Особого внимания заслуживают помещаемые в XX томе документы, относящиеся к англо-германским противоречиям накануне мировой империалистической войны 1914 года. Через все эти документы красной нитью проходит мысль о подготовке Англии к войне с Германией. В Германии, по сообщению российского поверенного в

делах в Берлине, с тревогой взирали «на пышные натянутые отношения к Англии. Эти отношения, которые составляют в настоящее время один из главных, если не главный фактор мировой политики, явились последствием необыкновенного экономического роста Германии и соответственного усиления ее военных и, главным образом, морских сил. В последнем Англия усматривает угрозу не только своему морскому могуществу, но вместе с тем и своему существованию в качестве мировой державы»⁴.

Летом 1912 года, в связи с обострением международной обстановки в Европе, Англия усиленно готовится к войне с Германией. «Основной идеей английского плана войны, — сообщал 22 мая 1912 года российский военный агент в Англии, — несомненно является соединение... активного вмешательства на материке Европы с наибольшей безопасностью островов Соединенного королевства... После кризиса прошлого лета в военных кругах начал ходить слух, что разрабатывается проект о перемещении главной массы войск из юго-западной Англии ближе к восточному берегу... Настоящая дислокация английских войск ... в юго-западной Англии относится еще к тем временам, когда естественным и традиционным врагом считалась Франция, а Германия, с ее ничтожным флотом, имела лишь сухопутное значение»⁵.

Однако, подготавливаясь к войне с Германией, английский империализм не раскрывал своих карт и всячески маскировал свои агрессивные намерения. «Английское правительство, — сообщал российский морской агент в Англии, — делает вид, что сближение и договоренность с Германией ему улыбаются»⁶. Англия, готовясь к войне, всячески вводила в заблуждение мировое общественное мнение, выдавая себя за поборницу мира.

«Английская дипломатия до самого момента взрыва войны не снимала с себя таинственного забрала. Правительство Сити опасалось ясно обнаружить свое намерение выступить в войне на стороне стран Антанты, чтобы не запугать правительство Берлина и не заставить его отказаться от войны. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и в Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство»⁷.

⁴ № 77.

⁵ № 54.

⁶ № 56.

⁷ Из манифеста I конгресса Коминтерна. «Коммунистический Интернационал в документах». 1919—1932, стр. 54. Партиздат. 1939.

¹ № 387.

² В. И. Ленин, Т. XVI, стр. 188.

³ См. №№ 9, 13, 14, 17, 53, 139, 183 и др.

Поэтому английские правительственные круги не желали связывать себя формальными обязательствами союза с Францией и Россией, боясь преждевременно разоблачить свои планы. «Вчера,— сообщил Бенкендорф Сазонову 31 мая,— будучи у сэра Артура Никольсона, я завел речь о газетных статьях относительно англо-французского союза... Сэр Артур ответил мне, что оба правительства не обменялись ни словом по этому вопросу, что ни французское, ни английское правительство не проявили в этом отношении никакой инициативы, и он не думает, чтобы этот вопрос мог быть поднят в настоящее время, так как подобный акт был бы по меньшей мере несвоевременным в настоящий момент... и не преминул бы произвести в Германии весьма нежелательное впечатление вызова»¹.

В июне 1912 года российский поверенный в делах в Берлине Шебеко сообщал Сазонову: «Вопрос о возможности превращения дружественного соглашения между Англией и Францией в союз живо интересует и не мало беспокоит политические круги Германии. Хотя немецкая печать громко заявляет, что вопрос этот для Германии лишен интереса, так как события последнего года доказали, что в случае столкновения Германии с Францией Англия все равно встанет на сторону последней, будь ли она связана с ней союзом или соглашением, тем не менее та страстность, с которой этот вопрос обсуждается, и то место, которое ему уделяется на страницах всех органов германской печати, служит лучшим доказательством противоположного. Тут играет роль не столько самый факт заключения союза между Англией и Францией, сколько то обстоятельство, что в нем немцы усматривают окончательный отказ Англии от возможности сближения с Германией, которого в сущности последняя страстно желает»².

Однако Англия, провоцировавшая войну, неизменно намеревалась столкнуть противников лбами, надеясь при этом таскать каштаны из огня чужими руками. «Английская буржуазия,— писал товарищ Сталин,— не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками»³. Особого интереса в этом свете заслуживает следующий инцидент, о котором доносил 6 июня 1912 года российский морской агент в Германии Беренс. Начиная с осени 1911 года, как раз в тот момент, когда Германия разрабатывала новый военный закон, англий-

ское правительство стало усиленно запугивать Россию угрозой германского нападения. Эти запугивания привели к тому, что Россия усилила военные приготовления на западной границе. В ответ на это Германия сконцентрировала лишний корпус на границе с Россией. В результате этого выиграла англичане: им удалось добиться усиления германских сухопутных сил, направленных против России, и тем самым уменьшить ассигнования Германии на военно-морской флот, которого опасались англичане.

«Англия,— писал Беренс,— пугала главным образом нас, а не французов. Англичанам было важно, чтобы Германия решила и на нашу долю уделить что-нибудь, ибо этим отвлекались средства от ассигнований на их долю, т. е. на германский флот, и поэтому они начали нас запугивать в тот момент, когда в самой Германии шла борьба между необходимостью одновременного усиления как армии, так и флота и не было известно, на что уделить больше... В результате — остались довольными именно те, кто больше всего имел шансов бояться и против которых весь удар раньше и предназначался,— т. е. англичане, удар же изменил первоначальное направление»⁴.

Вместе с тем английский империализм, постоянно натравливавший Россию на Германию и Германию — на Россию, пристально следил за малейшими проявлениями «неровности» своей союзницы России. Летом 1912 года, когда между Россией и Германией наметилось сближение, вылившееся в форму свидания Вильгельма II и Николая II в Балтийском Порте, английские и французские правящие круги предприняли все усилия к тому, чтобы не допустить улучшения отношений между Германией и Россией. Несмотря на заявление германского канцлера Бетмана Гольвега Сазонову об «искреннем желании содействовать укреплению традиционных добрых отношений между обеими соседними империями»⁵, английские и французские империалисты продолжали пугать российское правительство угрозой германской агрессии.

Пуанкаре, узнав о предполагаемом свидании в Балтийском Порте, заявил российскому послу в Париже Извольскому, что опасается того впечатления, которое это свидание произведет на общественное мнение Франции, а также попыток с германской стороны истолковать его в свою пользу⁶.

¹ № 112.

² № 155.

³ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 611. Гиз. 1928.

⁴ № 147.

⁵ № 277.

⁶ № 179.

В связи с тревогой в Париже и Лондоне Николай II был вынужден лично заверить французского посла «в неизбежности франко-русского союза и указать на неосновательность проявленной во Франции тревоги по поводу свидания в Балтийском Порте»¹. Однако это заявление не смогло рассеять тревоги в Париже и Лондоне. Англия и Франция опасались, что Россия сблизится с Германией и не захочет воевать на стороне Антанты. Исходя из этого, они предпринимали все усилия к тому, чтобы подчинить военные планы России своим интересам, удержать Россию в системе Антанты и заставить русскую армию действовать по указке Парижа и Лондона. С этой целью, по настоянию Франции, 13 июля 1912 года состоялось совещание начальников генеральных штабов российской и французской армий². На этом совещании Франция окончательно скинула маску союзнического приличия, которой прикрывалась раньше, при выдаче займов России, и поставила определенные условия военной подготовки, на которую должны были идти ссужаемые России кредиты. На совещании был выработан план совместных действий русской и французской армий. Со стороны Франции были приняты меры к тому, чтобы использовать русскую армию с целью ослабления германского нападения на французские границы. Россия должна была принять на себя главный удар австро-германских вооруженных сил и тем самым облегчить наступательные действия французской армии. С этой целью французские империалисты, державшие российский военно-феодальный империализм на золотой цепочке кабальных займов, добились от России согласия на такую дислокацию вооруженных сил русской армии, которая полностью соответствовала желаниям французского генерального штаба.

Вскоре после совещания начальников генеральных штабов Франции и России по настоянию Франции была заключена первая франко-русская морская конвенция. Вслед за этим 9 августа 1912 года в Петербург прибыл Пуанкаре. Все эти мероприятия, предпринимавшиеся накануне мировой войны англо-французским империализмом, свидетельствовали о том, что Англия и Франция цепко держались за своего российского союзника, надеясь заполучить нужное им пушечное мясо для подготавливаемой первой мировой империалистической войны.

¹ № 255.

² № 288.

Настоящая рецензия не освещает полностью все те документы, которые вошли в первую часть XX тома «Международных отношений в эпоху империализма». Большой интерес представляют также документы об англо-русских противоречиях в Персии, о средиземноморском вопросе, англо-японских отношениях и т. д.

С. Титаренко

«ИСТОРИК-МАРКСИСТ» № 3. Изд. ЦК ВКП(б) «Правда». 1939.

Журнал «Историк-марксист» № 3 посвящен 150-летию французской буржуазной революции.

Открывается журнал статьей Ем. Ярославского «Классики марксизма о французской буржуазной революции XVIII века», характеризующей особенности этой революции.

Французская революция была классическим типом буржуазной революции эпохи восходящего капитализма. «Французская революция 1789 года, — пишет автор, — тип революции, когда народ решительно отделяется с монархией и феодализмом. Другим типом революции — половинчатой, «незаконченной» — была революция 1848 года в Германии, и, наконец, третий тип революции, как известно, дала Парижская коммуна» (стр. 3).

Характерной особенностью французской буржуазной революции было то, что во главе ее стояла буржуазия, выступавшая в тесном союзе с крестьянством.

Именно потому, что буржуазия выступила тогда в союзе с крестьянством, французская революция произвела радикальное разрушение феодализма в деревне.

В совершенно иных условиях происходила буржуазно-демократическая революция в России в начале XX века. Здесь развитие ее совпало с периодом вступления капитализма в империалистическую стадию, когда капитализм восходящий превратился в капитализм загнивающий, умирающий, когда на арену выступил новый, революционный класс — пролетариат, имевший свою собственную политическую партию, и самостоятельную силу.

В этих условиях острые классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией толкали буржуазию на путь трусливого соглашательства с царизмом, на путь частичных реформ. И если во Франции XVIII века в результате буржуазной революции политический вес буржуазии необычайно усилился, то в России буржуазная революция привела к обратным результатам. Здесь буржуазия не только не упрочила сколько-нибудь свое политическое влияние, а, напротив, потеряла его.

«Революция в России привела не к усилению, а к ослаблению буржуазии, как политической силы, не к умножению ее политических резервов, а к потере ею основного резерва, к потере крестьянства»¹.

Таким образом, между буржуазной революцией во Франции в конце XVIII века и буржуазно-демократической революцией в России в начале XX века имеется существенное различие как в отношении общей обстановки, в которой происходили эти революции, так и в характере движущих ее сил.

Французская революция привела к утверждению господства буржуазии как класса. О социалистической революции в то время не могло быть еще и речи, между тем как буржуазно-демократическая революция в России (1905 и 1917 годов) явилась прямой переходной ступенью к социалистической революции.

Автор приводит замечательную характеристику коренного различия между буржуазной и социалистической революциями, данную Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным на основе опыта буржуазных и пролетарских революций XVIII—XX веков.

Принципиальное отличие пролетарской революции от буржуазных революций заключается в том, что она ставит своей задачей не замену одной группы эксплуататоров другою, а уничтожение всех и всяких эксплуататорских групп, установление диктатуры пролетариата для построения нового, бесклассового социалистического общества.

Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом указал, что Октябрьская социалистическая революция не является ни продолжением, ни завершением французской революции: «Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма»².

Из других статей журнала следует отметить статью академика Волгина («Политический радикализм накануне французской революции») и, в особенности, интересную статью Ф. Козлова («К вопросу о якобинской диктатуре»).

Статья академика Волгина рассматривает республиканские теории трех наиболее выдающихся представителей радикально-республиканского течения второй половины XVIII века: Руссо, Мабли и Кондорсе. В центре внимания автора политический трактат Руссо «Общественный договор» (1762 года), сыгравший крупнейшую политическую роль в период революции.

Общее историческое значение политического радикального течения во Франции XVIII века автор характеризует следующим образом: «необходимо констатиро-

вать, что идеологами третьего сословия была проделана... за четверть века — с 1762 по 1789 годы — громадная работа. Их критика не оставила камня на камне в старой политической доктрине, обосновавшей абсолютистский порядок. В противовес этой доктрине они выдвинули ряд новых построений, отражавших различные этапы развития и различные оттенки буржуазной политической мысли и образовавших богатый идейный арсенал, из которого брали свое оружие вожди и борцы всех политических группировок эпохи буржуазной революции» (стр. 35).

Важнейшая заслуга представителей радикального, демократического течения и в особенности Руссо состоит в том, что оно пропагандировало идею неотчуждаемого народного суверенитета, прямого законодательства народа и выборности, то есть основные принципы республиканской теории, которая нашла свое практическое выражение в огне открытой классовой борьбы, когда на сцену выступили все классы общества со своими экономическими и политическими требованиями.

В статье Ф. Козлова дана попытка осветить с марксистской точки зрения существенные вопросы якобинской диктатуры, недостаточно разработанные исторической наукой.

Автор подвергает критике историческую концепцию историков Ж. Мишле, Луи Блана и Матьеза, принадлежащих к так называемой «демократической школе».

Коренной порок всех указанных историков, по мнению автора, состоит в том, что они, будучи ограничены буржуазными классовыми симпатиями или антипатиями, не в силах были преодолеть субъективный, антинаучный подход к решению важнейших исторических проблем французской революции.

Так например вопрос о падении жирондистской партии и установлении якобинской диктатуры Мишле, Луи Блан и Матьез рассматривали независимо от тех социальных, классовых тенденций, выразителями которых были жирондисты и якобинцы. Отсюда обвинение жирондистов в преднамеренной бездеятельности (Мишле), в чрезмерном увлечении светлой стороной революции и неумение видеть темные ее стороны (Луи Блан). Отсюда же обвинение якобинцев в политиканстве (Матьез).

Автор справедливо указывает поэтому, что без определения с научной точностью тех принципиальных линий, которые разделяли борющиеся между собой партии, историк в лучшем случае возводит свои фантазии на степень «научных данных», а в худшем — занимается фальсификацией истории.

Для правильного понимания действительного значения и характера якобинской диктатуры необходимо учитывать то обстоятельство, что руководящей силой в борьбе народных масс против феодализма и самодержавия во Франции XVIII века была буржуазия. Руководящая роль буржуазии выявилась еще задолго до ре-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 37—38. 11-е изд. 1935.

² И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 16. Госполитиздат. 1938.

волюции, в период идейно-политической подготовки ее. Буржуазные «просветители» XVIII века выполнили в высшей степени положительную работу, подвергнув беспощадной критике феодально-абсолютистские порядки со всеми их сторонами: экономической, политической, религиозной, нравственно-бытовой и т. п.

Буржуазное «просветительство», которое разделялось на два крыла: умеренное, тяготеющее к компромиссу с дворянством, и радикальное,—дало начало двум политическим направлениям, выкристаллизовавшимся в ходе революции в фейянскую и жирондистскую партии, с одной стороны, и в партию якобинцев-демократов — с другой.

Первое направление выражало программу буржуазного либерализма, которая получила конкретное воплощение в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. Между жирондистами и фейянами разницы, по существу, не было. Их разделяли не программно-политические вопросы, а вопросы тактики. Так, фейяны, отстаивая идею буржуазно-конституционной монархии, открыто заявляли об этом как в период Учредительного, так и в период Законодательного собрания. Жирондисты же, не возражая против буржуазно-конституционной монархии, под давлением народных масс вынуждены были отступить от короля. И если фейяны встретили революцию 10 августа 1792 года открытой враждебностью, то жирондисты примирились с падением монархии. Контрреволюционный либерализм жирондистов сказался в период острых продолжительных затруднений, когда встал вопрос об ограничении свободы торговли и об удовлетворении экономических требований масс.

В противоположность буржуазно-либеральному фейяно-жирондистскому направлению, в ходе революции оформилось другое, буржуазно-демократическое направление якобинцев, которое добивалось уничтожения всех без исключения старых порядков, в том числе церкви, монархии и т. д.

Якобинцы отличались от либералов тем, что они представляли интересы большинства народных масс, они были тесно связаны с массами, верили в силу масс, готовы были действовать вместе с народными массами, в их интересах. В противовес соглашательской тактике либералов тактика якобинцев была революционной, отвергавшей всякие компромиссы с феодально-абсолютистской системой. Но якобинцы питали иллюзию, будто с уничтожением феодализма и абсолютизма исчезнет всякая эксплуатация трудящихся. Они не могли тогда понять, что установление буржуазного равенства означает лишь замену одной формы эксплуатации другой.

Отсюда разрыв между намерениями, стремлениями якобинцев и действительностью, отсюда же непреодолимые внутрипартийные противоречия, которые в конце

концов привели к падению якобинской диктатуры.

Якобинцы пришли к власти в самый напряженный момент революции, когда перед Францией стояла дилемма: либо поворот вправо, к контрреволюции, куда ее толкали стоявшие у власти жирондисты, либо дальнейший подъем, развитие революции вглубь, чтобы до конца довести ликвидацию феодализма.

Установление якобинской диктатуры ознаменовалось проведением таких мероприятий, как уничтожение всех без остатка феодальных повинностей, раздел между крестьянами 8 миллионов га общинных земель, отмена продажи земель из фонда национальных имуществ за наличные деньги и восстановление продажи их в рассрочку, выделение части земель для неимущих, финансовая помощь малоимущим, упорядочение государственного долга и, наконец, принятие новой конституции 1793 года.

И пока революционной Францией угрожала феодальная контрреволюция внутри и нашествие контрреволюционных интервенционистских армий извне, пока якобинцы очищали Францию от всех и всяких остатков феодально-абсолютистского строя, они имели прочную поддержку со стороны всех сил демократии.

После же того как была вырвана с корнем монархия, разбиты прежние привилегированные классы, отменена феодальная повинность и конфисковано церковное и часть дворянское имущество, положение резко изменилось. Появилось новое, буржуазное общество. Либеральная буржуазия, составлявшая большинство в Национальном конвенте, все больше начинает проявлять контрреволюционные настроения. Требования малоимущих и неимущих слоев населения она начинает встречать в штыки. Она выступает против попыток общего передела всех земель. Богатая часть деревни политически смыкается с контрреволюционно настроенной либеральной буржуазией и стремится к обузданию притязаний низших слоев деревни и трудящихся города.

«По мере успехов революции история выдвигала перед якобинцами задачи, решить которые они были не в состоянии. Якобинцы боролись за демократическую республику и в ее рамках рассчитывали обрести свободу, равенство и братство всего народа. Между тем в условиях республиканского строя стала особенно наглядной ужасающая противоположность между нищетой и богатством. Силотившиеся вокруг якобинцев и прочно поддерживавшие их в минуту опасности силы демократии начали вследствие этого расходиться в стороны. Как только победа над общим врагом была достигнута, классовые противоречия общества, основанного на частной собственности, резко проявились» (стр. 68—69).

В этом заключалась причина тех противоречий, которые все больше раз'едали

якобинцев, раскалывали их на отдельные, враждующие фракции: дантонистов, робеспьеристов, «бешеных», эбертистов.

На анализе разногласий в среде якобинцев по вопросам об отношении к Национальному конвенту, о борьбе с экономическим кризисом и др. автор вскрывает социальные причины раскола якобинцев.

В то время, например, как дантонисты сближались с либеральной буржуазией, поворачивая, таким образом, вправо, «бешеные», а затем эбертисты ориентировали партию в сторону дальнейших революционных мероприятий, которые означали бы, по существу, подрыв самого основания созданного буржуазного общества.

Автор считает, что социально-экономическая программа якобинцев, основные положения которой были сформулированы Робеспьером в его проекте «Декларации прав» (21 апреля 1793 года), целиком соответствовала требованиям как группы Робеспьера, так «бешеных» и эбертистов. Поэтому причину разногласий между фракцией Робеспьера и фракцией «бешеных», а затем эбертистов следует искать не в программных требованиях, а лишь в форме осуществления их. Так, если Робеспьер стремился реализовать программу дальнейшего наступления на контрреволюцию через Национальный конвент, то «бешеные» и эбертисты настаивали на необходимости разгона Конвента, поскольку большинство его явно отражало контрреволюционные тенденции.

По мнению автора, Робеспьер был противником вооруженного восстания и разгона Конвента только потому, что боялся «прыжка в неизвестность».

Эта точка зрения Ф. Козлова, несомненно, несколько расходится с той характеристикой «бешеных» и эбертистов, которую давал Ф. Энгельс. (Редакция «Историка-марксиста» помещает статью т. Козлова в дискуссионном порядке). В одном из своих писем Энгельс следующим образом выразил характер требований эбертистов: «Чего они хотели, никто сказать не мог, до тех пор, пока Бабеф спустя долгое время после падения Коммуны не придавал этому определенной формы» (письмо Ф. Энгельса к К. Каутскому «Историк-марксист» № 2 за 1933 год, стр. 43).

Из этого замечания Энгельса ясно видно, что эбертисты стояли левее Робеспьера не только формально, но и по существу своей социально-экономической программы. Эбертисты являлись выразителями интересов плебейских низов, которые уже испытали ужасы капиталистической эксплуатации и поэтому не могли не выражать протеста против сложившихся отношений. Требования эбертистов представляли зародыш той социалистической программы, которую позднее сформулировал Бабеф. Разумеется, программа эберти-

стов в существе своем являлась утопической программой мелкобуржуазного равенства.

О различии социальных позиций эбертистов и группы Робеспьера Энгельс указывает также в другом своем письме, к В. Адлеру от 4 декабря 1859 года.

В этом письме он говорит, что Дантон и Робеспьер «были противниками Коммуны (вождями Коммуны были «бешеные» и эбертисты.— С. Т.) и добивались прежде всего свержения тех людей, которые желали войны для революционной пропаганды и распространения во всей Европе республиканского строя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма», стр. 362).

Несомненно, что программа Робеспьера была более «умеренной» и поэтому не тождественна программе «бешеных» и эбертистов.

Прав автор только в том, что эта борьба, которую готовили Эбер и его сторонники против буржуазной контрреволюции, в конечном счете проводилась «не во имя социализма, а во имя той же «священной частной собственности», на почве которой оставалась и буржуазно-либеральная контрреволюция» (стр. 71).

Среди прочих статей, помещенных в журнале, заслуживает также внимания статья Р. Авербуха «Политика европейских держав в 1787—1791 гг.», характеризующая сложную сеть внешнеполитических противоречий между главнейшими европейскими державами, принявшими потом участие в интервенционистской войне против революционной Франции. В статье особо отмечена контрреволюционная роль русского царизма во главе с Екатериной II.

В статье О. Старосельской «К истории науки в эпоху французской буржуазной революции 1789—1794 годов» дан очерк развития физико-математических и естественных наук накануне и в период революции. Автор показывает серьезное практическое значение, которое имели науки в развитии буржуазных производительных сил Франции.

В журнале опубликованы неизданные документы времен якобинской диктатуры, найденные сотрудницей Института истории Академии наук Л. В. Шеншиной при разборе неизданных бумаг С. Р. Воронцова.

Документы состоят из письма революционного генерала Дезэ, генералу Кюстину, постановления Комитета общественного спасения 14 нивоза II года и письма военному министру 7 плювиоза того же года. Все три документа касаются революционной армии, действовавшей на Рейне и Мозеле. Таково в общих чертах содержание № 3 журнала «Историк-марксист».

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» (орган Народного комиссариата обороны Союза ССР) № 1 за 1939 год. 144 стр. 2 руб.

Заботами партии Ленина—Сталина и советского правительства значение науки истории, исторической литературы и преподавания истории в учебных заведениях поднято на небывалую высоту. В 1934 году Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) приняли специальное постановление о преподавании гражданской истории в школах. В соответствии с указаниями товарища Сталина в наших школах введено преподавание всемирной истории. Товарищи Сталин, Жданов и Киров непосредственно участвовали в разработке программ и в создании учебников по истории народов СССР и новой истории.

Год тому назад вышел «Краткий курс истории ВКП(б)», в создании которого активно участвовал товарищ Сталин. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» историки получили образец подлинно научного и в то же время наиболее понятного изложения исторических событий, глубокого и правильного их исторического анализа и обобщения и точной периодизации истории. «Краткий курс истории ВКП(б)» оказывает большое влияние на всю историческую литературу, на составление других учебников по истории и на преподавание истории. Это влияние ощущается как в формах изложения, так и в содержании исторического материала.

По решению Центрального Комитета ВКП(б) и по указанию народного комиссара обороны СССР маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, создан «Военно-исторический журнал». Вышел в свет первый его номер. Начал свое существование журнал, имеющий большое значение в деле дальнейшего развития исторической науки вообще, в развитии военно-исторической науки в частности, в деле дальнейшей разработки вопросов истории войны и военного искусства.

Решение Центрального Комитета ВКП(б) о создании «Военно-исторического журнала» является ярким свидетельством заботы нашей партии и лично товарища Сталина о подъеме военно-исторической науки, об очищении военно-исторической литературы от фальсификаторов истории войн и военного искусства, о внедрении военно-исторических знаний в широкие слои советского народа и о вооружении командиров, комиссаров и начальствующего состава РККА знаниями военных событий прошлого.

История русского военного искусства, примеры вооруженной борьбы советского народа, образцы стратегического руководства и полководческого искусства, которыми богата насыщена история народов

СССР, небывалая массовая героика гражданской войны являются важнейшими факторами коммунистического воспитания красноармейцев, командиров и политработников РККА и всей нашей молодежи.

Командиры, комиссары, политработники и начальствующий состав РККА проявляют большой интерес к изучению военной истории. Военно-историческими вопросами интересуется и значительная часть хорошо грамотных красноармейцев и начальствующего состава запаса. Правда, в силу малого тиража «Военно-исторический журнал», очевидно, удовлетворить всех запросов не сможет.

В военном и политическом росте командира, политработника и других специалистов РККА изучение военной истории играет весьма важную роль. Оно способствует подъему их общего культурного уровня, развитию тактического искусства и расширению оперативно-стратегического кругозора. Марксистско-ленинское изучение военной истории дает ключ к правильному пониманию закономерностей войны и военного искусства, повышает теоретическую подготовку, обогащает практику военного дела, будит творческую мысль и тем самым способствует повышению боевой мощи Рабоче-Крестьянской Армии и Военно-Морского Флота СССР.

Редакционная статья первого номера «Военно-исторического журнала» «За ленинско-сталинскую передовую военно-историческую науку» правильно ставит основной и главной задачей «Военно-исторического журнала» разработку и освещение истории гражданской войны в России и истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

«История военных операций гражданской войны неотделима от истории партийной-политической работы в рядах РККА. Человечество не знает другой такой армии, как наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия, организатором, создателем и руководителем которой является коммунистическая партия. РККА — армия диктатуры рабочего класса, армия нового типа; ее органической, составной частью наряду с командным составом является институт военных комиссаров и политорганов» (стр. 6).

И далее, передовая статья совершенно правильно указывает:

«Разработка истории гражданской войны в СССР, истории РККА и богатейшего опыта работы ее партийных организаций и политорганов, исследование и популяризация полководческого искусства пролетарских стратегов и тактиков — благодарнейшая работа советских военных историков, которую они должны развернуть безотлагательно» (стр. 6—7).

Кроме истории гражданской войны и Красной Армии журнал ставит своей задачей освещение вопросов истории первой и второй империалистических войн, истории войн и военного искусства до мировой империалистической войны 1914—1918 годов и истории развития отдельных специальных родов войск и военной техники.

«Исторический кругозор военных историков, командно-политического состава РККА и красноармейцев» не должен замыкаться войнами XX столетия. Нам, людям эпохи социализма, дорога и близка история народов СССР; славные традиции любви к родине уходят корнями в далекое прошлое. Изучая историю нашей родины, личный состав Красной Армии найдет в ней немало замечательных образцов доблести, достойных подражания.

Вот почему вопросы истории военного искусства всех времен и народов, а особенно героического русского народа, должны также стать предметом работы советских военных историков и найти соответствующее место на страницах нашего журнала» (стр. 7—8).

Редакция «Военно-исторического журнала» ставит своей задачей также разработку истории разведывательной службы, службы штабов и тыла, которые в современной войне имеют особенно важное значение.

«Военно-исторический журнал» будет активно участвовать в очистке военно-исторической литературы от неправильных, а порой враждебных взглядов, распространяемых псевдоисториками, буржуазными фальсификаторами военной истории. Критика антимарксистских положений в военно-исторической литературе должна занять видное место в журнале.

В первом номере «Военно-исторического журнала» напечатаны статьи: А. Боголюбова «Разгром Колчака», Н. Корсуна «Некоторые оперативные выводы из последних войн», Б. Тзылпуховского «Разгром шведских интервентов под Полтавой», Е. Тарле «Взятие Бастилии», М. Буковецкой «Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции», Ф. Ротштейна «Начало германской колониальной политики», Е. Болтина «В. И. Чапаев», Г. Калашникова «Легендарный штурм Н. А. Щорс» и П. Балдина «Наступательный бой 11-й пехотной дивизии в Брусилловском прорыве».

В журнале также помещены «Боевые документы Н. А. Щорса», дан библиографический обзор трудов Ф. Огородникова и книжки И. Васильева «Транспорт России в мировой войне 1914—1918 гг.». Напечатан перечень трудов, статей и речей В. И. Ленина и И. В. Сталина о первой империалистической войне, список литературы по истории мировой войны 1914—1918 годов. Даны краткие справки о работе Института истории Академии наук СССР, о Центральном архиве Красной Армии и о юбилейных торжествах в Полтаве, посвященных 230-летию разгрома шведских интервентов.

Первый номер журнала яван хорошо. Основные статьи иллюстрированы схемами и рисунками. Несомненно, «Военно-исторический журнал» будет пользоваться большим вниманием со стороны команди-

ров, политработников и начальствующего состава Красной Армии.

Следует, однако, отметить, что не все статьи, помещенные в № 1 «Военно-исторического журнала», находятся на достаточно высоком теоретическом уровне. Это в особенности относится к статье тов. Боголюбова, посвященной разгрому Колчака.

В нынешнем году исполнилось 20 лет с тех пор, как Красная Армия при активной помощи рабочих и крестьян Урала и Сибири разгромила белогвардейскую армию адмирала Колчака. Основные силы Колчака — ставленника Антанты — были уничтожены. План военной интервенции в первом походе Антанты был сорван. Железной метлой революции были выметены из нашей страны помещики и капиталисты. Был освобожден от контрреволюционной колчаковщины весь Урал, и началось освобождение Сибири.

В. И. Ленин 24 августа 1919 года обратился со специальным письмом к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком. В этом замечательном документе В. И. Ленин подвел итоги вооруженной борьбы рабочего класса с контрреволюцией. Он обратил внимание нашей партии и рабочего класса на уроки войны с Колчаком. Эти ленинские указания были положены в основу дальнейшей организации и ведения вооруженной борьбы с иностранной военной интервенцией.

Приходится сожалеть, что статья А. Боголюбова, как это ни странно, обошла молчанием это письмо В. И. Ленина. Статья написана сухим языком, с большим количеством пересказов директив и приказов, без достаточного анализа и обобщения оперативного материала.

Статья Н. Корсуна «Некоторые оперативные выводы из последних войн» также имеет ряд существенных недостатков. В описании военных операций в Испании автор совершенно упускает из виду военно-политическую сторону этой войны. Нельзя признать достаточным такое утверждение автора: «Анализируя важнейшие операции, развернувшиеся на фронтах Испании, необходимо учитывать, что на их характер влиял горный театр военных действий, а также своеобразие населенных пунктов с их каменными жилищами и такими же массивными оградами» (стр. 25). Н. Корсун не дает политической обстановки, характеристики международного положения и политической борьбы внутри страны, которые, по существу, определяли характер войны в Испании. И в дальнейших своих рассуждениях автор всюду ставит во главу угла географический фактор. Надо признать, что статья Н. Корсуна наименее удачна из всего первого номера журнала.

Отмеченные отдельные недочеты не снижают, однако, общего уровня «Военно-исторического журнала». Большинство статей богато содержанием, написано на высоком политическом и научном уровне и представляет большой интерес.

СОДЕРЖАНИЕ № 11

О внешней политике Советского Союза — Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года	1
Закон о включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой	14
Закон о включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой	14
XXII годовщина Октябрьской Революции. Доклад тов. В. М. МОЛОТОВА на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1939 года	15
Б. ВОЛИН — О работе товарища Сталина „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов“	26
Проф. М. МОСКАЛЕВ — Развитие программы большевистской партии .	37
А. ЗАЛЕССКАЯ — С. М. Киров — ленинско-сталинский трибун революции	49
А. МАНУСЕВИЧ — Исторические предпосылки краха Польши	58
Я. ГОЛОВЧИНЕР — Крестьянское восстание 1768 года на Украине . .	70
Р. ГОЛУБЕВА — Великая Октябрьская революция в Узбекистане . .	80
Г. ГУЖВЕНКО — Башкирия в борьбе за власть Советов	92
Акад. Ф. РОТШТЕЙН — Ранний империализм Англии и Франции . . .	101
Проф. В. КИРПОТИН — Источники политических идеалов М. Ю. Лермонтова	115
Проф. М. ИОВЧУК — Патриотизм В. Г. Белинского	129

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Н. ПОЛЗИКОВА-РУБЕЦ — Экскурсии и внеклассные занятия по истории	139
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

А. МОГИЛЕВИЧ и М. АЙРАПЕТЯН — Новые документы о подготовке войны 1914—1918 гг. „Международные отношения в эпоху империализма“. Т. XX. Ч. I-я	146
С. ТИТАРЕНКО — „Историк-марксист“ № 3	154
И. ЛАЗАРЕВ — „Военно-исторический журнал“ № 1	158

ОПЕЧАТКИ

В № 9 нашего журнала за 1939 год, на стр. 154 и 160, фамилию автора следует читать: «Д. Балика».

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А-18044 Изд. № 1144 Зак. № 3310 Тираж 50 000 экз.
Материал сдан в набор 14 X 1939 г. Подписан к печ. 20 XI 1939 г. 10 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.